Учредители:
Институт географии РАН
Географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии Санкт-Петербургского государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:
Смоленский гуманитарный университет

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати РФ
Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

Главный редактор:
д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:
д.г.н., проф. Артоболевский С.С. (Москва)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)
д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:
д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н, проф. Вишневский А.Г. (Москва); проф. Лентц С. (Германия); член-корр. РАО, д.г.н., проф. Гладкий Ю.Н. (С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Москва); д.г.н., проф. Мироненко Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Пирожник И.И. (Беларусь); д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:
д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Бильчак В.С. (Калининград); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Воробьева О.Д. (Москва); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.г.н., проф. Кочуров Б.И. (Москва); к.г.н., доц. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н., доц. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.э.н. проф. Регент Т.М. (Москва); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Москва); д.г.н., проф. Рудский В.В. (Смоленск); д.г.н., проф. Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д. (Пермь); проф. М. Фрюауф (Германия)

Ученый секретарь:
к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68–36–88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 20.10.08 г.
Формат 70x108 /16. Гарнитура «Times»
Тираж 500 экз.

Отпечатано:
ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: unm@shu.ru

© РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, 2008

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

Основан в мае 2002 года

Выходит 6 раз в год

№ 5 (20), 2008

region@shu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 3

ТрейвишА.И. Регионализация и централизация в России 3
Treyvish A.I. Regionalization and Centralization in Russia 3

НефедоваТ.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен 14
Nefedova T.G. Russia's Periphery as a Socio-Economic Phenomenon 14

Скалон А.В. Высшая школа как ключевое звено решения проблем развития России 31
Skalon A.V. The higher school as a key part of the decision of problems of development of Russia 31

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ 39

Клоков К.Б., Хрущев С.А. Динамика демографического воспроизводства популяций коренных малочисленных народов Севера России и ее региональные особенности 39
Klokov K.B., Hrushchev S.A. Demographic reproduction dynamics of populations reproduction of native small peoples of the North of Russia and its regional features 39

Ковалев Ю.П. Концептуальные подходы к кластеризации в сфере туризма 51
Kovalev Yu.P. Conceptual approaches to the cluster formation in tourism 51

РОССИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ МИР 57

Свиридова М.В. Трансформационные процессы в России и в странах Центрально-Восточной Европы в 1990–2000-х гг. 57
Sviridova M.V. Transformation Processes in Russia and in the States of Central-Eastern Europe in 1990s–2000s. 57

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА 71

Часовский В.И. Индустрия стран СНГ в условиях трансформационной экономики 71
Chasovsky V.I. The industry of the countries CIS in conditions transformational economy 71

Машурова Е.А. Национально-государственные интересы Беларуси и межрегиональное сотрудничество 83
Mashurova E.A. National interests of the Republic of Belarus and its regional cooperation 83

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 88

Мажар Л.Ю., Щербакова С.А. Региональные проблемы развития туризма 88
Mazhar L.Yu., Shcherbakova S.A. Regional problems of development of tourism 88

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 92

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.И. Трейвиш
(г. Москва)

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ В РОССИИ

Treyvish A.I.

REGIONALIZATION AND CENTRALIZATION IN RUSSIA

The article examines the concept of regionalization with regard to Russia and its relations with federalism. The waves and a pendulum of regionalization and centralization are revealed in Russia's history. The specifics of the early 1990s and of a "new regionalisation" are shown. The importance of inter-regional integration and the danger of its replacement by an accelerating re-centralization are clarified.

Регионализм и регионализация

Регионализацию раньше определяли то как интеграцию стран в макрорегион, то как районирование, что ближе к западным аналогам (Алаев 1983, с. 117; Словарь иностранных... 1984, с. 422). Трактовки разнятся и теперь. В группе П.Г. Щедровицкого (На пороге… 2001, с. 9) регионализацию понимали как структурирование процессов развития в пространстве, выделение в нем сообществ, различий, границ, то есть районообразование. Но в главном значении 90-х гг. термин прочно связался с «революцией регионов», резким повышением их роли в жизни России (Каганский 1992, 1994; Лексин, Андреева 1993; Федерализм 1997 и др.) и сблизился по смыслу с урбанизацией, глобализацией и т. п. Приоритет с отрывом на год от коллег принадлежит В.Л. Каганскому. Только мне трудно согласиться с ним, когда он пишет, что наша регионализация резко отлична от роста регионализма – явления и процесса, давно известного на Западе и меньше у нас.

По совокупности толкований регионализм включает:

а) региональное самосознание, идентичность, «дух земли» и «малый патриотизм», приверженность к провинциальным традициям, самобытности, партикуляризму (иногда их называют местничеством – в географическом, а не в известном историческом смысле);

б) их воплощение в региональные общественные движения (во Франции с конца XIX в.), массовые или единичные, в разной степени радикальные и успешные;

в) «собственно регионализация» – учет интересов и нужд регионов в политике на основе признания районного (регионального) бытия и развития одной из полноправных форм самоорганизации общества.

Этой триадой я представил понятие в предисловии к «Регионализации в развитии России» (2001, с. 3) и заявил, что наша регионализация 1990-х гг. была ничем иным, как бумом регионализма. Последовала критика В.Л. Каганского (2002), суть которой вкратце такова. Регионализм – идеология и практика реально существующих районов, нацеленная на получение формального статуса, в пределе – независимости. А наша регионализация была стремлением институционально оформленных регионов повысить свой реальный статус. Это сомнительно не только из-за смутного отличия района от региона. Многим западным «районам», притом лидерам регионализма, не надо получать статус «региона», который у них был и есть.

Немецкий регионализм – из сильнейших, а его признанный лидер – «строптивая» Бавария. Сам Бисмарк, признав ее «национальное чувство», не тронул границ, с какими она вошла в германский рейх, сохраняя элементы

самоуправления, и в каких эта земля «ненарушенной исторической традиции», где «часы идут по-другому», живет поныне (Бусыгина 1999, с. 222–226). Чем не институциональный регион? Как и Техас, один из самых самобытных штатов, некогда звавшийся империей и сохранивший яркий культурный тип (Смирнягин 1989, с. 265). Формального статуса и самоуправления не теряла Шотландия: с 843 до 1707 гг. (свое королевство) и вплоть до расширения самоуправления в конце XX в. с ростом шотландского этнорегионализма, а «по-нашему» – регионализации Британии. В Канаде Квебек, в Испании Страна Басков и Каталония, пока что автономные датские, но идущие к независимости Гренландия и Фареры, ряд регионов Индии, Китая… Слишком много фактов противоречат тезису В.Л. Каганского.

Другое дело, что наша «административно-государственная география оказалась и сильнее, и заметнее социально-экономической». С этим тезисом я согласен и попробую его развить. Но подчеркну, что регионализм и регионализация – антонимы централизма и централизации (а еще однообразия, унификации), но еще не синонимы сепаратизма и дезинтеграции. Регионализм как движение рос на Западе, особенно во Франции, в виде протеста против жесткого централизма и мелочной опеки регионов центром, его властной бюрократией. Их поменьше в федерациях, хотя под этой вывеской кроются самые разные устройства, да и регионализация их не обходит. Важно, что речь далеко не всегда идет о сецессии: самоопределении и отделении. Вот тут Каганский прав: регионализм становится сепаратизмом «в пределе». Но каком?

Видимо, это когда региональные сообщества, готовые взять себе часть избыточных полномочий центра, встречают глухую стену. И ждут, пока она осядет под собственной тяжестью. В такой момент от регионализма до сепаратизма один шаг, как при распаде СССР и «федерализация» РФ, стартовавшая с фразы Б.Н. Ельцина: «берите суверенитета столько, сколько удержите». Не удивительно, что оценки этого бума регионов полярны. Одни видели в нем нормальную реакцию общества на прежний гиперцентрализм, другие – неосоветскую, а то и неофеодальную реакцию региональных элит на слабость центра и чреватую сепаратизмом «асимметрию» РФ, о чем спорили политики и ученые, даже под обложкой одного издания (Куда идет... 1996, с. 42, 60, 146, 276).

Многие, и не только люди типа В.В. Жириновского, вообще против федеративного устройства России. Еще Ш. Монтескье считал, что крупные страны – или тирании, или федерации. СССР был первой под вывеской второй, а РФ «из двух зол выбрала оба», создав на месте одной тирании федерацию 89 тираний: царьков, ханов, баронов и прочих региократов. Реально федерализм не связан жестко ни с размером (США и Швейцария), ни с их полиэтничностью стран (Индия и Германия), ни даже с демократией (в унитарно-монархических Нидерландах и Дании ее больше, в том числе для регионов, чем в федеративных деспотиях Нигерии и Мьянмы). Федерализм многолик, и это не панацея от сепаратизма (Колосов, Мироненко 2002, с. 379–410).

Все же почти спонтанная хаотичная федерализация России начала 1990-х гг. ее по сути дела спасла. Это не редкость для критических стадий развития государств (Там же: 407). Когда рушатся старые связи и скрепы – у нас с остановкой ротации партийных элит, ликвидацией центральных ведомств – региональная идентичность сохраняется и начинает доминировать над общенациональной. Хуже того, федералы, проводя реформы и жесткий бюджетный курс, прослыли на местах мытарями и расточителями, а регионалы – отцами-защитниками. И им уступали, раздавая льготы, заключая сверх общего двусторонние договоры о полномочиях, допуская регионализацию власти и собственности, «базарный федерализм» вместо конституционного. Но стоит вспомнить хотя бы историю двух неподписантов Федеративного договора (с Шаймиевым сотрудничали, а с Дудаевым нет), чтобы понять, какой вариант стоил стране дешевле. Впрочем, война в Чечне, быть может, охладила еще чьи-то амбиции.

По В.А. Колосову и Н.С. Мироненко, эволюция федерализма допускает попятные движения, возврат к централизаторству, но все равно пути назад нет, а вперед – неизбежен и в перспективе необратим. Я в этом не столь уверен, зато убежден, что регионализм более универсален, неустраним, а также более географичен, чем федерализм. Он был, есть и будет в большинстве государств, особенно крупных, вне зависимости от их формального типа. Россия в нынешних границах может отказаться от федерализма де-факто или даже де-юре, но останется страной многорайонной. И если с региональным и этническим сепаратизмом центр обязан вести борьбу, то с регионами и

регионализмом полезнее найти общий язык. Альтернатива здесь та же, что в вопросах свободы личности, рынка, СМИ и гражданского общества в целом. Или «тащить и не пущать», заодно готовяськ редким, но едким реакциям на такую политику, или давать региональной свободе законный выход, не ущемляющий других свобод.

В России есть и скепсис насчет регионализма, в том числе научный. Он касается всех трех его компонент, причем аргументами «за» и «против» часто служат одни и те же факты истории и географии. Так, все дружно ссылаются на колонизацию. Ее влияние и впрямь противоречиво: она расширяла поле регионализма за счет многообразия сред и контактов, но замедляла его в меру своей незавершенности, подвижности (Стрелецкий, 2001). Надо поэтому спросить: а есть (был) ли он, этот российский регионализм, и если да, то какой? Корни вопроса глубоки, а ответы противоположны.

Оценки нашего регионализма, начиная с идентичности и влияния на нее русской культуры, давней полимасштабной централизации и разреженных пространств полярны. Одни (М.П. Погодин, С.М. Соловьев, Н.А. Бердяев, ныне В.Л. Глазычев, Л.В. Смирнягин, Н.И. Цымбаев) не видят у нас исторических провинций и обыденных районов, считая местное самосознание и культуру ослабленными. Другие (Н.И. Костомаров, А.П. Щапов, М.К. Любавский, а из географов, например, М.П. Крылов) с этим совершенно не согласны и указывают на признаки неизбывного, укорененного регионализма и провинциализма, в том числе русского, а не инородческого.

В рамках первого направления возник смирнягинский тезис об аспатиальности (внепространственности, внерегиональности) русской культуры, слабом чувстве места, дистанции, границы в связи с монотонностью природы большой и широко колонизуемой родины (Смирнягин, 1998). Отсюда недалеко до вывода о неприятии регионализма в России, хотя когда-то его подавляли все централизуемые государства и этот политический фактор, пожалуй, важнее культурного.

Второе направление отмечает противоположные свойства той же культуры. Н.И. Костомаров отмечал ее исконно резкие контрасты в Киевской Руси в удельные века и позже. Он и М.К. Любавский находили на Руси даже протофедерализм, но подавленный мощной централизацией в XVII в[1]. А.П. Щапов выдвигал земско-областную теорию русской истории, М.Я. Гефтер считал, что «по ту сторону власти» Россия всегда оставалась поземельно разделенной. Подробные обзоры этих мнений содержат работы М.П. Крылова (2000–2005). Он же отметил и такой «вкусовой» водораздел: независимо от признания или отрицания русского регионализма, одни авторы очень ценят его и проявления местной самобытности вообще, а другие видят в них пережитки традиционализма.

Если регионализм был и еще жив, то, видимо, он какой-то «другой», необычный. И это может касаться самих районов. М.П. Крылов дал свой ответ, выделив два типа исторических провинций: западноевропейский и условно российский. В одном первична территория с отличным от города-центра названием, восходящим к этнониму, гидрониму и т. п.; при этом распространены полицентризм или миграция центра. Второму присуще развитие «от центра» и полисное устройство, иерархия городов и пригородов – не в современном смысле, а в средневековом. Псков как пригород, «младший брат» Великого Новгорода. Регионы второго типа явно доминируют в пределах русского мегядра[2].

Возможно, такова специфика жестко централизованной страны. Не убив совсем регионализма, она или встроила его в свою иерархию, или пустила на самотек, оставив «по ту сторону власти». Это зависело от ранга района: чем он мельче, неприметнее, тем живучее, в чем, кажется, убеждался за годы странствий по стране и Л.В. Смирнягин. Когда-то он считал, что дорогих его сердцу американиста обыденных (вернакулярных, неформальных) районов в России нет или что это крайняя редкость. Но сам нашел их в глуши уже немало. Один из примеров – Кацкий стан Ярославской области,

[1] Справедливости ради напомним, что эти историки специально изучали в основном западно-русские, то есть белорусские и украинские земли.

[2] Важна и культурно-хозяйственная история. В английской зоне Денло, датского права X в., части-ширы и затем графства одноименны с городами (Йоркшир, Дербишир и др.) из-за военно-торговых урбанистических склонностей викингов. А юг сохранял рурально-племенные регионимы VI–VII вв. (Сассекс, Эссекс, Уэссекс: земли южных, восточных, западных саксов). Если варяги Рюрика походили на этих викингов, то тоже несли на Русь или укрепляли там «полисную» традицию.

куст деревень к западу от г. Мышкин, разделенный границами районов, но сохранивший диалект и идентичность кацкарей, теперь со своей газетой и скромным турбизнесом на базе местной фольклорной экзотики.

Занимаясь поиском по картам многих сотен «истинных» городов В.П. Семенова-Тян-Шанского для книги «Городи деревня» (2001), мы нашли их почти все и с теми же названиями, хотя насчет них классик мог ошибаться: городами они не стали, а замерли в звании села или пгт. Имена меняли крупным городам, если они были «не советскими» или неблагозвучными, а тут уцелели Царев и Пенделка, Жадовка и Погорелое, Сараи и Крестовоздвиженское Ветер переименований гудел в вершинах. Внизу же, при всей жесткости режима, коллективизации, ликвидации земского наследия и т. д., было тише.

В общем, русский регионализм поневоле низовой и потаенный, на ветер не суется. Поэтому собрать сколь-либо полную коллекцию обыденных культурных районов России и специализированных «неокустарных» районов товарных промыслов, сельских хозяйств населения (примеры см. у Нефедовой 2003, 2006) трудно даже в век Интернета. Их надо открывать, как в эпоху Колумба. Кроме упомянутой потаенности, виной тому присущий «неинформационным» обществам нигилизм в отношении к своему глубинному богатству и устройству, да и нежелание, в том числе чиновное, что-то о нем знать вообще.

Иначе обстоит дело с макрорайонами страны. У регионализации в этом масштабе своя специфика. Напомню, что контрасты плотности населения у нас меньше, чем в Китае или Канаде, что Россия расплылась по океану суши, где нет резких рубежей. Крупные части – Центр, Черноземье, Русский Север, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток – все же различимы, но неявны их пределы и чувства принадлежности к ним. Условия месторазвития страны, облегчая диффузию культур, тормозили регионализацию, тем более что на уровне макрорайонов она заметнее «по эту сторону власти» и больше ее волнует. Сибирское областничество, горско-Кавказский конфедерализм, даже проектные, не могли укрыться от государева ока, как кацкари на Катке, соседние сицкари на Сити и даже Великолукский, Муромо-Выксунский, Балашовский «сепаратизм»[3].

Наш регионализм оправдывает полярные мнения о себе. Следует признать, что это, во-первых, «сундук с секретом», внешне скромный, но таящий неожиданные предметы, а, во-вторых, полимасштабный феномен со своей спецификой и загадками на каждом уровне. Это не значит, что он поддается только конкретно-индивидуальному описанию. Попробую найти некоторые общероссийские эволюционные закономерности.

«Маятник» регионализации – централизации

Этот механизм сродни известному маятнику реформ и контрреформ, циклам «открытия-закрытия» страны, интегризма и изоляционизма, про- и антизападничества. Фазы первого типа ставят нас на колею общемирового развития, но зачастую неадекватны самой России, чреваты ее полуколониальной зависимостью и поляризацией, включая региональную. А фаза и модель автаркии оборачивается застоем, потерей общей колеи и самой реальности. Шараханья в крайности составляют исторический вызов самому существованию России. От европеизма к самобытному коммунизму и обратно, от положения сырьевой периферии к претензии на мировое лидерство и назад – этот маятник ставит вопрос «кем быть» на высоту «быть или не быть» России (Гордон, 1999). Кстати, и право у нас не прецедентное американское, легализующее новации при их появлении, не периодически обновляемое европейское, а «ирреальное». После долгих блокад его меняют целыми кодексами. Но они, важные для рывка ведущих отраслей и регионов, так опережают реалии прочих, что им просто непонятны. Сами лидеры нарушают инертную массу устаревших законов. И все оказываются вне права – во власти ушлого чиновника.

Волны регионализаций и рецентрализаций – только часть общественных процессов и механизмов, определявших судьбы страны. Оба раза при грандиозных смутах XX в., доводивших ее до полураспада, кризисы державной идентичности сопровождали бумы этно-региональной, перераставшей в сепаратизм и вал самоопределений.

[3] Впрочем, и макро- и мезорегионализмы могут прятаться за деланным равнодушием. Будучи вскоре после создания федеральных округов в Пермской области, включенной в Приволжский ФО, я пытался выяснять реакцию на это непривычное решение. Один ее тип свелся к выражению «а нам все равно». Другой состоял в признании двойной принадлежности региона – к бассейну Волги и к Уралу.

Декларация прав народов России в 1917 г. открыла двери признанию независимой Украины, Финляндии, Польши. До 1920 гг. в экс-империи возникало до 70 государств-эфемеров, из них более 30 в пределах будущей РФ (первое – Башкирская республика Урал-Идель, последнее формально независимое – Дальневосточная). Немногие их центры, как белые Самара и Омск, считали себя общерусской альтернативой красной Москве. Преобладал этнический и региональный сепаратизм, неизбежный в тогдашнем хаосе, но, как оказалось, бесперспективный. Впрочем, он не прошел бесследно. Без автономизации и номинальной федеративности РСФСР обойтись было уже нельзя. Входя в 1922 г. в СССР, она была асимметричной федерацией: 18 разноранговых национальных автономий, плюс «обычные» регионы. Конституция 1936 г. числила АССР государственно-политическими, а области, края и АО – административными единицами. В Совет Национальностей ВС СССР избирались по 25 депутатов от ССР, 11 от АССР, по 5 от автономной области и по 1 от округа. Потом состав и статус автономий окрепший центр менял, как хотел.

Критики советского строя считают формально-правовую структуру РСФСР вполне фиктивной. Само право было фикцией, и все, включая судьбы народов и регионов, решало политбюро – орган, неведомый конституциям. Те же авторы часто идеализируют царскую Россию, утверждая, что в думские годы и даже в феврале 1917 г. никто, даже поляки, не желал отделения от империи или ее федерализации (Зубов, 2000). Но, скорее, они об этом просто помалкивали до краха державы.

Прочна ли империя, основанная на жестком централизме и военной силе? История давно дала ответ. Внезапный слом такой империи кружит головы, мешая в них реальное с нереальным, полезное с опасным, суля всемирную революцию, коммуну и слияние наций. Тут не до мелких регионов, хотя заниматься ими пришлось. Да и в Российской империи этнические и субэтнические регионы могли пользоваться автономией. И у асимметрии, и у централизма корни глубоки. Ждать их немедленного устранения было, по меньшей мере, наивно.

М. Афанасьев (1998) заметил, что разговор о суверенитете – это разговор о том, кто в доме хозяин, а не о том, как устроено домашнее хозяйство. Но в СССР, надо признать, были хозяйственные инструменты интеграции и подавления регионализма: плановые органы, ведомства, кадровая политика. Централизованной экономикой правили союзные наркоматы и министерства, аналоги западных ТНК, сменившие крупных собственников в роли организаторов межрайонного разделения труда и не менее важных централизаторов страны, чем чисто политические институты.

Регионализация как триада «низовых» идентичностей, движений и их встречи с «верхами» – объективно-субъективный процесс, спонтанный или регулируемый. Он не только не равен сепаратизму, но не всегда отвергается и государством, даже таким, как СССР. В разные периоды его истории сам район понимали то почти как страну в стране, то как ячейку служебной сетки для планирования или управления. Конфликт интересов возникал постоянно (он тоже объективен) вместе с вопросом о том, как развивать страну: централизованно или «от регионов».

Каждые 30 лет поднималась волна регионализации, усиления роли районов или попыток самой верховной власти ее усилить (рис. 1). Они рождались от смут и в более спокойные времена на стыке ведомственно-отраслевых и региональных интересов. Вот эти периоды – межцикловые в кондратьевском смысле: пик регионализации совпадал с экономическим перепутьем, «передышкой», когда власть колебалась между естественной и мобилизационной моделями, а пока пыталась гармонизировать развитие страны, учесть ее разнообразие и приблизить к регионам рычаги управления.

Дважды – на рубеже 30-х гг. и в начале 60-х – из лучших побуждений делались попытки заменить отраслевое управление территориальным и заодно административные районы слить с экономическими. Оба раза эти попытки сметала волна мобилизации, прыжок в новый – 3-й, затем 4-й – технико-экономический цикл. Плановая индустриальная экономика и ее ВПК просто не вписывались в рамки районов и с ними не считались. Слова об их гармоничном комплексном развитии оставались словами, мифами, хотя и стойкими в силу их пропагандистской привлекательности.

Еще 30 лет такого хозяйствования после Хрущева – вот и цикл, интересный для отдельного исследования, – подвели республики и регионы к «бунту» на рубеже 1990-х гг., сперва под лозунгом регионального хозрасчета, переросшего в экономический и политический сепаратизм. В отличие от смуты, породившей СССР и не связанной прямо с переходом к новому

Рис. 1. Условная схема советских и постсоветских волн регионализации – централизации

циклу Кондратьева, тут сошлись политическая и экономическая циклика (порог 5-го цикла, одолеть который новая смута не помогла). М.С. Горбачев начал перемены с политики, помня о крахе сугубо хозяйственных реформ, а экономика не пожелала отделяться от нее, да и федерализм тесно связан с экономическими интересами. «Пространственная форма демократии» на фоне кризиса и дележа советского наследства усилила обособление регионов (Марченко 1996, с. 30; Лексин, Швецов 1997, с. 83).

Россия сыграла важную роль в том процессе, который вкупе с другими развалил Союз. При сверхпрочном центре все прочие власти были просто исполнителями. По позднесоветской статистике, доля предприятий союзного подчинения в РСФСР достигала 70%, ее Совмин распоряжался только 1/5 прибылей индустрии. В системе скорее бюро- и технократической, чем экономической и политической, место региональной политики занимало директивное территориальное планирование. От низких цен на сырье и топливо Россия за год теряла в обмене внутри СССР до 20 млрд. рублей. Вот и примкнула к тем, кто звал к самоуправлению и самофинансированию, «зажимал» налоги союзному центру. Правда, до конца СССР, как и Российской империи, о сецессии не говорили прямо.

Приметы регионализации России в 1990-х гг. известны. П.Г. Щедровицкий с соавторами (На пороге… 2001) назвал ее административно-политической: региональные власти создали административно-интегрированные сообщества с протекцией в экономике «для своих» и теневым налогом на вхождение в нее. Сравнительно с позднесоветскими порядками новыми стали регионально замкнутый баланс выгод и обременений, четкое отделение своих от чужих, выборность, иммунитет и усиление власти местного вождя, его монополия на торги с Москвой (ее невмешательство в обмен на сдерживание своих регионал-сепаратистов), претензии на особый статус региона. Хронология договоров о разграничении полномочий отражала «строптивость» и особую близость регионального руководства к федеральному[1]. Эти договоры вместе с общефедеративным и с разменом частью номенклатуры власти на собственность стали платой за сравнительно мирный переход в «новое измерение».

Вместе с тем, авторы упомянутого доклада, в отличие от иных критиков нынешней России, отметили позитивные стороны такой регионализации (Там же: 13–14). Обобщенно, это рост разнообразия и адаптивности: диверсификации самих процессов развития и систем управления по сравнению с прежней, возможность проверки разных моделей и технологий, включая электоральные (выборы местной власти), их приближения к жителям и к условиям регионов – от «красных» до «либеральных».

[1] Первыми в 1994–1995 гг. их заключили семь республик, включая Татарстан, Башкортостан и Саха-Якутию. За ними области и края: Свердловская (малая родина Ельцина, один из лидеров постсоветского регионализма), Калининградская, Оренбургская (родина Черномырдина), Краснодарский край.

Позже, занимаясь приведением регионального законотворчества в соответствие федеральному, представители президента в округах убеждались, что нормы, введенные в ряде субъектов Федерации, прогрессивнее общероссийских.

Куда чаще постсоветский регионализм и всю систему власти РФ огульно именуют неофеодальными (неосоветскими, дикокапиталистическими). Взгляды авторов сборника «Куда идет Россия?» (2000) на новейший цикл истории сводятся к схеме: от служилого класса номенклатуры к олигархии по формуле власть+собственность и в конечном итоге власть=собственность, затем к авторитаризму (по «гиперпрезидентской» конституции 1993 г.). Многие видели здесь повтор феодальной цикличности. Смущает олигархический капитализм, хотя говорят, что у нас были олигархи и не было олигархии: кланы чаще воевали, чем дружили. Приватизированную собственность, наравне с номенклатурно-корпоративной, некоторые политологи отнесли к роду сословно-феодальных привилегий, не видя особой разницы между новыми «удельными князьями», «имамами», «баронами» и номенклатурными олигархами.

Это сильное упрощение с точки зрения как историка, так и регионалиста. Нельзя не заметить массы нюансов, этнокультурных и экономических. Где-то, чаще в отсталых районах, царит губернатор, скрыто приватизирующий собственность, а в промышленных вывозящих регионах – «денежные мешки», лидеры компаний, приватизирующих власть (как в Детройте и Эссене, вотчинах Форда и Круппа почти вековой давности, но все же не феодальных). Одни регионы открыты для российского и мирового рынков, другие от них отгорожены. Одни граничат со старым, дальним зарубежьем, другие – с новым, ближним. У одних – центры принятия решений, головные офисы и банки, у других – в основном «лежачие» филиалы да нищие деревни.

Уникально положение пристоличных областей без центров, ведь столицы в них не входят. Для Московского региона это привычнее (партийный вождь столицы по статусу был выше подмосковного), чем для Ленинградского. Зато Петербург административно поглотил больше своих городов-спутников, чем Москва. Напомню, что кризису 90-х гг. сопутствовал дивергентный тип регионального развития, усиливший разрывы между слабыми и сильными, бедными и богатыми регионами. Хотя гонке доходов сопутствовала гонка цен, их соотношение с местным прожиточным минимумом говорило о том, что реально богатые делались богаче, пока бедные становились беднее.

Электоральный ландшафт России, при всей ее политической нестабильности, сразу показал свою устойчивость (Политический альманах… 1998). Н.В. Петров как-то заметил, что он, словно вафельница, печет из разного теста, то румянее, то белее, а узор одинаков. Менялись «меню» и общий настрой избирателя, а не базовые пространственные различия. В этом аспекте итоги выборов были предсказуемы, ибо зависели не от лучшей или худшей жизни граждан, а от того, каковы они сами (возраст, образование, профессия) и где живут. Но со временем контрасты между регионами перестали быть продуктом разной пропорции общесельской и городской моделей голосования. Из-за регионализации всей общественной жизни и давления на центры их окружения или в силу дифференциации состояния и вкусов самих центров – осталось не совсем ясно.

Последний кризис, немногим менее острый, чем на заре советской власти, оказал на пространство России дезинтегрирующее влияние, факторы которого можно разделить на внешние и внутренние (Формы… 1999; Гранберг 2000). Их соотношение тоже иное, чем после Гражданской войны и интервенции, когда в откровенно враждебном окружении страна изолировалась от мира, сведя к минимуму внешние влияния на свое развитие и на маятник регионализма-централизма. Центру тогда не надо было оглядываться на внешний мир, он сам задавал колебания, а точнее, они зависели от внутренней хозяйственной и политической ритмики. Нынешние условия сложнее, полимасштабнее, и маятник может качаться иначе. При этом риски разного рода сохраняются.

О рисках регионального сепаратизма и дезинтеграции обычно судят качественно и вербально. В разгар регионализации мы с Н.В. Петровым пытались измерить их с учетом дюжины факторов, от стажа региона в России, типа его положения в ней и вне ее до перераспределения продукта по поздним советским оценкам и бюджетных средств – по ранним постсоветским, сводя их в три блока: геополитический, этно-демографический и экономический (Петров, Трейвиш 1995). Выделялись риски обособления регионов вплоть до сецессии, названные первичными, и вторичные риски последствий – от потери региона Россией и от разрыва с ней для

региона. При всей давности и неактуальности этого опыта, в нем интересна постановка вопросов – кто рискует, от кого исходит риск, в чем он состоит – и структура рисков. Риск – понятие вероятностное, а вероятность сепаратизма теплится всегда.

Суммы первичных рисков выявили ряд узлов. Ядром везде служили республики РФ, а к ним примыкал шлейф этнически русских регионов: 1) Кавказский с ядром в Чечне и шлейфом в казачьих краях, где преобладали этнические и геополитические факторы; 2) Волго-Уральский с ближними нефтяными регионами, где лидировал Татарстан, а среди факторов доминировали экономические; 3) Южная Сибирь с ядром в Тыве и продолжением на смежные регионы и Якутию (факторы те же, что на Кавказе). Выделялись регионы с менее острыми рисками: в Калининграде, на юге Дальнего Востока – в основном геополитические и т. п.

Кроме первичного риска утраты регионов Россией, были измерены вторичные риски последствий такого события для нее и для самого региона – риски его «автономного плавания». Получалось, что экономический сценарий дезинтеграции опаснее прочих по охвату и последствиям для страны: она не только теряет богатые и мощные регионы, но и сильнее дробится (на 6–7 блоков). Зато для потенциальных сепаратистов последствия их ухода из РФ обычно тяжелее, чем для страны. Правда, собственный риск преобладает у слабых окраинных регионов, а российский – связан с крупными и сильными внутренними. Не зря их попытки поднять статус или объединиться в «самостийные» группы (Уральскую республику и др.) воспринимали в Кремле очень болезненно. Однако первичный риск потери регионов этого типа как раз невелик.

Кроме учтенных вторичных рисков распада, он мог иметь тяжкие последствия для российского национального сознания, всей ситуации в Евразии и в мире. Но мы не гадали об общеполитических факторах, способных стратегически укрепить ее единство или же стать спусковым крючком перевода регионализации в режим дезинтеграции. Это трудно сделать и теперь. Вполне логично разве что следующее предположение Если в стране не сложится стабильная и цивилизованная политическая, экономическая, социальная система в целом, то не будет приемлемого регионализма. Слабым утешением служит то, что мы тут не одиноки и что от перерождения регионализма в сепаратизм полной страховки нет.

Что важнее: централизация или новая интеграция?

С выходом из кризиса и началом экономического роста появились признаки затухания «революции регионов» и оживления межрайонных связей. Новейшая кризисная фаза административной регионализации вроде бы завершена.

Остаются два вопроса: о главных причинах этого завершения, экономических или политических, и о будущем регионализма и централизма. Они взаимосвязаны. Ведь одна перспектива, если страну сшивают объективные рыночные процессы, «игроки» и силы, другая – если это происходит по команде сверху. И чем громче окрик Москвы, очевиднее ее забота о властной вертикали, тем усерднее имитируется готовность регионов к игре в интеграцию и общероссийскую солидарность.

Ответ на первый вопрос неясен. Похоже, мы имеем дело с причудливой смесью. Уже к 1998 г. выявились пределы административной регионализации: завершился раздел собственности и полномочий с Центром, началась борьба за передел. Доклад группы Щедровицкого (На пороге... 2001, с. 36–37) объявлял, что на смену такой регионализации идет новая, экономическая и сквозная: трансрегиональная, транснациональная. «Старые» регионы для нее – лишь площадки с известными ресурсами и условиями, где возникают (или не возникают: вот и новые отношения внешнего подчинения) центры информации и принятия решений. Это регионализация, а вернее структуризация пространства с опорой на иностранный, столичный или иной российский бизнес, более открытая и современная – «культурно-информационного типа».

Заинтересованность производителей в широких рынках сырья и сбыта, в партнерах и смежниках, в замене нарушенных кризисом воспроизводственных цепочек новыми – главный мотив новой сшивки страны и оружие против «самоограничивания» регионов, противоречащего интересам и просто масштабам бизнеса, инвесторов и рынков. Власти регионов, не получив особой прибыли от квазисоциальной политики закрытых дверей (сродни модели приватизации предприятий их трудовыми коллективами), открывали двери предпринимателям-аутсайдерам, создающим рабочие места и приносящим налоги.

Возобновление интеграционной тенденции, – предупреждал А.Г. Гранберг (2000, с. 309), – не реинтеграция в том смысле, что восстанавливаются все экономические связи, существовавшие в «едином народнохозяйственном комплексе» конца 1980-х гг. Это невозможно и нерационально. Новая интеграция строится в соответствии с новыми критериями эффективности и объективными условиями. Вряд ли автор имел в виду что-то кроме рыночных критериев и условий. Но реалии России таковы, что к этим объективным критериям они не сводятся и часто им не соответствуют

Контуры «новой регионализации», понимаемой не как регионализм, а наоборот, как «переваривание» регионов, их интересов и амбиций крупными субъектами экономики, заменившими в этом качестве советские министерства, ведомства и главки, – далеки от контуров России, ее районов и регионов. Большой бизнес, как уже отмечалось, осваивает их неравномерно, считаясь с их интересами, в том числе социально-экологическими, не больше тех же министерств. Это объясняется разными материальными активами и бизнес-климатом регионов, мерой трансакционного коррупционного трения и административной ренты, вовсе не сошедшей со сцены.

Трудно поверить, что экономические позиции региональных чиновников, размеры взяток и преференций с годами роста пошли на убыль, а не подверглись очередному перераспределению (например, при централизации полномочий по продаже земельных участков под застройку). Централизация внутри регионов-субъектов очевидна, так что рентно-чиновный квазифеодализм постсоветского образца претерпел одно изменение: укрупнился в масштабе. Иными словами, произошла бюрократическая централизация теневого регионализма.

Лидеры многих регионов по закону или силой все же прихватили лакомые куски экономики, централизовали бюджеты за счет предприятий и городов – доноров, не отказываясь от трансфертов из центра. В России ведь не доминирует регионализм бедных или этнических окраин. Кроме республик, на особое место претендовали Калининград и Сахалин, Москва и Санкт-Петербург, Кузбасс и Приморье. Вполне «русские» Псковский, Ивановский, Амурский регионы – явно слабые, а Татария и Башкирия – сильные. Да и мировой опыт показывает, что регионализм и сепаратизм связаны с развитостью регионов нелинейно. Со слабыми – «кормящем у центру» даже легче, а вот с сильными были и остаются трения, то явные, то скрытые.

С 2000 г. Кремль начал «крестовый поход» против регионализма, понимаемого как сепаратизм. Его объявил сам президент, и то, что он начал с этого, говорит о признании серьезности проблем, намерении обуздать дезинтеграцию и поддержать наметившееся сплочение страны. Однако в мерах по усилению вертикали власти, созданию федеральных округов, реформе Совета Федерации, отмене выборов губернаторов и т. п. проглядывала попытка заменить новую интеграцию рецентрализацией.

В принципе это возможно, и таков наш исторический опыт. Но не придется ли жертвовать ростками свободы, не выплеснут ли с грязной водой сепаратизма хилого ребенка гражданского общества (а регионализм есть ничто иное, как его территориальная форма)? Тогда, по логике вещей, надо идти все дальше назад: вешать замки на границах, восстанавливать Госплан и Госснаб, на которых «сломал зубы советский федерализм» (Вишневский 1998, с. 343–354). У него в критический момент не оказалось защитников не столько из-за сил, заинтересованных в развале СССР, сколько из-за неразвитости сил единения. То была прочность бочки, скрепленной снаружи железными обручами, а не прочность атома с его внутренними силами.

«Централизация, – пишет Н.Н. Марфенин (2008), – безусловно, способствует повышению эффективности управления, но одновременно ослабляет обратную связь, столь необходимую для устойчивого развития. Со временем этот недостаток перерастает в силу, способную не только затормозить движение махины государственного управления, но и сокрушить ее изнутри». В конституционном праве выхода республик из СССР проку до поры было так же мало, как в праве слона на тонны пищи в нищем зоопарке: «съесть-то он съест, да кто ему даст!». Но если уходит сам «не дающий», распад следует мгновенно, потому что, укрепляя вертикаль власти, государство разрушает горизонталь общества в масштабе страны (Родоман, 2000).

Повторяя пройденное, мы рискуем вернуться в неосоветский или какой-то другой цикл регионализации, и он будет ставить страну на грань распада при любом ослаблении верховной власти, так как связи, навязанные сверху, прочны лишь до тех пор, покуда прочен сам верх.

Метания из стороны в сторону сулят мало хорошего. Если же маятник регионализма-централизма все равно работает, ему лучше бы раскачиваться почаще, но зато с меньшей амплитудой.

Регионализму и регионализации на уровне субъектов РФ, если считать их угрозой устойчивому региональному развитию России, можно найти противовесы сверху и снизу. Ловушка снизу – это местное самоуправление, по общему признанию, слабое. В регионах муниципальные органы, которым сплошь и рядом не хватает налоговой базы, зависят от бюджетной поддержки своего центра и платят почти феодальным подчинением сюзерену. А из всемирной истории известно, что феодализму всегда противостоят права и свободы муниципий, особенно городов. При Ельцине Кремль поддержал их союзы, попытки стать политической силой (несмотря на проявившийся раскол городов-доноров и бедных просителей, объединенных в разные союзы).

Другой противовес – идея укрупнения регионов. Еще проекты Конституции 1992–1993 гг. предлагали большие земли в качестве субъектов, хотя их число и функции не были ясны. Конституция и теперь позволяет менять территориальное устройство по общему согласию, в том числе строить верхний этаж макрорегионов. Все такие проекты исходят из того, что 80 с лишним регионов – слишком много, их рамки узки для формирования крупных ТПК и региональных рынков, да и вообще сложны для управления. Но повторю: в реальном российском бюрократическом мире легко имитировать любые реформы, что им лишь вредит и ни к чему не ведет. Легче поделить страну на новые районы, чем реально их сплотить. Но если разделять, чтобы властвовать, надо помнить о российских традициях такого деления. Иначе можно создать не новые рынки, а только новые риски. Неоинтеграция России зависит не столько от «правильного районирования», хотя тут есть свои нормы, пропорции и циклы укрупнения-разукрупнения, сколько от единства экономического пространства, его коммуникационной доступности[1].

За пятнадцать трудных лет мы убедились, что известный запас прочности у России есть. Наше общество боится слабого государства и его распада, а потому всегда готово к рецентрализации. Однако, судя по опросам, люди не очень-то уповают на центральную, региональную и местную власть. Больше – на себя и семью, дело и дом, сад-огород. Наше общество мне кажется не таким коллективистским, каким его часто рисуют. Оно как раз очень атомизировано, замкнуто на ценности очага, ему недостает элементарной локальной самоорганизации. Остается открытым вопрос – готовы ли современные люди, далекие от эйфории раннесоветских строек, жертвовать синицей в руке ради журавля в небе, традицией ради новации, привычным углом, местом и кругом общения ради абстрактных ценностей этатизма и возрождения великой державы.

И разве выбор только такой: или «малая родина» или «большая»? Как остроумно заметил М.П. Крылов, это столь же некорректное предложение, как вопрошание взрослым ребенка: ты кого больше любишь, маму или папу? Он не обязан выбирать («или-или») и будет прав, если скажет: «обоих». Так и в России гораздо конструктивнее лозунг единства в разнообразии, чем вечная борьба с последним. Куда полезней научиться использовать взаимодополняемость местных различий для выращивания органических низовых, более прочных связей, чем стирать и подавлять эти различия. Слишком вероятно, что конечный результат окажется прямо противоположным ожидаемому.

[1] Можно ли, например, рассчитывать на инвестиции без элементарного инфраструктурного обустройства мест их потенциального вложения, без дорог? За годы бюджетной централизации после отъема у регионов дорожных фондов дело не улучшилось, а некоторые анонсированные проекты, включая создание надежной проезжей автотрассы до Тихого океана, были просто провалены.

Библиографический список

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983.
2. Афанасьев М. Суверенитет хорош, когда он ограничен // Известия. – 1998. – 2 июня.
3. Бусыгина И.М. Регионы Германии. – М.: РОССПЭН, 1999.
4. Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998.
5. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: ОГИ, 2001.
6. Гордон А.В. Проблема цивилизационного самоопределения России // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. – М.: Логос, 1999. С. 85–89.
7. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
8. Зубов А.Б. Унитаризм или федерализм. К вопросу о будущей организации государственного пространства России // Полис. – 2000. – № 5. – С. 32–54.
9. Каганский В.Л. Дезинтеграция государства и стратегия негосударственных структур: пространственный аспект (резюме монографии «Анатомия советского пространства») // Исследования и разработки. Вып. 2. – М.: ИКИ КБ, 1992. – С. 83–86.
10. Каганский В.Л. Регионализм, регионализация, пострегионализация // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. – М.: Институт географии РАН, 2002. – С. 12–18.
11. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. – М.: Аспект Пресс, 2002.
12. Крылов М.П. Концепция внепространственности российской цивилизации, культурные регионы и местное самосознание // Российские регионы и центр: взаимодействие в экономическом пространстве. – М.: Институт географии РАН, 2000. – С. 68–79.
13. Крылов М.П. Структурный анализ российского пространства: культурные регионы и местное самосознание // Культурная география. – М.: Институт наследия им. Д.С. Лихачева, 2001. – С. 143–171.
14. Куда идет Россия?.. Социальная трансформация пост-советского пространства. – М.: Аспект Пресс, 1996.
15. Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Заславская Т.И. (ред). – М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2000.
16. Лексин В.Н., Андреева Е.Н. Региональная политика в контексте новой российской ситуации и новой методологии ее изучения. – М.: Прогресс-Экопрос, 1993.
17. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: Эдиториал УРСС, 1997.
18. Марченко Г.В. Региональные проблемы становления новой российской государственности. – М.: Московский общественный научный фонд, 1996.
19. Марфенин Н.Н. Устойчивое развитие России сегодня. Предисловие к ежегоднику «Россия в окружающем мире – 2008». Устойчивое развитие: экология, политика, экономика. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2008. С. 7–16.
20. На пороге новой регионализации России. Доклад. Ниж. Новгород: Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа, 2001.
21. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003.
22. Нефедова Т.Г. Неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна корова? – М.: Новое издательство, 2006.
23. Петров Н.В., Трейвиш А.И. Региональный сепаратизм и дезинтеграция России (опыт оценки различных категорий риска) // Россия и СНГ: дезинтеграционные и интеграционные процессы. Сер. “Россия 90-х: проблемы регионального развития”. Вып. 2. – М.: ИГРАН и др., 1995. – С. 25–38.
24. Политический альманах России 1997 / М. Макфол, Н. Петров (ред.). – М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. – Т. 1: Выборы и политическое развитие.
25. Родоман Б.Б. Перспективы эволюции федеральных округов // Российские регионы и центр: взаимодействие в экономическом пространстве. – М.: Институт географии РАН, 2000. – С. 140–144.
26. Словарь иностранных слов. – 11-е изд. – М.: Рус. яз., 1984.
27. Смирнягин Л.В. Районы США: портрет современной Америки. – М.: Мысль, 1989.
28. Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. – М.: МОНФ, 1999. – С. 108–115.
29. Стрелецкий В.Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 10–39.
30. Формы и механизмы межрегиональной интеграции / Селиверстов В.Е. (ред). – Новосибирск: Сибирское соглашение, 1999.
31. Цымбаев Н.И. До горизонта – земля! (к пониманию истории России) // Вопросы философии. 1997. – № 1. – С. 18–42.

Т.Г. Нефедова
(г. Москва)

РОССИЙСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Nefedova T.G.

RUSSIA'S PERIPHERY AS A SOCIO-ECONOMIC PHENOMENON

The article elucidates the specifics and dimensions of Russian outer and inner periphery, linked with the huge Russian space and relatively rare network of large cities. The concept of suburb and periphery rests not only on remoteness from the centre, but on socio-economic polarization which becames stronger as a result of recent crisis and reforming. The processes of urban and rural socio-demographic and economic polarization are analysed in the article as well as the role of periphery and the models of its possible development for different types of regions.

В последние 20 лет Россия пережила сложный период: реформы, кризис, выход из кризиса со сменой парадигмы развития страны. В последние годы декларируется инновационное развитие России. Наряду с выходом из кризиса это предполагает модернизацию экономики, которая всегда неравномерна и зависит от многих факторов, прежде всего от человеческого потенциала, финансовых ресурсов и многих базовых факторов, включая размеры страны и характер ее освоения.

Специфике российского пространства, его ограничениям и преимуществам посвящены специальные статьи (Трейвиш, 2003, 2004). По площади (17.1 млн кв.км) Россия сопоставима лишь с США и Канадой вместе взятыми (19,6 млн кв.км) или с Юго-Восточной Азией в целом, включая Китай (9,6 млн), Индию (3.3 млн) и другие государства В то же время по числу жителей Россия отстает от США и Канады суммарно в 2 раза, от Китая и Индии – в 20 с лишним раз.

Тем не менее, Россия старалась освоить свою огромную территорию, создавая в северных и удаленных восточных районах и большие города, и сельское хозяйство. На ее северных окраинах и в азиатской части живет 25% населения. За XX век эта доля удвоилась (рис. 1).

Столь активное освоение опиралось на представление о неисчерпаемости человеческих ресурсов, которое во второй половине XX века подогревалось эйфорией от нефтедолларов, позволявших планировать затратные стройки в слабоосвоенных районах. Население России выросло с 67,3 млн человек в 1897 г. до 147,4 млн в 1989 г., а затем стало убывать: страна подошла к уровню развитых стран по рождаемости при значительно более высокой смертности. Несмотря на предпринимаемые правительством меры увеличения рождаемости, по прогнозам демографов и Федеральной службы государственной статистики население будет убывать, причем при среднем варианте убыль населения в Европейской России к 2050 году составит 69% от уровня 1989 г., а в Азиатской – 59% (Вишневский и др., 2003, Предположительная численность, 2005).

Кроме того, за XX век население стало другим. Если перепись 1897 года показывала, что в городах живет лишь 12% населения, то сейчас – 73%. Это означает, что из относительно более равномерно освоенной сельской страны Россия, расширяя освоенное пространство, постепенно сжималась в городские сгустки. Она прошла рубеж в 50% городского населения в середине XX века, и доля горожан росла вплоть до 1990 г. После подпитки сел мигрантами из бывших республик СССР и административных преобразований многих поселков городского типа в сельские населенные пункты динамика городского и сельского населения выровнялись (рис. 2). Однако в последние годы города, особенно большие, вновь стали для мигрантов привлекательнее сельской местности, хотя они и теряют население вследствие естественной убыли. Значит, прежние тенденции, хотя и в сглаженном виде, восстанавливаются. Это говорит о том, что урбанизация в России еще не завершена и население по-прежнему стремится в крупные города (Нефедова, Трейвиш, 2001, Нефедова 2006а). Следовательно, разрежение внегородского пространства про-

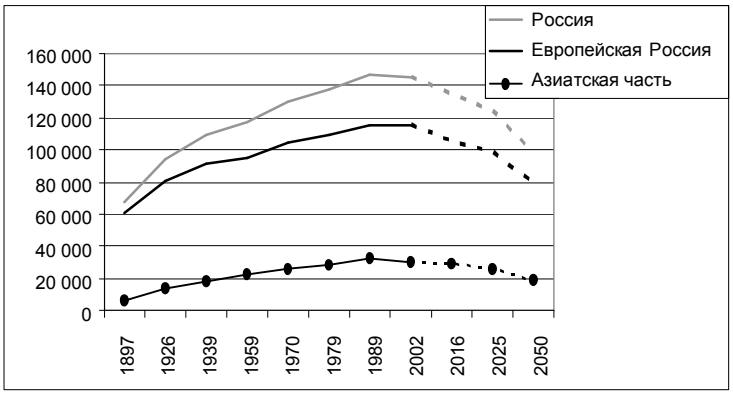


Рис. 1. Население России, ее Европейской и Азиатской частей, по переписям 1897–2002 годов и прогнозы до 2050 г., тыс. чел

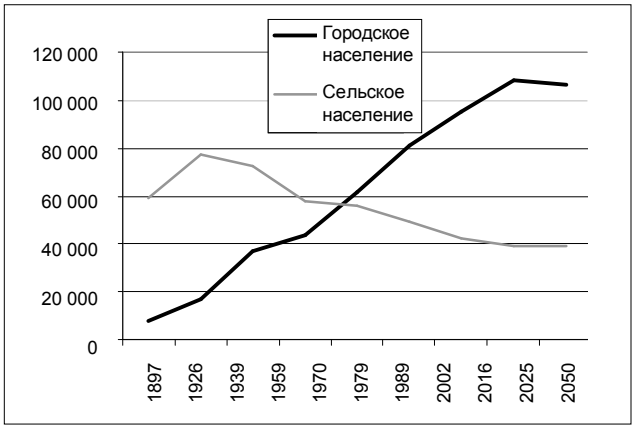


Рис. 2. Динамика городского и сельского населения в XX веке, тыс.чел.

должается. Распад СССР и кризис 1990-х гг. этот процесс лишь усилил.

Рост городов и концентрация населения и его деятельности в отдельных очагах приводят к формированию центров и периферии. Этим проблемам посвящено множество работ (Грицай, Иоффе, Трейвиш, 1991, Каганский, 2001, Родоман, 2002, Трейвиш, 2003 и др.) В данной статье понятие российской периферии рассматривается полимасштабно: 1) в мелком масштабе – как периферия внешняя, т.е. регионы и города, удаленные от столицы государства, 2) в среднем масштабе – как периферия внутрирегиональная (районы и небольшие города внутри регионов, удаленные от их центров, 3) в крупном масштабе – как периферия локальная (сельские территории, удаленные от городов). Показателем периферийности обычно служит физическая удаленность от некоторого центра – столицы государства, региона, большого или любого города. Но не это главное. Возникновение периферии обусловлено поляризацией российского пространства и контрастами в направлениях и степени социально-экономического развития его частей. По замечанию А.И. Трейвиша, при советском догоняющем развитии мобилизационного типа, это заставляло страну "сжиматься в кулаки", главным образом по оси центр-периферия (Трейвиш, 2001).

Поляризация городов

Усиление поляризации городов особенно заметно в последнее время в увеличении роли Москвы в социально-экономическом развитии современной России (рис. 3). Помимо Москвы, повышенный потенциал развития имеют С.-Петербург и региональные столицы. В среднем к 2006 г. только столицы субъектов РФ концентрировали 39% всех инвестиций и 64% торговли, общественного питания и услуг. А в целом города свыше 100 тысяч жителей сосредотачивали половину всего населения страны, инвестиций, 62% промышленной продукции и 76% оборота розничной торговли,

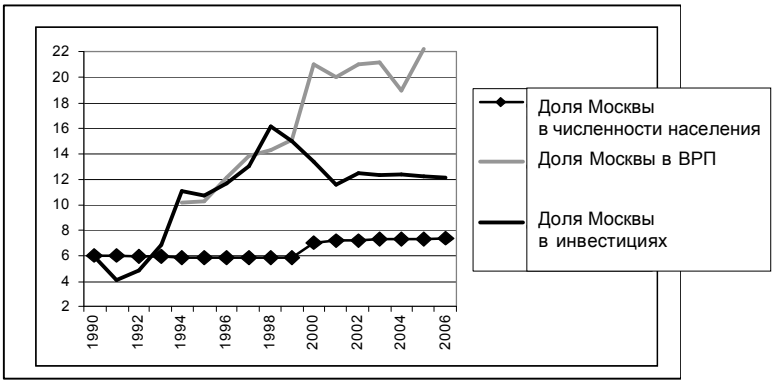


Рис. 3. Доля Москвы в населении, валовом продукте и в инвестициях в основной капитал РФ в 1990–2006 гг. (скачок в показателях населения связан с их корректировкой по переписи 2002 г.)

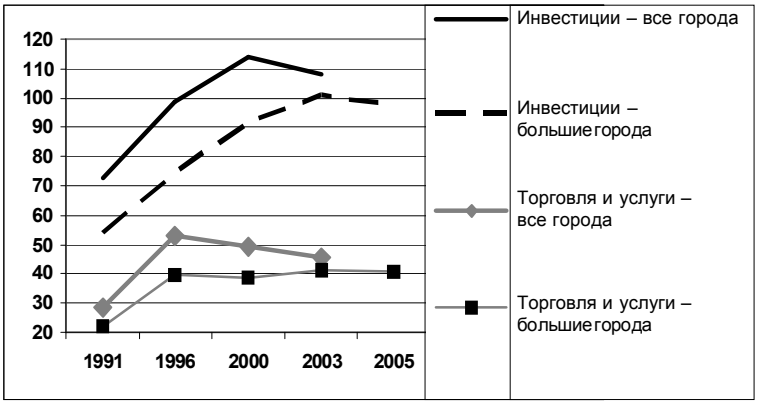


Рис. 4. Изменение коэффициентов вариации инвестиций и торгового оборота с общественным питанием и платными услугами на душу населения во всех и в больших городах РФ в 1991–2005 гг.

общественного питания и услуг. Правда, после бурногороста в 1990-х гг. их доля в некоторых регионах стабилизировалась и даже стала падать (рис. 4–6).

Неоднократно проводимые оценки состояния всех современных российских городов по ряду характеристик (Нефедова, Трейвиш, 2001, Нефедова, 2006а) опирались на семь доступных показателей из базы данных «Паспорта городов РФ»: 1 – отношение зарплаты (из-за отсутствия данных о доходах) к региональному прожиточному минимуму; 2 – объем розничный торговли, общественного питания и платных услуг на душу населения, 3 – инвестиции на душу городского населения; 4 – процент всех незанятых от общего числа работающих и ищущих работу; 5 – динамика промышленного производства в процентах к докризисному 1990 г., которая учитывалась в зависимости от доли занятых в промышленности; 6 – ввод жилья на 1000 человек населения; 7 – общая обустроенность городского жилья. Они показали сильную зависимость социально-экономического состояния городов от их размеров, функций и положения.

Наиболее благополучны крупные города (таблица 1). Н.Б. Зубаревич (2003) считает порог в 500 тысяч жителей своеобразной «границей социальной безопасности» города, начиная с которой резко падает уровень безработицы, расширяются возможности трудоустройства, активнее малый бизнес и т. п. Крупнейшие города концентрируют в себе большой потенциал развития и их часто противопоставляют периферии. В группе городов с населением от 100 до 500 тысяч жителей благополучных гораздо меньше (7%), но зато 43% имеют хорошую оценку, а депрессивных относительно немного – 14%. Это тоже центры, но меньшего ранга, тем более что в эту группу попадает подавляющее большинство региональных столиц

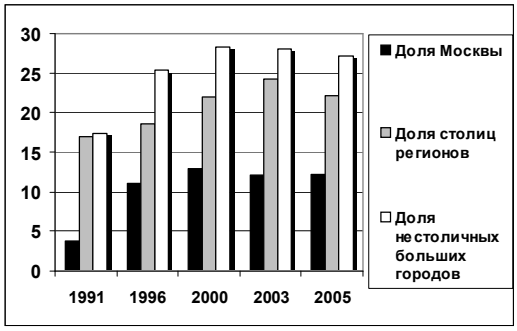


Рис. 5. Доля Москвы, столиц регионов и нестоличных больших городов в объеме инвестиций РФ, %

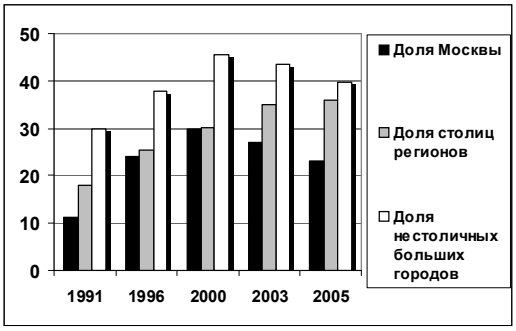


Рис. 6. Доля Москвы, столиц регионов и нестоличных больших городов в объеме розничной торговли, общественного питания и платных услуг РФ, %

Таблица 1

Число городов с той или иной оценкой состояния в 2003–2004 гг.

Города с населением	Число городов с разной оценкой состояния				Всего городов
	лучшие	хорошие	средние	депрессивные	
Более 500 тысяч	23	12	1	0	36
100–500 тысяч	9	54	49	18	130
50–100 тысяч	0	39	59	60	158
Менее 50 тысяч	0	63	149	538	750
Всего городов	32	168	258	616	1074

Таблица 2

Доля населения, живущего в городах с той или иной оценкой состояния (в %)

Города с населением	Число городов с разной оценкой состояния				Всего населения
	лучшие	хорошие	средние	депрессивные	
Более 500 тысяч	34,3	9,2	0,0	0,0	43,5
100–500 тысяч	3,8	13,4	7,8	3,3	28,3
50–100 тысяч	0,0	2,8	4,1	4,3	11,2
Менее 50 тысяч	0,0	1,9	4,0	11,1	17,0
Всего городов	38,1	27,3	15,9	18,8	100,0

Расчеты в целом по России показывают, что чем меньше размер города, тем больше вероятность его социально-экономической депрессии, которая часто связана с кризисом или отсутствием градообразующего предприятия. Низкие оценки имеют 72% всех малых городов России (менее 50 тысяч жителей). В целом больше половины городов (616) получили неудовлетворительную оценку и их можно отнести к депрессивным (таблица 1). Подавляющая их часть – это малые городки. Из малых городов повышенные оценки получили только «нефтегазовые» города, а также города с иностранными инвестициями, энергетическими предприятиями, с экспортными производствами и т.п. Но дело не только в промышленности. Многие городки как бы заснули глубоким сном, иногда – несколько веков тому назад. Как правило, это удаленные от региональных центров города. Жизнь там течет очень вяло, работать часто негде, активное и молодое население бежит оттуда, оставшиеся выживают почти натуральным хозяйством на своих огородах, как в деревне.

Таблица 2 показывает распределение населения по городам с разными оценками. Почти 40% горожан живет все же в лучших городах, преимущественно в центрах регионов. А в депрессивных городах, в основном небольших, – застрял примерно каждый пятый горожанин.

Таким образом, очевидны три фактора поляризации городов: размер (число жителей), местоположение и функции. Причем значимость первых двух резко усилилась. Россия, по точному замечанию А.И. Трейвиша, представляет собой архипелаг немногих важных центров в океане городской и сельской периферии (2003).

Основные тенденции 2000-х гг. были связаны с нарастанием пространственных различий в миграционной привлекательности самочувствии городов. Все это говорит об усилении неравномерности развития городов, а, следовательно, об усилении отрыва крупных центров от основной массы городов.

Правда современный финансовый кризис внесет некоторые коррективы. Прежде всего, он может вызвать временное «нивелирование вниз» крупнейших центров, как уже было не раз в начале 1990-х и в 1998 г. Тем не менее, как показывает опыт, прежние диспропорции быстро восстанавливаются и общая тенденция поляризации городов сохранится, сохранив тем самым и разрыв в состоянии и качестве жизни крупных и малых городов. Реальными центрами инновационного развития в России были и останутся крупнейшие города. Помимо концентрации финансовых ресурсов – это агломерационный эффект, больший выбор занятий, высокий человеческий потенциал, собранный со своего региона или со всей страны, лучшие институты, концентрация рыночных отраслей, высокая оплата труда, развитые сфера услуг, малый и средний бизнес и т.п.

Социально-демографическая поляризация сельского пространства

Развитие сельской местности еще в большей степени связано с человеческим потенциалом. Миграционные тенденции 1960–80-х и 1990-х гг. во многом были противоположны. До 1990 г. население активно покидало села в регионах Европейской России ради городов, а также переезжало на север и восток страны.

В 1990-х гг. на востоке остались привлекательными лишь нефтяные области и столицы регионов, из остальных мест население «побежало» на запад и юго-запад в Европейскую Россию, в т.ч. и в сельскую местность. В 2000 гг. вновь наиболее привлекательными стали города и пригороды больших городов. Периферийные районы, особенно на Севере и Востоке страны с отсутствием или низкой плотностью сельского населения расширились.

Население не только бежит из сел в города. В сельской местности его перераспределение во второй половине XX века было очень существенным. Но особенно сильны процессы поляризации сельской местности в староосвоенных районах Нечерноземья с его мелкоселенностью. Население концентрировалось вокруг городов. Внутрирегиональные контрасты в динамике и плотности сельского населения были намного выше межрегиональных и в последние годы лишь усиливались (рис. 7 и 8). В Нечерноземье в административных районах вблизи региональных столиц плотность сельского населения в среднем в 12 раз больше, чем в удаленных, окраинных районах, и главный разлом в заселенности лежит именно между пригородными и прочими районами.

Влияние города на окружающую территорию во многом зависит от его размера. Чем крупнее город, тем большую зону повышенной плотности сельского населения он формирует.

В южной половине Европейской России пригороды тоже выделяются, главным образом за счет Центрально-Черноземных районов, Поволжья и Южного Урала (рис. 7). Но уменьшение плотности населения от пригородов к периферии регионов – в среднем в 3 раза – не столь велико, как в Нечерноземье. Лишь на плотно заселенном равнинном Северном Кавказе таких резких различий нет. Невелики они и в некоторых национальных республиках, лучше сохранивших население в сельской местности. В Сибири и на Дальнем востоке контрасты в плотности сельского населения, связанные с малой освоенностью их огромного пространства, очень велики.

Подобное расслоение населенного пространства России стало возможно из-за относительно редкой сети больших городов. Хотя в России около 1100 городов, население более 100 тысяч жителей (а именно такие города наиболее явно стягивают вокруг себя сельское население и активизируют сельскую экономику) имели в 2008 г. 164 городов. В Нечерноземье (без Московской области) среднее расстояние между большими городами составляет около 190 км, в России в целом – более 320 км. В тоже время средний радиус пригородного административного района в Европейской части России составляет 30–40 км. Очевидно, что огромные внегородские пространства по существу стали социально-демографической «пустыней». Даже если на периферии и осталось население, в районах депопуляции его трудовой

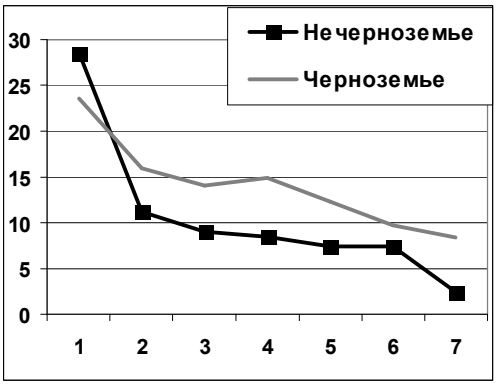


Рис. 7. Изменение плотности сельского населения в пределах регионов Европейской России по мере удаления от центров, чел/кв.км

(1 – районы, непосредственно примыкающие к региональному центру, 2 – районы-соседи центра второго порядка и т. д. до окраинных районов регионов 6 и 7 порядка)

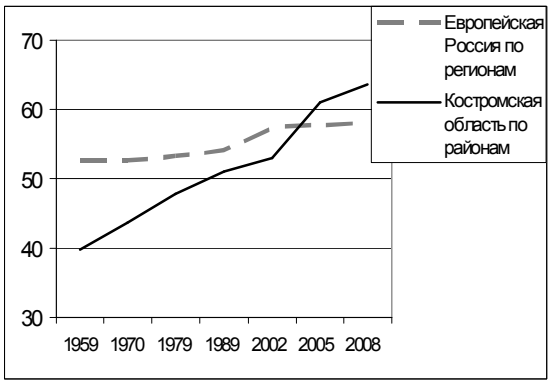


Рис. 8. Изменение коэффициента вариации плотности сельского населения в % по регионам Европейской России и по административным районам Костромской области в 1959–2008 гг.

потенциал снижен. В результате длительного миграционного оттока населения из поколения в поколение происходит его отрицательный социальный отбор (поскольку в первую очередь уезжают молодые и активные люди). Это приводит на периферии к качественному дефициту трудовых ресурсов, сочетающемуся в ряде мест даже с их количественным избытком и незанятостью.

В целом сжатие заселенного пространства России в целом в последние годы усилилось, расширив пространство не только внешней, но и внутренней периферии или глубинки.

Обустроенность территории

В России с ее огромными пространствами и относительно редкой сетью городов, близость города почти означает не только более плотную заселенность, но и лучшую обеспеченность самыми элементарными товарами и услугами, более плотную дорожную сеть, газификацию жилья, наличие водопровода, канализации. Для периферии характерна не только депопуляция, но и бездорожье, замкнутость связей, социальная апатия и часто экономическая депрессия.

Важным фактором, тормозящим развитие страны, стала малодоступность периферии: как внешней на севере и востоке страны, так и внутренней, даже при сравнительно небольших расстояниях от центров.

Это видно хотя бы по степени освоенности пространства автодорожной сетью. Не только страна в целом, но и отдельные ее регионы не выдерживают сравнения с США и Европой. Московская область по плотности автодорог с твердым покрытием (471 км/1000 кв.км) соответствует всего лишь Белоруссии, Калининградская область (413) – Украине, регионы Черноземья (170-250) – Скандинавии, Центральный район – Мексике (172), а регионы Северного Кавказа – Китаю (177). До Европы (1500 и более) и даже США (682 км/1000 кв.км) российской дорожной сети еще очень далеко.

Влияние городов на плотность автодорог также велико, как и на плотность населения. Если считать, что за пределы зоны удаленности в 5 км от дороги с твердым покрытием уже трудно добираться пешком или по грунтовому бездорожью, то окажется, что почти вся Московская область, за исключением стыков административных районов, находится в зоне дорожной доступности (рис. 9). А, например, в Ярославской области, и, тем более, в Костромской, по существу, доступны только пригороды и зона вдоль основных магистралей, и районы внутренней периферии весьма обширны даже на небольшом расстоянии от центра региона.

Состояние дорог, расселения и экономической деятельности тесно сопряжены и трудно сказать, что от чего зависит. На асфальтированной дороге находятся наиболее крупные и жизнеспособные поселения, центральные усадьбы колхозов (рис. 10). На ответвлениях – более мелкие. А к умирающим поселениям и дорог нет, что усиливает их отрыв и расширяет

Рис. 9. Доступность территорий Московской и Ярославской области (белым цветом) от автодорог с твердым покрытием

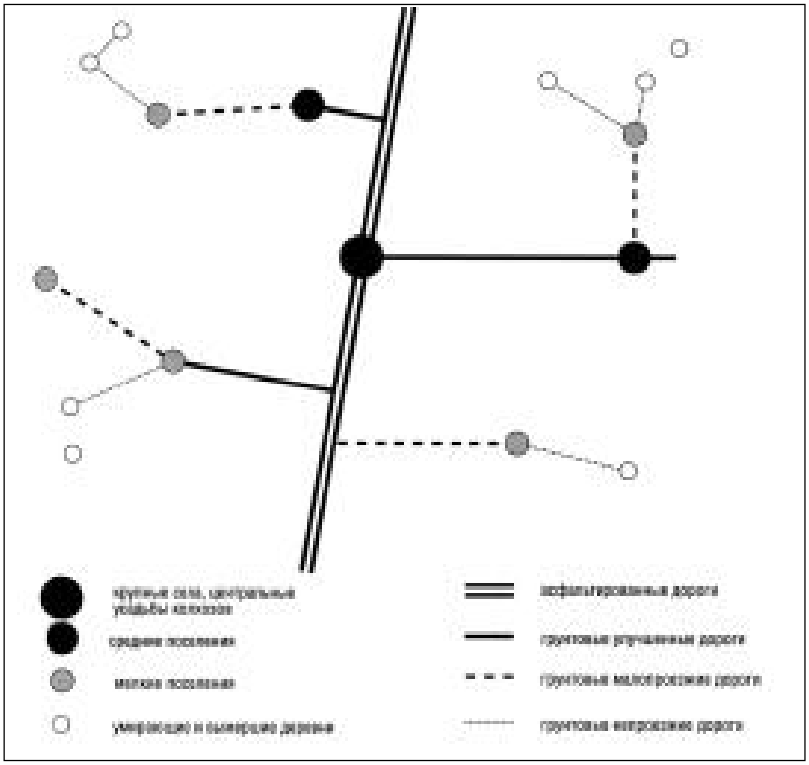


Рис. 10. Типы дорог и поселений в Нечерноземье в зависимости от географического положения

локальную периферию. Таким образом, значительные территории даже в центре России на расстоянии 150–200 км от больших городов находятся за пределами устойчивой дорожной связи и могут быть по этому показателю также отнесены к периферии.

В современных условиях дорожная труднодоступность периферии частично компенсируется другими способами связи, в частности с помощью сотовых телефонов, компьютеров и т. п. Однако и здесь видна выборочность охвата территории связью. Наиболее устойчива она также в пригородах больших городов и в более крупных сельских поселениях, оставляя значительную часть территории периферии оторванной от какой-либо связи.

Таким образом, заселенность и обустройство территории в России тесно взаимосвязаны. Отсутствие дорог и распад сельской инфраструктуры (в т. ч. закрытие магазинов, малокомплектных школ, клубов и т. п.) усиливало деградацию нежизнеспособных поселений в глубинке и давало дополнительные стимулы оттока населения. В то же время уменьшение населения отбивало у властей всякие стимулы обустройства местности. Наша необустроенность не есть результат какой-то особой бедности. Здесь сошлись, с одной стороны, бытовая непритязательность и терпение местного населения, а, с другой, – система приоритетов власти, для которой насущные нужды населения были на последнем месте.

Экономический и социальный кризис сельских периферийных районов

Поляризация расселения и инфраструктурной обустроенности неразрывно связаны с поляризацией экономической деятельности. На внешней периферии слабая обустроенность и отток населения провоцировали и деградацию хозяйственной деятельности, за исключением районов добычи экспортных природных ресурсов.

Еще больше пострадала внутренняя периферия. Города не только привлекали населения и улучшали вокруг себя обустройство территории. Главное влияние городов – это более активная экономическая среда вокруг них, тесно взаимосвязанная с самим городом. Людей привлекала в пригороды также возможность, живя на природе, найти работу в городе и в целом – большая диверсификация деятельности и устойчивость экономики пригородов.

Процессы урбанизации и роста городов за счет сельской местности характерны для всех стран. Россия здесь не исключение. Те же процессы обезлюдения сельской местности были характерны для европейских стран в 1950–40-х гг. Однако в России есть два существенных отличия. Первое – это ее огромное пространство и северное положение при редкой сети городов. Второе отличие связано с монофункциональностью сельской местности и с особенностями сельскохозяйственных предприятий. Колхозы и совхозы оказались совершенно не готовы, ни к такой депопуляции сельского населения, ни к экономическим переменам конца XX века.

В Европе и в США отток сельских работников в города в свое время сопровождался ростом производительности их труда (в сельском хозяйстве она росла даже быстрее, чем в промышленности), модернизацией производства, уменьшением площади используемых земель. У нас же, при установках в советское время на удержание пашни любой ценой и низкой производительности труда работников, отток трудовых ресурсов вызвал серьезную депрессию коллективного сектора, которая в периферийных районах началась задолго до 1990 года. А в 1990-х гг. с уменьшением огромных дотаций выявилось, что предприятия держали гораздо больше земли, чем могли обработать и больше скота, чем могли прокормить. Даже на этапе современного выхода из кризиса при росте общего объема сельскохозяйственной продукции с 1999 г. сокращение посевных площадей продолжается (рис. 11). Это говорит о территориальной избирательности процессов восстановления агропроизводства, которое растет в основном на юге страны и в пригородных зонах при расширении экономического коллапса на внешней и внутренней периферии.

«Сжатие» освоенного пространства и расширение сельской периферии начались еще до современного кризиса, который лишь ускорил все эти процессы.

Город в России всегда был больше, чем город. И его влияние на окружающую территорию не ограничивалось стягиванием в пригороды населения и инфраструктуры. Помимо того, что пригородное сельское хозяйство имеет особую специализацию, в России оно, как правило, наиболее экономически устойчиво (Нефедова, 2003, Иоффе, Нефедова, 2004). В любой нечерноземной области урожайность зерновых в пригородах в 2–3 раза выше, чем на периферии. Даже коровы на пригородных агропредприятиях дают втрое больше молока, несмотря на обилие тучных

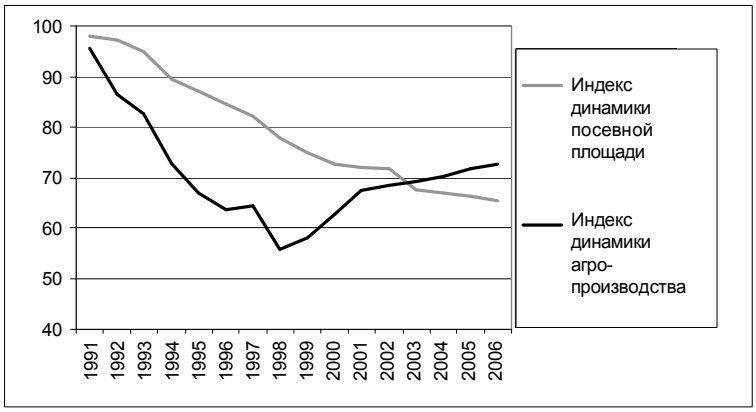


Рис. 11. Валовая продукция сельского хозяйства и посевная площадь в % к 1990 году

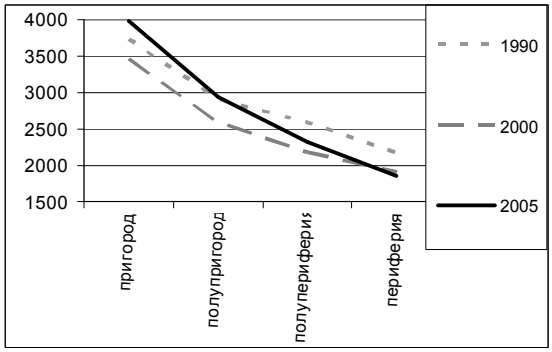


Рис. 12. Надой молока на одну корову кг в год в пригородах и на периферии регионов Нечерноземья в 1990, 2000 и 2005 гг.

пастбищ на периферии. Да и скота гораздо больше в пригородах.

На этапе выхода из кризиса надои молока растут и в целом по стране даже превысили уровень 1990 г. Это говорит о том, что кризис вызвал не только сокращение поголовья скота, он стимулировал его обновление и в целом модернизацию производства. Но в Нечерноземье они растут в пригородах при усиливающейся депрессии периферии (рис. 12). При этом современное состояние и продуктивность животноводства заметно коррелируют с динамикой и плотностью сельского населения и инфраструктурной обустроенностью территории. Происходит явное усиление пригородов, а следовательно, очаговости в развитии сельскогохозяйства. Вместе с подъемом Юга это и приводит к сильной поляризации пространства.

Годы кризиса и реформ показали, что эндогенные факторы организации внегородского пространства России очень устойчивы и играют порой более важную роль, чем политические (капитализм или социализм), экономические (рынок или плановое хозяйство) и институциональные изменения. И если межрегиональные контрасты более очевидны и порой доходят до лиц, принимающих решения, то огромные внутрирегиональные контрасты пространства и ограничения развития всегда остаются за кадром, часто приводя к результатам, противоположным желаемым.

Пригород по экономическим показателям, а не только по плотности населения и инфраструктуры, может выходить за пределы примыкающего к центру административного района. Это хорошо видно по смене показателей населенности и сельскохозяйственных предприятий, например, вдоль шоссе Смоленск–Москва–Владимир. В ближайших к Москве районах (соседи 1 и 2 порядка) плотность сельского населения велика, а сельское хозяйство

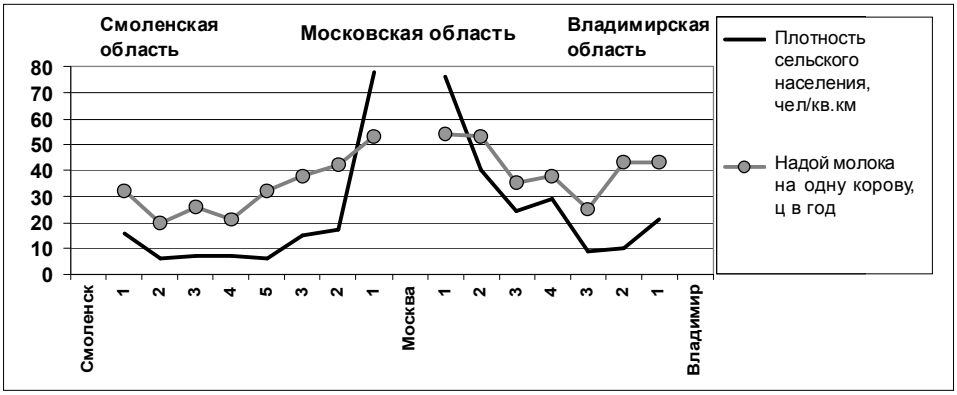


Рис. 13. Плотность сельского населения и надои молока на одну корову на профиле Смоленск–Москва–Владимир, 2004 г.

почти вытеснено, но оставшиеся предприятия достигают высокой продуктивности По мере приближения к границам Московской области (соседи Москвы 3 и 4 порядка) показатели заселенности падают размер и продуктивность предприятий уменьшаются, но все равно они не достигают такого плачевного состояния, как, например, во внутренней периферии соседних областей. Горизонтальные линии на графике 13 очерчивают примерные границы пригорода, охватывающего в Московской области почти всю территорию, хотя и у нее есть различия между районами ближайшими к Москве и удаленными (Махрова и др., 2008). В Смоленской и Владимирской областях, показатели, соответствующие подмосковным имеют 1–2 района. Это доказывает, что понятие пригородности и периферийности – не только дистанционное. В большинстве нечерноземных регионов 90% территории составляет депрессивная периферия.

Таким образом, сельская периферия регионов, особенно в Нечерноземье – это проблемная территория, как по демографическим, так и по экономическим параметрам. Сейчас, когда партийно-административный контроль за колхозами и совхозами исчез, во многих районах посевные площади сократились в 10 и более раз, в некоторых в 2000-е годы вообще ничего не сеяли. Значительную часть периферийных районов, особенно в Нечерноземье, можно назвать «черными дырами» сельского хозяйства (Нефедова, 2003, с.137). Частный сектор как будто прорастает сквозь общественный, но по мере депопуляции и старения населения и он свертывается. Люди чаще выживают за счет небольших огородов и даров леса: собирают грибы, ягоды, ловят рыбу. Крупных лесозаготовительных предприятий здесь немного, хотя лес рубят все. Фермеров тоже мало, к тому же в районах, из которых десятилетия уезжали наиболее трудоспособные люди, трудно найти надежных малопьющих работников.

Подобные депрессивные районы могут быть показаны на карте (рис. 14), где выделены проблемные территории, возникшие в 1990-х гг. и настоящие «черные дыры», где кризис наблюдается уже много десятилетий. Это, во-первых, северо-восток Европейской России и многие районы Сибири. Их кризис связан с продвинутым в неблагоприятные природные условия сельским хозяйством, прежде всего растениеводством, которое начало сокращаться еще до 1990 г. и буквально «рухнуло» в 1990-х при прекращении огромных дотаций. Тяжелый кризис на северо-западе страны – тем более не феномен последних лет и связан с длительной депопуляцией сельского населения, которое «высосали» большие города, прежде всего Москва и Санкт-Петербург. Хорошо видна мозаика периферийных районов регионов на стыке Нечерноземья и Черноземья. Южнее много проблемных районов появилось в 1990-х гг., но часть из них имеют шанс выйти из кризиса. Крупные леспромхозы также развалились на множество мелких фирм и отдельных пилорам, усилив тем самым депрессию сельской местности. Активные лесозаготовки территориально ужались, сохранившись лишь в сырьевых зонах отдельных крупных лесоперерабатывающих предприятий и в районах экспорта леса.

Не только сельская местность, но и небольшие города в глубинке могут с таким же

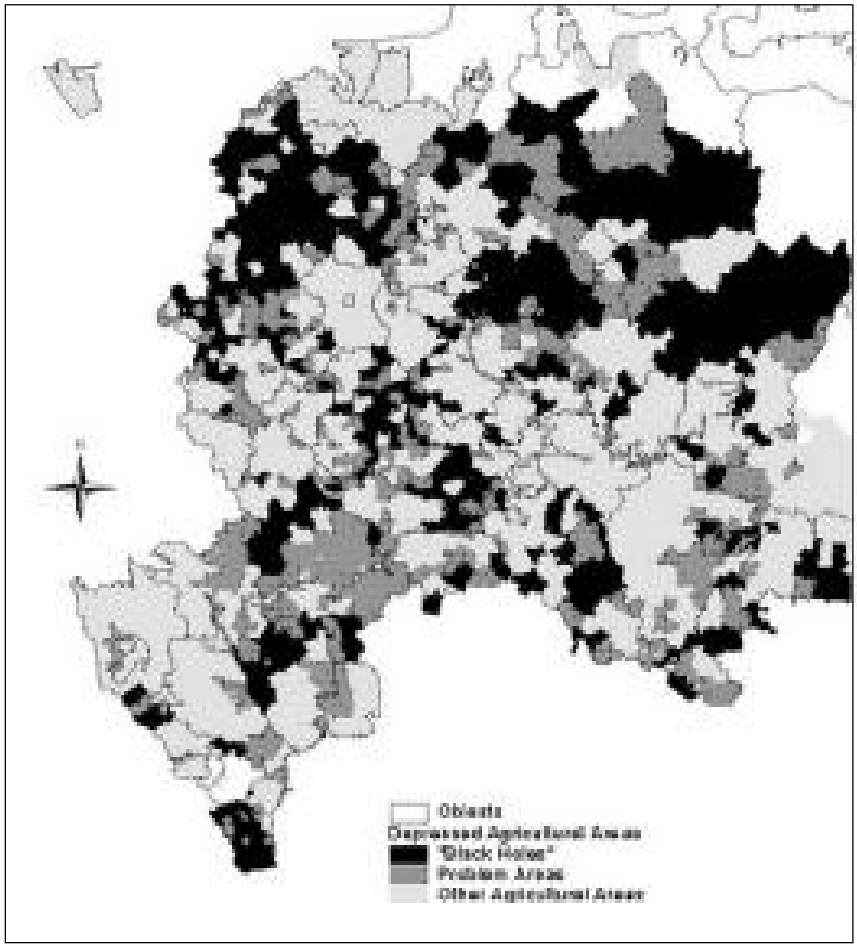


Рис. 14. «Черные дыры» и проблемные ареалы сельского хозяйства Европейской России

успехомбыть отнесены в черным дырам российского пространства. Их функционирование опирается на деревообрабатывающие и пищевые предприятия, в основном локального значения, также находящиеся в кризисе.

Таким образом, можно говорить о внутренней периферии (глубинке) не толькокак об удаленных от центров регионов территориях, но и как о территориях, испытывающих благодаря своему положению тяжелый социально-экономический кризис. Речь здесь скорее идет не об эволюции, а инволюции таких районов, связанной, в том числе и с социально-демографическими ограничениями.

Роль периферии в разных типах освоения территории

Можно обозначить пять основных зон с разным характером освоения территории и с разной долей внешней и внутренней периферии (Нефедова, 2006а): Зона 1 – слабоосвоенная и неосвоенная на Севере и Востоке страны, Зона 2 – лесная с добычей полезных ископаемых, очаговым заселением и сельским хозяйством, Зона 3 – лесо-сельскохозяйственная, зона 4 – преимущественносельскохозяйственная равнинная, зона 5 – горная скотоводческая с очагами добычи полезных ископаемых.

1. Неосвоенная территория занимает 47% общей площади России. В Европейскую Россию эта зона заходит лишь на крайнем Севере и занимает менее 10% ее площади, зато она охватывает большую часть территории Азиатской России (62%). Это – огромная внешняя периферия, природный резервуар, источник богатейших ресурсов. Здесь расположены самые северные в мире большие города – Мурманск и Норильск, а также Воркута, Магадан, Петропавловск, Якутск и много других поселений-наследниковопорных баз ГУЛАГа. В 60–80-е люди терпели там суровые условия ради высоких зарплат, возможности накопить деньги

и без проблем переехать потом «на материк». Лишившись этого в 1990-х гг., население побежало из городов и поселков в освоенные зоны. Максимальный миграционный отток городского и сельского населения наблюдался на Чукотке, Камчатке, в Магаданской области. Другие районы тоже продолжают терять население. Небольшие по площади очаги развития представляют собой столицы регионов, а также города и поселки в нефтегазоносных северных округах Западной Сибири. Они создают свои локальные системы жизнеобеспечения, но закрепить там население удастся, только обеспечив ему среду повышенной коммунальной комфортности и бесперебойной связи с окружающим миром. Это касается и многочисленных вахтовых поселений: добывающих и строительных, которые при оттоке постоянного населения будут играть все большую роль.

В этой зоне есть и крошечные очаги сельского хозяйства. Все остальное — мир традиционного хозяйства коренных народностей Севера, хотя их доля в населении (за исключением Якутии) крайне мала. Архаичное оленеводство, охота, рыболовство – вот основа выживания малых народов на всей этой огромной территории.

2. Лесная зона с добычей полезных ископаемых, очаговым заселением и сельским хозяйством тянется широкой полосой от Белого и Баренцева до Охотского и Японского морей. Всего она занимает 22% территории России, в Европейской России – 26%, в Азиатской – 20%. Здесь 11 больших городов, вокруг которых формируются небольшие ареалы повышенной плотности населения и пригородного сельского хозяйства. Все остальное – обширная периферия, которую организуют небольшие транспортные, рыболовецкие, горно- и лесопромышленные поселки. В ней встречаются и очаги относительного благополучия районы добычи нефти и газа на севере Европейской России и в Западной Сибири, города с иностранными инвестициями. Вне городов есть возможность заработать населению в районах наиболее интенсивных лесозаготовок, особенно ближе к северо-западной и юго-восточной границам России. На остальной территории вдали от крупных городов при средней плотности менее одного человека на кв.км в отдельных очагах люди живут часто в полной изоляции, без связи, информации и т.п. Правда, доля населения в этих периферийных районах невелика. В Европейской России здесь проживает 1.5% ее сельского населения, зато в Азиатской – 8.5%. Агропредприятия, возникшие на волне общехозяйственного освоения, в последние 10 лет в этой зоне рискованного земледелия пережили крушение.

Итак, почти 70% территории страны со сложными природными условиями находится вне зоны сплошного освоения, может быть отнесено к внешней периферии с крошечными очагами интенсивного освоения и, по существу, в значительной степени оторвано от основных дорожных коммуникаций и главной оси расселения.

3. Лесо-сельскохозяйственная зона охватывает остальную часть Нечерноземья, а также переходную полосу от тайги к степям на востоке страны. Она начинается от Псковской и Ленинградской областей (включая и анклавную Калининградскую), и идет к югу Томской и Иркутской областей, слегка расширяясь в местах сельскохозяйственного освоения Дальнего Востока. Зона занимает 13% территории России, на которой проживает 30% ее сельского населения. Это главная промышленная зона страны. Всего здесь находится 70 городов с населением свыше 100 тысяч жителей, правда 17 из них – в Московской области. Именно здесь сосредоточена большая часть городского населения страны – 53%, причем 14% горожан проживает в Москве и Санкт-Петербурге. Главная особенность этой зоны – головокружительные контрасты пригородных и периферийных (глубинных) административных районов внутри регионов, наблюдаемые визуально и отчетливо выявляемые по статистическим показателям. Начиная с этой зоны, внешняя периферия постепенно переходит во внутреннюю.

Доля собственно пригородных территорий (районов-соседей центра первого порядка) в этой зоне очень мала и составляет всего 5 % территории, но на них проживает около 20% сельского населения. Переходные пояса от пригородов к периферии занимают 10–15% территории и концентрируют еще 30% населения. Большая же часть лесо-сельскохозяйственной зоны – это депрессивная периферия.

Сохранить хотя бы часть этих староосвоенных территорий, особенно те, где находятся памятники истории и культуры – очень сложная и важная задача. Поэтому должна бы приветствоваться любая активность, но она требует включенности периферийных территорий в общую систему связей страны. Но именно там, где забрасываются поселения, приходят в негодность дороги и прочая инфраструктура

4. Преимущественносельскохозяйственная зона охватываетравнинные территории в треугольнике: Курск – Краснодар – Красноярск. По площади она почти равна зоне 3, занимая 12% территории России, но шире в европейской части, где она занимает треть всей территории, и сильно укороченав азиатской (5% территории). Это наиболее освоенная и заселенная территория, в ней проживает 58% сельского населения всей России. Здесь почти столько же больших городов, как и в предыдущей зоне (74), но расположены они более равномерно. Человеческий потенциал здесь сохранился лучше, плотность сельского населения выше (хотя и сильно варьирует).

В начале 1990-х гг. южные районы Европейской России поглотили довольно много мигрантов из других регионов и из ближнего зарубежья. Юг Западной Сибири также получил дополнительноенаселение, которое в большей степени все-таки стремилось в города или поближе ним. Хотяво второй половине 1990-х гг. миграционный приток в села ослаб, большая часть регионов от Белгородской области и Краснодарскогокрая до Южного Урала за 1990–2000-е годы реально увеличили численность сельского населения, что не удалось сделать другим регионам.

Это основная сельскохозяйственная зона страны с весьма благоприятными природными предпосылками. Именно здесь активно внедряются рыночные механизмы в сельском хозяйстве, сюда идут инвесторы, здесь много фермеров и товарных хозяйствнаселения. Неоднородность территории определяют здесь не столькопригородно-периферийные различия, как в зоне 3, сколькодифференциацияприродных условий, особенно увлажнения, и национальные особенности населения. Здесь тоже есть своя внутренняя периферия, немало и депрессивных районов. Однако причины и последствия депрессии иные, чем в Нечерноземье и связаны с нерациональным землепользованием, сложностью природных условий и могут быть разрешимы в рамках рационального природопользования

5. Горнуюскотоводческуюзону, с очагами добычи полезных ископаемых можно подразделить на два подтипа: Кавказский и Сибирский. Это районы, где в больших городах чаще преобладает русское, а в сельской местности нерусское население, которое из-за кризиса агропредприятийв 1990-х гг. вернулось к традиционному для этих территорий экстенсивному преимущественно частному животноводству Поэтому здесь к периферии можно отнести не толькоудаленныеот городов, но и многие горные территории. С распадом СССР эти горные районы, по существу, стали внешней периферии страны, хотя занимает она сравнительно небольшуютерриторию – 6%. Проживает в ней в среднем 8% сельскогонаселения, хотя ее доля в Азиатской части намного выше – пятая часть сельскогонаселения.

Модели возможногоразвития российской периферии

Развитие внешней периферии во многом регламентированоее удаленностью, сложностью природных условий, редкой сетью центров и слабой связностью пространства России. Возникшие было в 2000 г. на волне высоких цен на нефть декларации об очередном витке затратного расширения освоенной территории за пределами пригородов и ареалов использования ценных природных ресурсов были приостановлены мировым финансовым кризисом и резким падением нефтяных и газовых доходов государства Ее развитие и дальше будет носить мелкоочаговыйхарактер на фоне экстенсивногоотрадиционногохозяйства коренных народностей. Это не означает отсутствиевнимания к развитию отдельных очагов и, главное, к уменьшению их изолированности. Связность российского пространства катастрофически мала, причем не только физическая (дороги), но и экономическая(высокие транспортные тарифы и цены авиакомпаний, подстегивающие население окраин к отъезду «на материк»).

Большая часть внешней периферии расположена в ВосточнойСибири, на Дальнем Востоке и в значительной степени представляет собой к тому же высокогорья и среднегорья. Это затрудняет не только достижение стационарных поселений, но и вахтовых поселков. Это ограничиваеттакже использованиевысококвалифицированных кадров, в т.ч. иностранных специалистов, и развитие коммерческого туризма. И то и другое требует определенного уровня комфорта и воспроизводства среды обитания европейскогоуровня, то есть при точечном использовании территории практического включения обширной российской периферии в глобальные процессы. В то же время вряд ли следуетожидать былого человеческого энтузиазма в освоении внешней периферии.

Будущеевнутренней периферии, расположенной часто недалеко от центров, неоднозначно

Возможно возвратное вовлечение части забрасываемых территорий в сельское и лесное хозяйство. Особенно перспективны в этом плане крупные агропромышленные комплексы самой разной специализации, которые уже освоили южные и пригородные территории и в целях расширения сырьевой базы ищут наиболее работоспособные предприятия на периферии. Крупные мясо- и молоко-перерабатывающие предприятия Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга также расширяют сырьевую зону в окружающих регионах Нечерноземья. Но тех, на которые они могут опираться и включать в свою производственную цепочку, единицы, как и единичны относительно успешные самостоятельные предприятия благодаря накопленной еще при социализме производственной базе или удачному руководству. Но и последнее встречается редко из-за неумолимого отрицательного отбора в районах депопуляции, выкачивающего в центры лучшие кадры. Большинство землеемких сельскохозяйственных предприятий на периферии в тяжелом экономическом и финансовом кризисе, имеют очень низкую продуктивность, большая часть их земель или арендуемых ими земельных паев населения заброшена и не обрабатывается.

С закрытием ряда убыточных предприятий, которые «тянут» средние показатели внутрирегиональных районов вниз, и развитием небольшого числа оставшихся предприятий статистические различия между районами будут сглаживаться. Но это не означает сглаживания контрастов между пригородами и периферией, просто они увеличатся на локальном уровне: в глубинке в отличие от пригородов останется 1–2 предприятия среди полного социально-экономического упадка на значительной части территории.

Моделей экономики «хозяйственного сжатия» (в противовес развитию), сопровождающейся пространственным сжатием освоенных территорий, может быть несколько, причем они вовсе не исключают друг друга.

Первая модель предполагает сохранение агропредприятий до тех пор, пока они востребованы местным населением. Агропредприятие, даже убыточное, резко сократившее посевные площади и почти ничего не дающее на общероссийский рынок, в таких районах сохраняет важное локальное значение, оставаясь поставщиком продукции на локальные молокозаводы в малых городках (тем самым, способствуя и их выживанию), а также организатором местной жизни, частично поддерживая личные хозяйства населения, сохраняя хотя бы часть территории и спасая поселения от тотального наступления леса. В сельской местности формируется своеобразная безденежная система (поскольку зарплаты мизерны, платятся продовольствием или не платятся вовсе), которая, по существу, работает сама на себя. Такие предприятия нуждаются в помощи государства только как социальные институты для поддержания местной жизни.

Вторая модель связана с усилением товарности хозяйств населения, что возможно в районах не очень сильной сельской депопуляции или в районах, сумевших привлечь и задержать мигрантов. Главным фактором здесь оказывается степень включенности района в общую систему связей. Опыт показывает, что даже там, где остались только хозяйства населения или несколько фермерских хозяйств, при наличии дорог и доступности деревень к ним начинают добираться перекупщики, легче налаживаются связи. А это – живые деньги и товарное или полутоварное мелкое производство.

Третья модель связана с уходом от монофункциональности развития малых городов и сельской местности, порой с заметным изменением специализации района, развитием видов деятельности, связанных с использованием природных ресурсов леса и воды (лесозаготовки и лесопереработка, туризм, заготовка и переработка грибов и ягод и т.п.). Однако зачастую и это возможно лишь при сохранении определенного уровня трудового потенциала, особенно в сельской местности или вахтовом завозе работников.

Четвертая модель возникает, когда местного населения в деревне почти не остается, кроме нетрудоспособных жителей (в основном, бабушек). Тогда требуется специальная социальная поддержка таких территорий, которую региональные и локальные власти, как правило, не считают нужным организовывать. А ведь депопулировавшие деревни – это, по существу, самые дешевые дома престарелых, которые отчасти и продуктами себя обеспечат. Но они требуют особого обслуживания: автолавок с продуктами, доступных врачей, регулярных автобусных маршрутов, доходящих до всех живых деревень.

Для малых городов и деревень, расположенных в особо живописных местностях или имеющих ценные памятники истории и культуры, возможна и пятая модель развития как

достопримечательных мест, которые должны быть закреплены специальным законодательством на национальном, региональном или районном уровне. Они нуждаются в дополнительном финансировании для удержания местного населения с его традиционными видами деятельности и сохранения антропогенных ландшафтов в целом.

И, наконец, шестая модель не только выживания, но и развития сельской глубинки связана с дачниками. Роль дачного освоения как инновационного развития удаленной сельской местности, а не только пригородов, как правило, недооценивают. А она огромна.

Массовость российской сезонной дачной субурбанизации колоссальна и не фиксируется статистикой, поскольку люди не выезжают из городов на постоянное место жительство, а строят или покупают в сельской местности дом, как дачу, дополнительно к городской квартире. В России, в отличие от Западных стран, происходит скорее выплеск из городов капиталов, чем населения, хотя небольшой ручеек контрурбанизации вокруг крупнейших городов намечается.

Российская дачная традиция пригородами не ограничивается. Тесные пригороды вместить всех дачников просто не могут. Более того, все большее распространение получает феномен дальней дачи в тихом безлюдном месте в противовес или в дополнение к ближней даче, зажатой среди изгородей и коттеджей. Процесс заполнения дачниками удаленных периферийных сельских районов начался еще в 1970-х гг. и набирает силу. Обследования показывают, что дачные зоны Москвы и С.-Петербурга уже сомкнулись на юге Псковской и Новгородской областей (рис. 15).

Однако дачники сохраняют дома, деревни, но не местное сообщество и колхозное хозяйство. Хотя мелкое индивидуальное хозяйство оставшегося местного населения имеет шанс укрепиться, снабжая дачников продуктами. Дачники могут задержать в деревне трудоспособное население благодаря спросу на их услуги по ремонту и строительству домов, присмотру за ними (Нефедова, 2006б).

Кроме того, дачники, хотя бы сезонно, создают иную социальную среду в депопулировавших, особенно в небольших деревнях, где дачники составляют большинство. Опросы населения в удаленном районе Костромской области на реке Унжа (600 км от Москвы) показали, что доля московских дачников достигает 30% в относительно крупных деревнях и 70–90% в малых. Местное население доброжелательно относится к дачникам (в основном интеллигенции среднего достатка). Главным достоинством пришлых горожан они считают то, что те поддерживают и облагораживают дома, тем самым, сохраняя небольшие деревни. Каждый четвертый ценит общение с приезжими – «приятные люди, стало веселее». Для 8% важно, что земля не пустует, дачники ее обрабатывают, косят траву, хотя огороды имеют в таком удаленном районе очень небольшое число дачников. Многие жалели, что дачники живут лишь сезонно.

Таким образом, глобализация в виде городских ценностей, проводниками которых являются, в том числе и дачники, пришла и в удаленную периферийную деревню. Главным ограничителем дачного развития периферии служит сильное отставание России в развитии инфраструктуры и сервисного сектора за пределами крупных городов.

Размеры российской периферии и политика государства

Итак, в России процессы освоения пространства в XX веке сопровождались его сжатием в отдельные сгустки в результате активной урбанизации и концентрации населения, инфраструктуры и экономики в городах, пригородах и на юге. В результате при расширении освоенного пространства происходило и расширение малозаселенных и слабоиспользуемых территорий. То, чем у нас принято гордиться – города в суровых природных условиях, большая площадь пашни на душу населения и т.п., – оказалось сомнительным преимуществом. Редкая заселенность районов нового освоения тормозила обустройство территории, а уменьшение заселенности староосвоенных районов приводило в негодность существующую инфраструктуру. Страна характеризуется недостаточной связностью своего огромного пространства, его центров и периферии.

Конец XX века характеризовался явным усилением поляризации пространства, в т.ч. углубления северо-южных, западно-восточных и центрально-периферийных различий. Это касалось не только различий между городами и сельской местностью, но и различий между крупными городами и всей остальной территорией, а также контрастов в сельской местности. Столь затратное использование финансовых и человеческих ресурсов уже невозможно. Бизнес стремится в главные центры

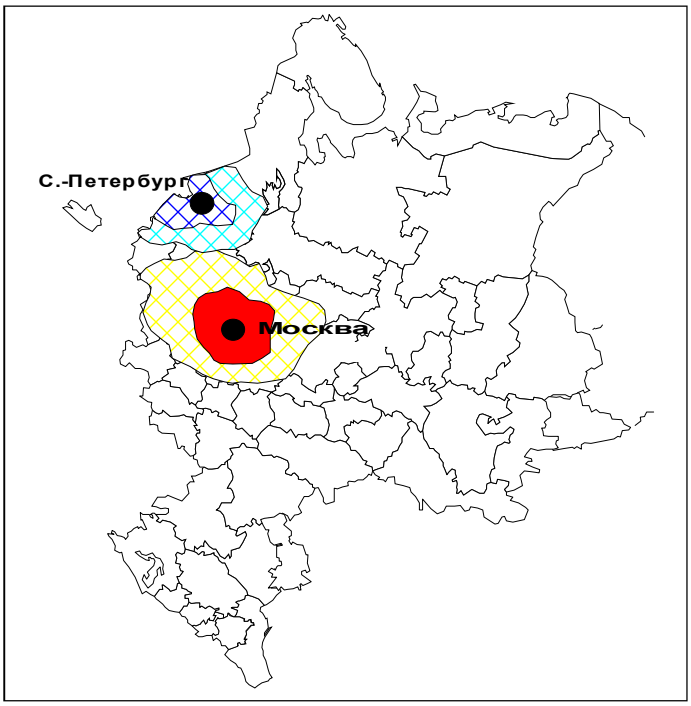


Рис. 15. Зоны дачного освоения территории жителями Москвы и Санкт-Петербурга

страны и регионов, в их пригородные зоны, а также в южные и сырьевые районы, где возможна быстрая отдача вложений.

Анализ территории России с точки зрения ее удаленности от основных сгустков городов, транспортной освоенности и заселенности и социально-экономического состояния показывает, что к внешней периферии можно более 70% территории страны, к внутренней – еще около 15%. Локальные очаги развития, связанные на внешней периферии, как правило, с добычей природных ресурсов и немногочисленными городами – это крошечные оазисы в огромной лесной и заболоченной «пустыне». Масштабы пространства затрудняют их включение в общую коммуникационную систему России. Редкая заселенность и поляризация пространства обуславливают невозможность контроля за всей территорией и сложности управления ею. Затруднен даже экологический мониторинг: слежение за техногенными катастрофами, загрязнением воздуха и воды, вырубками лесов, лесными пожарами и т.п.

Внутренняя периферия занимает меньше территории и часто находится в 1–3 часовой доступности от больших городов, ближе к границам регионов. Однако это не уменьшает проблем периферийных территорий регионов, которые все больше выпадают из использования, особенно в Нечерноземье и на востоке страны, и сферы контроля региональных властей. Вряд ли следует ожидать в ближайшие годы возвращения в депопулировавшие территории постоянного населения. Сохранение некоторых из них возможно лишь благодаря внешним импульсам: городским дачникам и мигрантам в сельской местности, рыночной поддержке, в т. ч. столичным и иностранным бизнесом некоторых предприятий в небольших городах и в сельской местности как локальных точек экономической активности. Однако разрушение местной инфраструктуры по мере угасания постоянной жизни отнюдь не способствует этим процессам.

Наибольшее внимание на государственном уровне в последние годы уделяется именно развитию сельского хозяйства, а также образования и медицинского обслуживания, чему посвящены специальные национальные проекты. В то же время аграрное развитие – это отнюдь не единственный и далеко не главный путь развития сельских территорий периферии, учитывая их обширность, малодоступность и зачастую сложные природные условия. Не менее проблемными являются малые и средние

периферийные города, особенно в связи с кризисом основных градообразующих предприятий. Однако осознания масштабов и проблем российской внешней и внутренней периферии на федеральном и региональном уровнях не произошло, как нет и осмысленной региональной политики государства в отношении периферийных районов. А ведь в них живет каждый пятый горожанин и каждый пятый сельский житель.

Библиографический список

1. Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. – М.: Институт экономики переходного периода, 2003.
2. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991.
3. Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Фрагментация сельского пространства России // Вестник Евразии. – № 4. – 2004. – С. 69–93.
4. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: УРСС, 2003. – С. 111.
5. Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.
6. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008.
7. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003. – 403 с.
8. Нефедова Т.Г. Увидеть Россию. Отечественные записки. Том 32. Анатомия провинции, 2006а. – № 5. – С. 41–60.
9. Нефедова Т.Г. Село Медведево в интерьере своего района, области и России// Российский северный вектор / ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2006б. – С. 8–50.
10. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Динамика и состояние городов в конце XX века. Российские городские системы в зеркале эволюционных теорий урбанизации// Город и деревня Европейской России: сто лет перемен / ред. Нефедова Т.Г., Полян П.М., Трейвиш А.И. – М.: ОГИ, 2001. – С. 171–225.
11. Предварительная численность населения РФ до 2025 года. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2005.
12. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. – Смоленск: Ойкумена, 2002.
13. Трейвиш А.И. Город, село и региональное развитие // Город и деревня Европейской России: сто лет перемен / ред. Нефедова Т.Г., Полян П.М., Трейвиш А.И. – М.: ОГИ, 2001. – С. 337–374.
14. Трейвиш А.И. Центр, район и страна. Инерция, инновации в развитии российского крупногородского архипелага//Крупные города и вызовы глобализации. – М.: Институт географии РАН, 2003.
15. Трейвиш А.И. К вопросу о теории больших стран // Пятые сократические чтения. Рефлексивность социальность процессов и адекватность научных методов. – М.: РУДН, 2004в. – С. 88–111.
16. Численность и размещение населения. Итоги Всесоюзной переписи населения 2002 г., Т. 1. – М.: Федеральная служба государственной статистики РФ, 2004.

А.В. Скалон
(г. Смоленск)

ВЫСШАЯ ШКОЛА КАК КЛЮЧЕВОЕ ЗВЕНО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Skalon A.V.

THE HIGHER SCHOOL AS A KEY PART OF THE DECISION OF PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF RUSSIA

In the article} problems of the higher school of Russia are examined. The author pays attention that the condition of the higher school determines prospects of social and economic development of the country and offers a number of recommendations on perfection of higher education system.

В статье очень конспективносформулированы проблемные области, в которых сегодня приходитсяразвиваться высшей школе. Явный экономический рост, об источниках и основных составляющих которого можно спорить, не снимает, а делает еще более рельефными диспропорции в развитии России. Они вполне реальны и принимают угрожающий характер.

Вот их основные проявления:

• **пространственно** – Москва (в целом, конечно, Москва и Петербург, иногда именуемые столичным мегацентром) стала «государством в государстве», что противопоставляет ее «остальной» стране; сырьевые регионы, дотирующие развитие страны, откровенно выражают недовольство, вплоть до демонстративного возрождения идей сибирского сепаратизма («Сибирского государства», отделения «Сибири» от «Москвы»); деградируют многочисленные территории: часть закономерно, в силу утраты значения в военно-мобилизационном потенциале страны, часть – по причинам институционального, управленческого и иного характера; искажаются факторы, формирующие привлекательность территорий и ресурсных потенциалов: крупными инвесторами предпочтение отдается Китаю (и вовсе не только из-за низкой оплаты труда), странам СНГ или бывшего Варшавского пакта, даже если в будущее производство будут вовлечены ресурсы России; отечественные города и территории проигрывают зарубежным конкурентам, даже обладая реальными преимуществами; муниципальный уровень управления фактически лишен реальных инструментов управления развитием и, фактически, стал придатком системы государственного управления; "человеческий капитал" покидает регионы, а элитная его часть – страну, отдавая предпочтение условиям размещения, работы, карьерному потенциалу, комфорту, безопасности, предоставляемым зарубежными конкурентами. Потери, которые несет Россия от утечки человеческого капитала из ее периферии, городов и в целом из страны – неисчислимы. Знания и таланты лишь одного человека могут стать мультипликатором развития всего человечества, мы же утратили сотни тысяч образованных и активных людей, которые и сегодня продолжают уезжать сотнями, причем – лучшие и молодые;

• **экономически** – проводимая правительством политика «мягкого рубля», популистских бюджетных вливаний, роста социальных расходов бюджета, опережающих производительность труда и рост продуктивности экономики, ведет к непредсказуемым ценовым диспропорциям; рост денежной массы, призванный «стимулировать» экономику, ведет к консервации неэффективных форм хозяйства, подрывает доверие к рублю и снижает реальные доходы самодеятельного населения; инфляция превращается в «налог на бедных»; налоги (и прямые, и скрытые), риски и институциональные издержки препятствуют формированию сверхприбыли и обращению ее на инвестиции в образование и науку, нарастающая сырьевая ориентация экономики страны создает угрозу независимости России, насильственная стагнация преобразований в сельском хозяйстве привела к консервации неэффективных форм и методов хозяйствования и угнетению перспективных и высокоэффективных хозяйств, что ставит под вопрос нашу продовольственную безопасность; в сельской местности удерживаются до 30% и более неэффективно занятого населения; структура производства в

сельском хозяйстве предельно неэффективна: до 98% овощей и картофеля производится в ЛПХ, а инвестиции государство направляет в сектор крупных, по прежнему нерентабельных хозяйств. Искусственно сдерживается укрупнение земельных наделов успешных малых предприятий, и основная масса производства падает на пригородные хозяйства граждан.

Давно сформировались отечественные "лендлорды", обычно широко представленные во властных структурах. Сложились и действуют монопольные коммерческие структуры, вытесняющие с рынка других посредников, "откат" стал нормой лизинговых схем, а расширение земельного надела – нерешаемой проблемой. Производство продовольствия в искаженной структуре хозяйства требует непроизводительных расходов, дополнительных издержек на единицу продукции, сверхэксплуатации труда и, в конечном итоге, относительно повышает цены на продукты питания. Регулирующие шаги государства усугубляют проблему, а стимулирование производства (например, зерновых) приводит к непредсказуемым и шокирующим результатам. Дискреционные доходы основной массы населения крайне низки и не позволяют производить накопления, капитализировать непотребленный доход и инвестировать его в новое производство; спекулятивный рост цен на недвижимость, насильственно поддерживаемый властными элитами, материально в нем заинтересованными, формирует условия для тяжелого кризиса не только в строительной отрасли, но и в экономике в целом, что делает перспективы для молодых людей непредсказуемыми, ненадежными и неблагоприятными;

• **административно** – бюрократизация управления – ведет к неуправляемому росту численности «управляющих» (более чем трехкратный рост численности по сравнению с СССР, со всеми его 15 республиками), ускоряющему темп за последние годы; управляемость экономики (реакция на управляющее воздействие) недостаточна, а предпринимаемые программы и проекты тонут в бюрократических проволочках и прямом саботаже; ложные «реакции», «потемкинские деревни» и «гладкие отчеты» стали нормой поведения представителей среднего уровня управления; массово «рисуемые» по шаблону стратегии и программы развития регионов и городов стали поводом для дележа выделяемых для этого средств и реально экономического значения не имеют, так как воплощать их никто не собирается, да они для этого и не предназначены; «ненаблюдаемая» экономика («серый сектор») контролируется прежде всего властными структурами, капитализирующими в ней «ренту по положению в иерархии»; формируются опасные связи между властными и криминальными группировками; риски ведения бизнеса в России становятся запретительно-высокими даже для самой элиты, что стимулирует вывод денег из страны и выезд молодых людей за рубеж;

• **социально** – раскол в обществе по имущественному признаку непропорционально велик и резок. Сформировавшиеся властные элиты образуют региональные кластеры по признаку родства, землячества, общности интересов и стремятся исключить все конкурирующие группы, повышая для них порог входа на рынок и риски ведения дел; фрустрация становится бичом «нового среднего класса» и молодые люди, заканчивающие вуз, заранее уверены, что «не пробьются» и готовятся уезжать;

• **демографически** – нестабильность, фрустрация, неблагоприятные прогнозы на личное будущее не просто тормозят вступление в брак, но и снижают детность пар, отодвигают срок первых родов и стимулируют молодых людей уезжать из села, региона, города, страны в поисках «лучшего будущего». К разряду таких неблагоприятных факторов можно отнести обязательную службу в армии, отодвигающую вступление в брак; очень высокие относительные расходы на образование, растущие цены на жилье, высокие цены ипотечных кредитов, обременяющие бюджет молодой семьи, и прочее, что делает семейную жизнь экономически рискованной и сложной. Запаздывающая, по мировым меркам, «сексуальная революция» тоже один из факторов, снижающих «прелести брака», не говоря уже о ее санитарно-гигиенических и психологических последствиях. Нашей молодежи еще только предстоит возврат к семейным ценностям, что уже происходит в развитых странах. Это демотивирует молодых людей к достижению семейного благополучия, реализации семейных ценностей.

В конечном счете сложившийся экономический порядок не просто изобилует неконкурентными отношениями, но и основан на них, что повышает трансакционные издержки до запретительных уровней. Это прямо и косвенно отражается на экономических и политических перспективах России, усиливая тенденцию

к формированию ее как «донора» сырья, людей и капиталов. ВШ стала участником и заложником этих процессов. Инфляция высшего образования (буквально: правоохранительные органы вынуждены «прикрывать» сомнительные учебные заведения, штампующие «специалистов» с дипломами) задевает и ВШ в целом: деградируют критерии качества образования, из ВШ вымываются перспективные молодые преподаватели, так как доходы, предлагаемые бизнесом и даже бюджетными учреждениями кратно выше, чем в вузе.

Сформулированная президентом идея создания 17 федеральных университетов (как центров, задающих высокий уровень образования) в сложившихся условиях приведет к формированию "бюрократических монстров", в которые соберутся все "влиятельные" региональные фигуры, после чего они "закуклятся" и попытаются уничтожить своих конкурентов, прежде всего в лице частных вузов. Фактически это уже происходит в городах и регионах с сильными государственными университетами: попробуйте, к примеру, открыть конкурирующую специальность, если таковая уже числится в государственном вузе. Как региональный методический центр он найдет массу поводов и придирок, в соответствии с которыми новый факультет (специальность) создавать не следует.

Более того. Качество обучения в подобных федеральных университетах станет заложником формальных процедур, когда на бумаге – все правильно, а в аудитории – издевательство над здравым смыслом.

Обратим внимание на очень важные обстоятельства, сопровождавшие расцвет высшей школы в России XIX века: университеты были в высшей степени свободны, с одной стороны, и являлись центрами фундаментальной науки – с другой. Авторитетами, определявшими уровень преподавания, были такие ученые, как Д.И. Менделеев, В.В. Докучаев, В.И. Вернадский[1], любой претендент на место должен был дать несколько открытых лекций, демонстрируя весьма требовательному сообществу преподавателей и студентов свои возможности, а уровень оплаты давал профессорам высокую степень свободы и сравнительно высокий уровень жизни. Более того, профессор должен был регулярно подтверждать открытыми лекциями свой уровень, были приняты ныне совершенно утраченные традиции публичных диспутов, письменных рецензий и другие формы того, что сегодня можно было бы назвать "контролем качества преподавания".

Свести, как это пытаются сделать сторонники "болонской системы", контроль качества преподавания к написанию многостраничных и жестко регламентированных некими "стандартами" учебно-методических комплексов – нонсенс. Представляю, что бы сказал по поводу "стандартов", да тем более "утвержденных" неким вышестоящим чином, резкий на язык Дмитрий Иванович Менделеев...

ВШ рассматривается нами как ключевой элемент передачи и осмысления социального опыта, что позволяет ей в переходные моменты развития общества (как сейчас в России, оказавшейся на этапе перехода от индустриальной экономики сразу в постинформационную, или когнитивную эру) претендовать на особую и ключевую роль в процессах социально-экономических преобразований. В ВШ происходит верификация научного и синтез нового знания, кристаллизуются структурные элементы новой парадигмы, с которой следующее поколение граждан примет на себя нагрузки очередного этапа жизни страны. Эта функция ВШ накладывает на нее особые требования: необходимость прозрения будущего (предвидения, перцепции); лидерства в преобразованиях и, часто, революционности, с одной стороны, и сохранения традиций, чаще всего в форме научных школ, передачи метода и методологии знания, гарантирующих его валидность, с другой. Такое сочетание консерватизма и радикального перфекционизма создает ВШ уникальную, незаменимую роль хранителя-инициатора социального опыта нации.

Можем ли мы сказать, что готовим специалистов будущего? К сожалению – нет. Почти всю нагрузку по адаптации к современным условиям мы оставляем на долю нашего выпускника. Ни федеральные стандарты, ни слабые попытки региональных вузов включить в программу те предметы, в которых они ощущают необходимость в качестве регионального компонента, не дают желаемого результата. Попытки Министерства образования навести порядок жесткой рукой, сокращая число вузов, не отвечающих его пониманию

[1] То, что я ограничиваюсь только этими именами, говорит лишь о сфере моих научных интересов, в других направлениях отечественная высшая школа была представлена не хуже.

качества, не дадут искомых результатов Профанация экономическогои правового обучения, к сожалению, не может быть устранена такими простыми средствами. Формальные признаки «качественного» обучения довольно легко подделать: написать гладкие программы, разработать кейсы и практикумы… Но никак и ничем не заменить взаимодействия преподавателяи студента

И здесь необходимонапомнитьмысль Д.И. Менделеева[2] о том, что высшая школа и фундаментальная наука неразрывно связаны, что только в этой связке ученик получаетот работающего ученого все новейшее, только что полученное им знание; толькоработая с ученым рядом студент видит его метод в действии; тольково взаимодействии ученого и его учеников создается научная школа.

Фундаментальные исследования стали практически невозможны в вузах, все усилия которых нацелены на выживание, а в условиях рыночной экономики приоритеты естественно отдаются прикладным направлениям НИР, обещающим немедленный результат. Региональные власти, понемногу начинающие интересоваться стратегическими разработками, или не могут, или не умеют оплачивать исследования, не гарантирующие сиюминутный эффект.

Крупные предприниматели, особенно имеющие личный опыт работы в академической системе, остерегаются обращаться к вузам и отдельным самостоятельным исследователям, справедливо опасаясь получить за свои деньги толстый, ни к чему не обязывающий «отчет по НИР». Они предпочитают вести собственные исследования, даже если их качество и оставляет желать лучшего.

Гранты РФФИ или ничтожны (служат только для удержания ученых на грани достойной бедности), или достаются самым пробивным руководителям (вариант: известным научным «брэндам», крупным вузам).

Гранты иностранного происхождения или частных лиц чаще всего либо достаются через «откат», либо по связям (ранее это именовалось «блатом»), либо идут по уже проторенным дорожкам, что в большинстве случаев определяется подбором экспертов и «черных» рецензентов.

* * *

Что можно сделать?

Осознание обществом особой роли ВШ в эволюции нации и государства, сохранении качества социального капитала должно не только выйти на новый уровень, отвечающий важности момента, но и принять вполне вещественные формы: ВШ должна перестать балансировать на грани нищеты; ею не должны управлять как взнузданной лошадью назначаемые сверху лица; ВШ не могут навязываться методологические и методические эксперименты и, тем более, стандарты, отражающие взгляды отдельных влиятельных лиц, групп и кластеров, как бы они ни казались хороши с точки зрения Министерства образования и науки и Академии педагогических наук.

Лихие эксперименты с повсеместным внедрением тестирования с попыткой подменить «субъективного» преподавателя «объективным» набором вопросов в случайном порядке выдаваемых компьютером, показывают уровень мышления экспериментаторов. В тех же США длительные эксперименты с тестированием показали, что в лучшем случае это средство проверки памяти студента, в худшем – тест на изворотливость и пробивную силу, с которой добываются верные ответы на тестовые задания.

Попытки заменить преподавателя делаются постоянно, и не только у нас в стране, чаще всего на том основании, что качество самих преподавателей требует проверки и контроля. Для этого создаются дорогостоящие головоломные системы проверки качества преподавания, строятся мощные методические схемы… и все снова проваливается. С водой выплескивается и ребенок: умение рассуждать, идти от неверного к верному ответу путем последовательных приближений, ассоциировать, обобщать – это умение нельзя проверить тестом. Неверный ответ – всего лишь повод думать вместе с учителем и этот урок запоминается и действует лучше, чем многочасовые лекции. Экзамен – это важнейший этап обучения и его нельзя заменить механическим общением с компьютером

Но почему не рассматривается самый простой и ясный (как принято теперь говорить – транспарентный) путь оценки качества работы ВШ: самими студентами? Выпускниками ВШ? Родителями абитуриентов? Работодателями? Образованным сообществом, наконец?

[2] Менделеев Д.И. Границ познанию предвидеть невозможно. – М.: Сов. Россия, 1991. – 592 с.

Кстати, этот подход снимает и проблему обсуждаемого «обилия» вузов.

Наша точка зрения проста – вузов может быть столько, сколько способно выжить, честно обучая студентов и конкурируя за образовательные деньги общества. По некоторым экспертным оценкам – это 3–3,5 млрд. долларов в год и эта сумма постоянно растет, вместе с располагаемыми доходами общества.

Качество работы вуза зависит от качества его преподавателей. Нужно удержать в высшей школе ее интеллектуальный капитал, единственный залог расширенного воспроизводства знаний, и не просто удержать, а выиграть в конкурентной борьбе за самые лучшие умы. Конкурентами в этой борьбе выступают не только вузы, но и бизнес, способный сегодня предложить талантливому ученому весьма высокий уровень оплаты и условий труда.

Потребители услуг вуза – все члены общества. Как сделать так, чтобы каждый член общества, достойный услуг высшей школы, мог воспользоваться ими?

Давно обсуждается схема, по которой с момента рождения российский ребенок будет получать персональный образовательный чек (индивидуальный электронный номер-счет; счет в банке; долговое обязательство государства или еще что-то), который к моменту поступления в ВШ станет реальной именной ценной бумагой, с высшей степенью защиты и непроставленной (открытой) суммой: ваучером, обозначающим право студента использовать этот ваучер для платежа в любой выбранный им вуз России. В момент платежа ваучер обретет свою цену в зависимости от годичного контракта между вузом и государством, в котором будет оговорена цена учебного места на данный год. Если студент не получит ожидаемого результата, он уходя унесет с собой и ваучер. Это и будет искомая интегральная оценка вуза и отпадет необходимость тратить массу драгоценного времени на прием столичных комиссий, ревизующих ВШ.

В зависимости от уровня благосостояния родителей ваучер может быть полностью оплачен государством или в той или иной мере – родителями студента (самим студентом). Высокий уровень благосостояния родителей может вести к налоговой льготе для семьи в размере реальной платы за обучение, а сам ваучер возвращается государству.

В такой схеме вузы обречены сражаться за каждый ваучер, перетягивать к себе студентов и лучших преподавателей, а вопрос качества обучения и эффективности работы вуза решается в реальной конкурентной борьбе за абитуриента, в поддержании брэнда школы, в том числе и ее научного авторитета. Тогда вузам имело бы прямой смысл «охотиться за головами», переманивая к себе ведущих ученых и преподавателей более высокими ставками, меньшей часовой нагрузкой и возможностью работы в настоящих, отлично оснащенных лабораториях. Преимущества лучших вузов можно было бы легко капитализировать в виде сверхприбыли, направляемой на создание фондов поддержки НИР и талантливых студентов, строительство, исследования, приобретение учебной техники, суперкомпьютеров и научные экспедиции, и, в такой форме, не облагаемой налогами.

В этом варианте мы могли бы со временем рассчитывать на возвращение из-за рубежа наших соотечественников, предлагая им конкурентоспособные условия работы и жизни.

* * *

Предлагается вспомнить давно, со времен Томаса Джефферсона, известный механизм поддержания ВШ. Смысл его заключается в том, что общество, в лице его выборных представителей, обладающих властными полномочиями, глубоко понимающих роль образования и особо высшего в жизни самого общества, наделяет вуз, вдобавок к принадлежащей ему недвижимости, земельной собственностью достаточной, и сейчас и впредь, для покрытия основных его нужд.

Смысл этого действия понятен: *этим актом общество фактически признает кардинальную роль высшего учебного заведения в обучении своих детей, в своей истории, в настоящем и в будущем, доверяет ему и заботится о нем самым существенным образом, передавая ему часть самого ценного, что у него есть, своего жизненного пространства – земли.*

Цена земли растет всегда, по причинам как экономического так и демографического характера, а стало быть и земельная собственность – неотчуждаемый капитал ВШ – будет также расти в цене. Такой дар дается в вечное пользование вуза и не облагается никакими сборами, пошлинами и налогами. Естественно, на управление недвижимостью надо иметь права – для этого у ВШ должны быть соответствующие

полномочия, а их исполнение контролировать попечительские советы, в которые войдут самые авторитетные и уважаемые лица города, а также специалисты по управлению недвижимостью, если вуз может (имеет право) передавать имеющиеся в его распоряжении земли во временное пользование других лиц. Земли ВШ должны быть выделены как в городе, так и в сельской местности (например, для подсобных хозяйств, спортивных лагерей и пр.), но в количествах значительно больших, чем нужно для покрытия сегодняшних потребностей. Вот эта-то лихва и станет прямым и базовым источником доходов, обеспечивающих интенсивное развитие университета.

Таким образом высшее учебное заведение становится своеобразным лендлордом и получает земельную ренту вместо государства. Зато с бюджетов всех уровней снимается огромный камень и остается забота о поощрении наук и юношества, от щедрот, так сказать, да и то, в основном через облегчение налогов на доброхотные даяния и вложения в исследования (долгосрочные частные целевые фонды, частные заповедники, премии и пр.).

* * *

Теперь уже неизбежное объединение ВШ и академических исследовательских институтов в систему «исследование–обучение–практика» (имеются в виду не только технологические, но и исследовательские центры), почти автоматически влечет за собой процесс постепенного превращения ВШ в региональные «фабрики мысли», а это мощный источник заказов на исследования для преподавателей, аспирантов и студентов старших курсов.

Другой источник дохода – это налоговое освобождение, которого надо добиться на федеральном и региональном уровнях на все виды научно-практической деятельности, связанной с направлениями, в которых работает ВШ, и которое сделает вуз исключительно выгодной сферой капиталовложений.

Конечно, владение и, соответственно, управление землей и денежными фондами налагает многие далеко не научного свойства обязанности на ректорат. Вырисовывается фигура ректора-менеджера, решающего вопросы развития вуза, возрастает роль и ответственность Совета ВШ во главе с достойнейшим ученым, а экономические вопросы разумнее доверить за скромный процент профессиональной компании по управлению недвижимостью и ценными бумагами.

Разумеется, как это и должно быть, Законодатель оговаривает возможные формы распоряжения недвижимостью. Он запрещает или разрешает сдачу в аренду тех или иных ее частей, налагает ограничения на пользование собственностью (например, может запретить устроение на землях университета публичных домов, игорных и пивных заведений), оговаривает обременения и сервитуты (например, обуславливает право прохода по землям университета местных жителей, выпас скота, сбор грибов и ягод жителями прилегающего поселка и пр.).

* * *

Наконец добавим к получившейся схеме поддержки ВШ еще несколько штрихов:

• уже сегодня необходима конкурентоспособная (пока хотя бы в рамках национальной экономики) цена труда преподавателей при разумной лекционной нагрузке оставляющей время на научную работу (это условие делает услуги ВШ весьма дорогим удовольствием). Сегодня эту задачу может выполнить только государство, установив временную целевую доплату к плате за обучение для каждого поступившего в вуз абитуриента, и отнеся ее только к фонду заработной платы вуза;

• необходимы публичные, широко рекламируемые, государственные и частные формы поддержки научных школ и фундаментальных исследований (гранты, стипендии, фонды, средства поддержки коллективных форм обсуждения научных результатов), по мере возможности защищенные от коррупции, недобросовестной конкуренции и откровенного воровства;

• необходимы различные формы федеральной и региональной поддержки лучших студентов и аспирантов, особенно ведущих собственную научную работу. К примеру, это могут быть формы поддержки систем обменов между вузами, публикаций (особенно их сетевых форм) и поездок, не говоря уже о целевых фондах, именных стипендиях и пр.

* * *

Предметом отдельной и постоянной государственной заботы могли бы стать:

• **мотивация общества к повышению качества и уровня знания.** Кроме средств пропаганды и просвещения, малодейственных, если

они взяты в изоляции, необходимо поддерживать и контролировать конкурентность в сфере высшего образования и научной сфере. Понятна сложность этой задачи, но найти другой действенный инструмент, позволяющий отобрать лучших и мягко элиминировать худших, вряд ли возможно. Актуальность этой задачи можно подчеркнуть стоящей перед Россией необходимостью перехода из позиции «догоняющей» страны к постиндустриальной экономике информационного и когнитивного общества, которая полностью опирается на его интеллектуальный потенциал. Совершить такой рывок без опережающей государственной политики невероятно;

• **подчеркнутая престижность знания, умение видеть его отдаленные эффекты и полезность.** Здесь многое уже делается, но слишком малозаметно и хаотично, без достаточного PR-эффекта. Нет необходимости в дорогостоящих ток-шоу, чтобы подчеркнуть значение, скажем, Бутлеровской премии, но сообщить о ее вручении не только в Вестнике АН РФ, было бы замечательно. Да и денежный эквивалент отечественных научных премий ничего кроме сочувственной усмешки у молодых людей не вызывает. Еще смешнее, когда публично объявляется «ожесточенная конкурентная борьба» молодых ученых за премию в размере… 2500 рублей.

Старшее поколение, планирующее государственную политику в сфере науки и ВШ, похоже, не заметило, что рубеж чувствительности к вознаграждению давно перешагнул $1000. Это видно невооруженным глазом по теле- и радиошоу, печатным изданиям, поддерживающим интерактивные обмены с молодежной аудиторией. И о каком престиже науки может говорить уровень оплаты труда преподавателей? Что должен думать студент, когда его профессор, доктор наук, автор сотен публикаций, живет в «хрущобе» и едва сводит концы с концами? Вряд ли он захочет войти в его «научную школу» и унаследовать его престиж «люмпен-интеллектуала». Еще хуже, когда преподаватель, соблазненный большими деньгами, становится рвачом и взяточником, через силу «тянет» по полторы-две ставки или покрывает прорехи семейного бюджета попутным бизнесом, резко снижая свой научный и педагогический потенциал;

• **защита интеллектуальной собственности и прав своих граждан**. Этот вопрос широко обсуждается, но и до сего дня наше общество не умеет платить за интеллект, умный совет и хорошую книгу. Смешно, когда ученого заставляют платить (и немалые деньги) за публикацию его трудов или оплачивать услуги организаторов семинаров и конференций, в то время как платить за использование его работ никто не собирается (да и как капитализировать полезность трудов по теории рыночного равновесия или оценке экологической составляющей ВНП, к примеру?), хотя их использование и полезность вполне доказуемы. Трудно придумать лучший способ демотивировать молодежь к научному труду, чем заставить платить за собственные успешные результаты;

• ***пропаганда и распространение знаний.*** Позволю себе подчеркнуть непопулярное ныне слово *пропаганда*. Это именно то, что нам сегодня надо. Это область вмешательства государственной машины в общественное будущее (разумеется, это роль ограниченная ключевыми точками, инициирующая, а не массовая); задача, которая не может быть выполнена частным сектором, но вполне может быть им подхвачена и развернута. Блистательный пример – старейший американский научно-популярный журнал Scientific American, в русском переводе – «В мире науки». В нашей стране эту роль пытался выполнять журнал «Наука и жизнь», но все время сползал то в сторону Юного техника, то Блокнота агитатора. На ладан дышат старейшие научные общества страны, а когда-то мощная структура Общества «Знание» растворилась в прошлом;

• **культуртрегерские акции и проекты**, адресованные прежде всего тинейджерам, самому сложному и рискованному возрасту, в котором вербуются и «бритоголовые», и «высоколобые». Интернет-сообщество, сегодня культивирующее нарочитое «интеллектуальное снижение» до полной безграмотности письма, эпатаж и антипатриотизм, может стать пробным полем для таких акций: объединяя реальных интеллектуалов, оно может стать фокус-группой для оценки и отработки проектов, обращенных к этой среде. Клубы, дискуссионные площадки и олимпиады, связанные с жизнью тех или иных факультетов ВШ, сегодня вполне реально работают. Государство может их поддержать, предоставляя гранты, оплаченное время в Сети и льготы по аренде серверов, стипендии для активных участников и победителей олимпиад (прекрасный пример – история Физматшколы СО РАН, знаменитой всесоюзными олимпиадами ФМШ) и пр.

* * *

Силовые, дисциплинарные меры «наведения порядка» в вузах – обречены на провал по определению. Все попытки управлять интеллектуальнымсообществом страны похожи на попытки «пасти стадо кошек». Гораздо умнее привлекать «когнитариев» (Э. Тоффлер) положительным подкреплением, фиксирующим и капитализирующим их достижения, и тем самым, достижения ВШ, в которой они работают, делая это самым явным и наглядным образом.

Высшая школа, желаем мы того или нет, часть новой мировой экономики, вступившей в когнитивную эру. Этот период жизни общества отличается приматом научного знания. Интеллект стал непосредственной производящей силой. Вузы – это единственная сила производящая интеллектуальную энергию общества.

Отсюда – исключительная роль вузов, особенно гуманитарной (социетарной, если угодно) направленности, продуцирующих и воспроизводящих социальный опыт высшего качества, в сфере регионального развития. Достаточно напомнить о роли Станфордского университета (и его первого в мире технопарка), Калифорнийского (Беркли) и университета Сан-Франциско, рядом с которыми и под сильнейшим влиянием которых возникла крупнейшая в мире техно-интеллектуальная агломерация, получившая название Кремниевой (Силиконовой) долины.

И наконец, вуз – это бизнес. Нерентабельный бизнес – нонсенс. Нужно удержать высшую школу в рамках не просто рентабельности, но высокой рентабельности. Это очень нетривиальная задача. Если технические и технологические вузы ее могут решать, вовлекая в свою работу венчурные капиталы и формируя союзы с промышленными гигантами, то вузам естественно-научного и гуманитарного направления это сделать очень сложно. Их продукт (фундаментальные знания, сложные культурные формы социального опыта и пр.) если и могут быть капитализированы, то очень опосредованно, в больших временных промежутках. Все в России знают о месте и роли Царскосельского лицея в отечественной культуре, но мало кто рискнет оценить в деньгах роль А. Пушкина и его однокашников И кто сегодня отдает себе отчет в том, что лицей этот содержался на средства (не сказать ли – «грант»?), выделенные непосредственно правящим домом Романовых?

Проблемы ВШ – это ключевые проблемы развития, если четко понимать, что главным фактором любого развития, в любой стране, в любой экономике, выступают люди и накопленный ими социальный опыт.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

К.Б. Клоков, С.А. Хрушев
(г. Санкт-Петербург)

ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА ПОПУЛЯЦИЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 07-01-00552а)

Klokov K.B., Hrushchev S.A.

DEMOGRAPHIC REPRODUCTION DYNAMICS OF POPULATIONS REPRODUCTION OF NATIVE SMALL PEOPLES OF THE NORTH OF RUSSIA AND ITS REGIONAL FEATURES

In the given work dynamics of number of native northern ethnoses is studied at three levels: as a whole across Russia, at a level of regional populations on subjects of the Russian Federation and at a level of municipal formations (administrative areas and the municipal formations). Research has allowed to establish existence of two types of demographic reproduction of ethnic populations of small peoples of the North of the Russian Federation.

В дискуссиях о будущем коренных северных народов нередко упоминается некоторый «миф» об их вымирании. Каждая перепись населения в очередной раз «кладет конец» этому мифу, убедительно подтверждая, что численность большинства «КМНС» увеличилась. Несмотря на это, «миф о вымирании» снова и снова возрождается. В массовом сознании никак не укладывается мысль, что в современном индустриальном обществе этнические общности численностью всего в несколько тысяч человек, к тому же занятые в таких экзотических отраслях хозяйства, как оленеводство, охота и рыболовство, могут выжить и устойчиво развиваться. Между тем, детальный анализ статистических данных показывает, что демографическая динамка разных северных этносов существенно различается, и прогнозы на будущее для некоторых из них могут оказаться прямо противоположными Кроме того, понимание сути происходящих процессов их демографического воспроизводства дают возможность существенным образом влиять на судьбу некоторых этносов, как через государственные национально-политические решения, так и через общественное мнение и неправительственные организации.

Итак, можем ли мы сейчас в какой-то мере предсказать или даже оказать влияние на будущее северных этносов?

26 коренных малочисленных народов Севера России[1] (КМНС) впервые были выделены Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об учреждении временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» в 1926 году (Собрание узаконений…, 1926).

Основанием для их объединения были: малочисленность, бродячий, кочевой и полукочевой образ жизни, общая направленность хозяйства (оленеводство, охота, рыболовство, в некоторых районах – морской зверобойный

[1] Перечень народов см. на рис. 1.

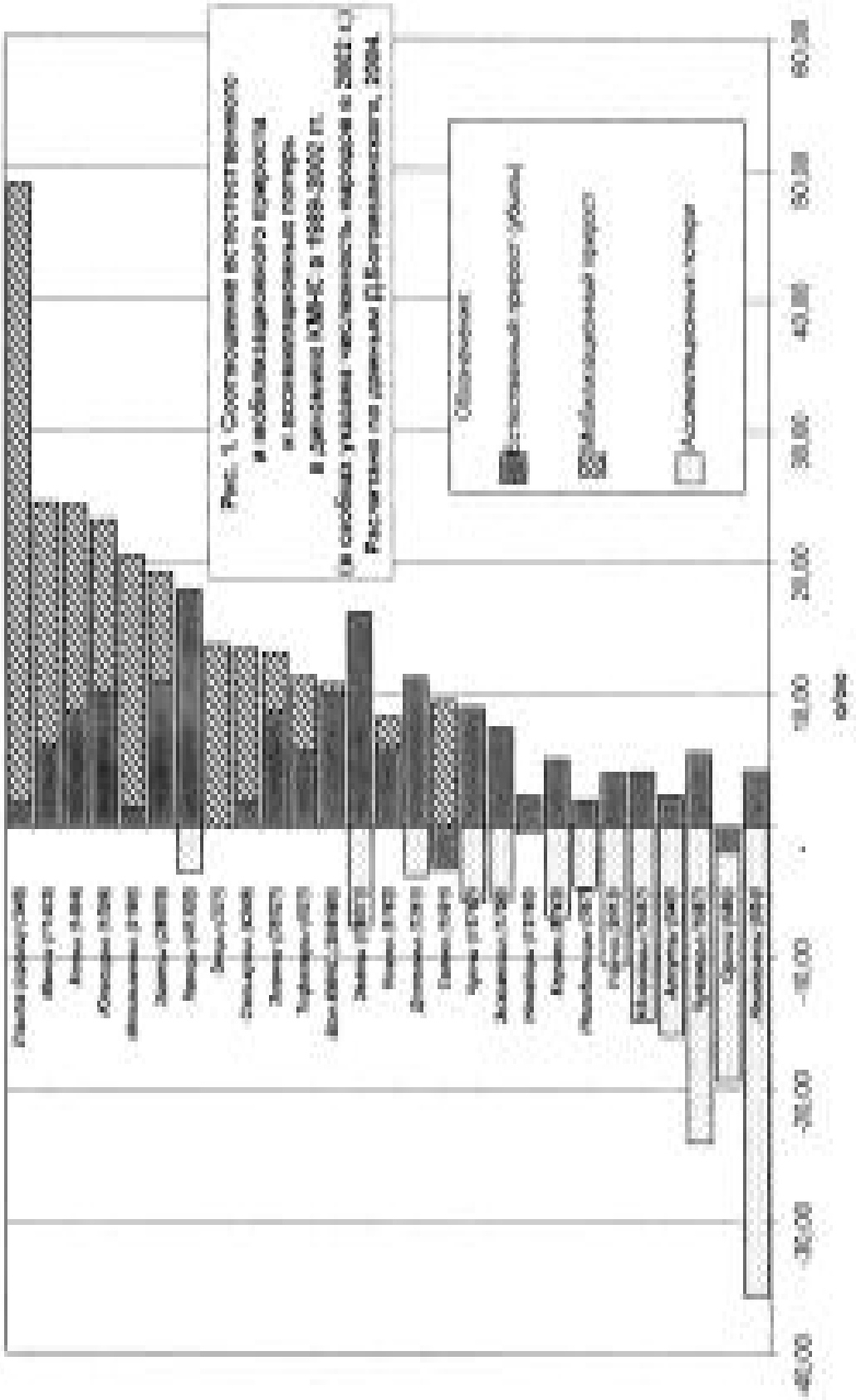


Рис. 1. Соотношение вклада в экономическую
и социально-экономическую
Российской Федерации, 2004
Обозначения
Экономический прирост (убыль)
Прирост (убыль) населения
Миграционный прирост
60,00
50,00
40,00
30,00
20,00
10,00
0
-10,00
-20,00
-30,00
-40,00
Ямало-Ненецкий
Чукотский
Ханты-Мансийский
Сахалинская
Магаданская
Тюменская
Амурская
Хабаровский
Приморский
Красноярский
Иркутская
Тверская
Ленинградская
Калининградская
Ставропольский
Краснодарский
Ростовская
Тульская
Ивановская
Ярославская
Костромская
Вологодская
Новгородская
Псковская
Смоленская
Брянская
Курская
Белгородская
Воронежская
Липецкая
Тамбовская
Пензенская
Саратовская
Волгоградская
Астраханская
Калмыкия
Адыгея
Дагестан
Ингушетия
Кабардино-Балкария
Карачаево-Черкесия
Северная Осетия
Чечня
Алтайский
Забайкальский
Камчатка
Еврейская
Бурятия
Тыва
Хакасия
Мордовия
Удмуртия
Марий Эл
Чувашия
Татарстан
Башкортостан
Коми
Карелия
Мурманская
Архангельская
Ненецкий
Ленинградская
Москва
Санкт-Петербург
Калининградская
Ставропольский
Краснодарский
Ростовская
Тульская
Ивановская
Ярославская
Костромская
Вологодская
Новгородская
Псковская
Смоленская
Брянская
Курская
Белгородская
Воронежская
Липецкая
Тамбовская
Пензенская
Саратовская
Волгоградская
Астраханская
Калмыкия
Адыгея
Дагестан
Ингушетия
Кабардино-Балкария
Карачаево-Черкесия
Северная Осетия
Чечня
Алтайский
Забайкальский
Камчатка
Еврейская
Бурятия
Тыва
Хакасия
Мордовия
Удмуртия
Марий Эл
Чувашия
Татарстан
Башкортостан
Коми
Карелия
Мурманская
Архангельская
Ненецкий
Ленинградская
Москва
Санкт-Петербург

промысел), своеобразие культурно-бытового уклада и «низкий уровень» социально-экономического развития. Конечно, это был не строго научный, а скорее собирательный термин (подобно термину «американские индейцы»), сконструированный в фискально-управленческих целях. В советское время номенклатура народов Севера четко определяла объект политики государственного патернализма, которая заключалась в преодолении их «вековой культурно-экономической отсталости» в рамках «некапиталистического пути развития из первобытно-общинного строя в социализм».

Соответственно, северные этносы особо выделялись при проведении всеобщих переписей населения (ВПН), однако лишь переписи 1926, 1989 и 2002 гг. зафиксировали все 26 народов. Кроме того, при проведении переписей происходила путаница при регистрации эвенков и эвенов, эвенков и негидальцев, долган и якутов, ительменов и камчадалов, ороков и орочей, удэгейцев и орочей, ульчей и нанайцев, ненцев и энцев, чуванцев и чукчей, ительменов и камчадалов. Все это затрудняет сопоставление переписных данных по численности отдельных этносов.

Демократизация социально-экономических отношений в постсоветский период привела к расширению списка КМНС. С 2006 г. их перечень включает 40 народов[2]. При схожести по критериям их законодательного выделения КМНС представляют собой собирательную группу этносов, которые различаются по своему этногенезу, хозяйственно-культурному типу, этнополитическому статусу, численности, характеру расселения, наличию письменности и т.д. Собирательный принцип проводившейся в советские годы политики государственного патернализма не учитывал этих различий и приводил к нивелировке социально-экономических мероприятий и подходов по отношению к столь различным этносам. К настоящему времени стало совершенно очевидно, что при всех мероприятиях, касающихся хозяйства, культуры и быта северных народов, необходимо использовать дифференцированный подход, учитывающий специфику демографического поведения каждого этноса.

В нашем исследовании динамика численности коренных северных этносов изучалась на трех уровнях: в целом по России, на уровне региональных популяций по субъектам Российской Федерации и – для двух модельных регионов Ямало-Ненецкого а.о. и Республики Саха (Якутия) – на уровне муниципальных образований (административных районов и улусов).

Прежде чем перейти к изложению результатов анализа, рассмотрим ряд теоретических положений по динамике этнических систем в их приложении к коренным северным этносам России.

Каждый этнос или народ обладает одновременно природным и социокультурным единством. Это одновременно и биологическая популяция (демос) и социальная общность (социум). Его двойственная природа непосредственно вытекает из двойственной биосоциальной природы человека. Как демос, этнос обладает определенной генетической структурой, которая поддерживается за счет эндогамии и панмиксии внутри демоса. К основным его характеристикам относятся возрастно-половая и пространственная структура (расселение), изменения которых носит закономерный характер, и определяется в основном биологическим законами популяционной динамики.

Как социокультурная общность он имеет свою материальную и духовную культуру обладает своей политической волей, правами, интересами и др. В культурном отношении своеобразие этноса поддерживается за счет воспроизводства традиций, причем существенными условиями этого процесса также являются относительная изоляция от других и поддержание культурных связей внутри этнической общности.

Как демос, этнос обладает объектностью, имеет свою структуру и может быть измерен с помощью определенных характеристик, а как социум имеет свою субъектность – может иметь свою волю, действовать, выступать как политическая сила.

[2] По Постановлению Совета национальностей Верховного Совета РФ от 24.02.1993 г., в состав КМНС были включены: тувинцы-тоджинцы (субэтнос тувинцев), шорцы, телеуты и кумандинцы; по Постановлению Правительства РФ от 23.01.2000 № 58 – алюторцы (субэтнос коряков), кереки, тубалары, челканцы, теленгиты; при переписи 09.10.2002 г. были отнесены к КМНС входящие в единый перечень коренных малочисленных народов РФ по Постановлению Правительства РФ от 24.3.2000 г. № 255 сойоты, тазы и чулымцы; по Распоряжению Правительства РФ от 17.04.2006 г. № 536-р – вепсы. В целях обеспечения полной сопоставимости данных в этой работе рассматриваются только 26 этносов, входивших в первоначальный список.

Взаимосвязь между демографическим и культурным воспроизводством этнического своеобразия осуществляется главным образом через негенетические формы наследования – а именно, через наследование родного языка, с детства определяющего основные формы мышления, и через усвоенные в раннем детстве от родителей стереотипы поведения (сигнальная наследственность). Различия в языке и стереотипах поведения уже с детства обеспечивают социальную дистанцию между представителями разных этнических общностей даже при их совместном проживании. Эта дистанция затем закрепляется и усиливается во всех сферах общественной жизни через различные социальные и культурные механизмы.

Как правило, стабильность этнической популяции поддерживается за счет трех видов наследования этнических признаков: генетического, сигнального (поведенческого) и культурного.

Генетическая наследственность человека дана ему от рождения, а сигнальная в очень редких случаях может не соответствовать генетической: если человек с раннего детства воспитывался в другом этническом окружении (с этой точки зрения – Маугли по национальности – волк). Культурное наследие, основы которого человек воспринимает в период своего отрочества и юности, может быть трансформировано в более зрелом возрасте, поэтому человек может принадлежать к двум или более этнокультурным традициям и даже быть их активным проводником.

Для успешного (устойчивого во времени) самовоспроизводства этнической общности должны функционировать все три механизма, а для этого необходимо, чтобы контакты (как в демографическом, так и в социокультурном аспектах) между людьми внутри этноса было более интенсивными, чем контакты с представителями других этносов.

Нужно отметить, что отграниченность от окружающей среды и, одновременно, взаимодействие с ней – условия, необходимые для устойчивого развития любой системы, имеющей характер организма. В отношении народов (этносов) В. Соловьев выразил это словами «корни должны быть в земле, а цветы на воздухе». Изоляция отвечает за наследование, а способность к контактам – за адаптацию.

С точки зрения эволюции механизмов этнической самоорганизации за последние десятилетия у коренных северных народов можно выделить две фазы. В первой фазе жизнеобеспечение осуществляется в основном за счет традиционного природопользования, этносам, находящимся в условиях относительной изоляции от других народов, приходится адаптироваться преимущественно к природной среде (кормящему ландшафту). При этом формирование и воспроизводство этнических признаков происходит, главным образом, в рамках семьи, что возможно при компактном поселении территориальных групп, состоящих из нескольких традиционных многопоколенных семей. Ассимиляция выражена слабо, и происходит главным образом в зонах этнического контакта с другими коренными народами.

Во второй фазе, малочисленные северные этносы интегрируются в доминирующее общество и вынуждены адаптироваться уже не к природной, а к гораздо более динамичной социальной среде. Традиционное природопользование теряет свое исключительное значение, а многопоколенная семья постепенно уступает место нуклеарной, что нарушает естественный ход наследования этнических признаков. Частые бытовые контакты с представителями других народов ведут к образованию смешанных семей и метисации. В этих условиях устойчивое воспроизводство этнических признаков может происходить лишь в процессе социализации, когда системообразующие внутриэтнические связи сознательно продуцируются интеллектуальной элитой или политиками. Если социализации, а затем и политизации процессов воспроизводства этноса не происходит, то неизбежна его ассимиляция.

Для обозначения коренных северных этносов, находящихся в первой фазе, мы будем употреблять термин «этнос-демос», а во второй – «этнос-социум». Это деление до некоторой степени аналогично предложенному Ю.В. Бромлеем (1972) разделению этносов на этникосы и этносоциальные организмы. В процессе советизации существовавшие у КМНС до революции потестарные и культовые структуры были разрушены. Этносы превратились в демосы – популяции, обладающие общей духовной и материальной культурой, но лишенные структур, свойственных этносоциальному организму. У таких этносов поддержание внутренней демографической структуры осуществляется, главным образом, за счет географической изоляции.

На Севере России аккультурация коренных этносов доминирующим обществом сопровождалась потерей их системной целостности

и фрагментацией ареалов их расселения и хозяйственной деятельности. Можно выделить несколько стадий этого процесса (Клоков, 1998).

На первой из них имело место только политическое доминирование над коренным этносом. Внутренняя структура и характер связей этноса с кормящим ландшафтом практически не менялись.

На второй происходило частичное территориальное вытеснение коренного этноса, площадь кормящего ландшафта сокращалась, часть территории занимали колонисты – представители доминирующего общества. Северные этносы, в прошлом населявшие кормящие ландшафты тайги и тундры полностью, после проникновения туда русских поселенцев, заняли в этих ландшафтах определенные хозяйственно-экологические ниши. Так, например, когда русские занимали рыболовные охотничьи угодья в долинах рек, «инородцы» отступали оттуда и кочевали по водораздельным пространствам, занимаясь охотой и оленеводством.

На третьей стадии, по времени наиболее длительной, шло постепенное преобразование структуры традиционного хозяйственного комплекса в направлении его интеграции с экономической системой доминирующего общества. Одновременно происходило сближение моделей образа жизни и природопользования коренного и доминирующего этносов. Этот процесс шел с двух сторон: не только аборигены «приобщались к цивилизации», но и колонисты перенимали у коренных жителей методы ведения хозяйства, соответствующие местным географическим условиям.

После того как интеграция достигнута и сближение произошло, наступала четвертая стадия. Происходило «разбавление» коренного населения мощным наплывом новопоселенцев с последующей метисацией населения. Интенсивность последней возрастала по мере того как сближались образ жизни и формы ведения хозяйства. Нередко происходило вытеснение коренного населения с эффективных рабочих мест и его постепенная маргинализация. Именно на этой стадии наиболее вероятна инициация процессов этнического возрождения, которое ведет к переходу этноса-демоса в этнос-социум. Если переход пройдет успешно, этнос-социум сможет существовать и развиваться в режиме хозяйственно-культурной автономии (примером могут служить саамы-оленеводы в Норвегии и Швеции).

В период критической для судьбы этноса четвертой стадии его успешному переходу в новое состояние могут способствовать два условия:

- во-первых, прочная основа в природопользовании («корни в земле»);
- во-вторых, соразмерность темпов демографической метисации с темпами этнокультурной социализации и политической субъективизации этноса.

Наиболее благоприятного результата можно ожидать, если наряду с поселками, где идет этнокультурная социализация и формируется этносоциальный организм, существуют и эндогамные популяции из традиционных семей, где поддерживаются язык, образ жизни и высокий уровень рождаемость. Сохранение таких «ядер» возможно при условии их относительной этнодемографической изоляции, которая может быть следствием либо географической, либо социальной дистанции.

Пока этнические общности северных народов сохраняют черты этносов-демосов, их жизнедеятельность, тесно связанная с природными процессами в кормящем ландшафте, осуществляется через семейный труд, и основным механизмом поддержания гомеостаза самовоспроизводства этноса выступает семья. Этносы-демосы, особенно малочисленные, не устойчивы к ассимиляции. По данным З.П. Соколовой (1990, 1992), необходимая эндогамия для них должна достигать 95–97%, а уже при 81–82% происходит их «размывание».

В энтосе-социуме относительная внешняя изоляция и внутренняя панмиксия этнической системы достигается уже не за счет особенностей расселения (после перехода на оседлость) и природопользования (после того как связи с кормящим ландшафтом нарушены), а за счет социальных механизмов. С помощью последних изоляция может поддерживаться и при совместном проживании этносов (в т. ч. и в городах) за счет социальной дистанции.

Для превращения этоса-демоса в новый этнос-социум, иными словами, для формирования этносоциального организма, необходима мобилизация культурно-этнического потенциала, которую для краткости мы будем называть «этнической мобилизацией». Социальная субъектность этноса при этом начинает проявляться и в политической форме, как политическая субъектность. Формулируются интересы этноса, определяются его цели. Коллективная воля этноса становится политической силой. Эти процессы хорошо

описываются конструктивистским подходом в этнологии (Денисова, 1997).

Из истории известно, что при формировании «этносоциальных организмов» субъектность этносов может проявляться в двух формах. В первом случае механизмы этнического воспроизводства создаются культурной элитой, во втором – потестарными (властными) структурами. В 1920–1930-е годы на Севере России была сделана попытка реализовать вторую модель и создать для северных народов национальные автономии. Эта попытка осуществилась на уровне округов, но не была реализована на уровне национальных районов и сельсоветов, ликвидированных в соответствии с Конституцией СССР 1936 г. При выборе титульных этносов ведущим критерием была численность их населения. Создание национальных округов у всех крупнейших северных этносов (более 6,0 тыс. человек по переписи 1926 г.[3]) стало важным фактором для политического, социально-экономического и культурного развития не только титульных, но всех малочисленных народов, автохтонно проживающих в их пределах.

Если у более многочисленных северных народов – коми и якутов – создание автономий на уровне субъектов федерации привело к образованию реальных этносоциальных организмов, у КМНС перехода из этносов-демосов в этносы-социумы в советский период так и не произошло. Тем не менее, в демографическом аспекте северные автономные округа до сих пор играют существенную роль в воспроизводстве коренных этносов (Хрущев, Клоков, Ступин, 2008). Во-первых, доля сельского населения КМНС в округах была и остается выше, чем за их пределами. Во-вторых, в них выше темпы прироста сельского населения коренных этносов и выше уровень владения языком своей национальности. Кроме того, в округах, по сравнению с другими субъектами РФ, наиболее высока доля КМНС в общей численности населения. По переписи 2002 г., доля КМНС в автономных округах среди всего населения составила 5,3% (от 2% в Ханты-Мансийском до 40,2% в Корякском а.о.). Вне северных автономий в 17 субъектах России, где традиционно проживают северные народы, их доля во всем населении равна всего 0,37%.

Особенно высок удельный вес КМНС в сельском населении округов. По переписи 2002 г., доля сельского населения КМНС составила здесь 29,8%. Минимальный показатель был в Ханты-Мансийском а.о. – 12,5%, а в Долгано-Ненецком (62,9%) и Чукотском а.о. (75,1%) КМНС доминировали в сельском населении. По данным текущего учета населения, проводящегося по официальному списку районов проживания КМНС (РПНС), на 01.1.2007 г.[4] доля КМНС в сельском населении автономий увеличилась до 43,4% (от 19,9% в Ханты-Мансийском и до 86,9% в Чукотском а.о.). Кроме Чукотского и Долгано-Ненецкого а.о. (67,3%), абсолютное большинство КМНС среди сельского населения сейчас имеется и в Ямало-Ненецком а.о. (62,4%).

Тем не менее, особенно после того как несколько округов потеряли основную часть своих полномочий, уже очевидно, что эта форма автономии не может решить проблему сохранения этнокультурного разнообразия российского Севера. В современных условиях для устойчивого этнического воспроизводства КМНС более полезными могут быть местные формы самоуправления общинного типа. При этом значительную роль в этнической мобилизации и развитии общинного движения играет интеллектуальная элита северных этносов. Однако такая мобилизация может иметь успех в случае, если для нее уже сложились объективные условия.

Динамика этносов после их этнической мобилизации может сильно отличаться от этносов-демосов. Она уже не описывается биологическими законами популяционной динамики, и существенную роль в ней играет как называемое «восстановление» национальности, питательной почвой для которого служит метисированное население.

Рассмотрим, как эти различия проявляются в динамике коренных северных этносов в целом и их региональных популяций. Анализ данных об изменениях численности КМНС по

[3] Эвены, хотя уступали по численности нанайцам и нивхам, в 1930–36 гг. имели свои территориальные автономии – Охотский (Эвенский) округ и 8 национальных районов. Долганы стали самым малочисленным титульным этносом в России (656 человек в 1926 г. и 7261 человек в 2002 г.).

[4] Данные на 01.01.2008 г. уже не сопоставимы, так как в 2007 г. были ликвидированы три из семи северных округов: Корякский, Таймырский и Эвенкийский. На 01.01.2008 г. доля КМНС в сельском населении оставшихся округов составила: в Ханты-Мансийском – 20,0%, в Ненецком – 43,5%, в Ямало-Ненецком – 62,5%, в Чукотском – 88,3% (рассчитано по Экономическое и социальное развитие…, 2008, с. 21).

РФ показывает, что некоторые из них соответствуют динамике этносов-демосов, а другие – этносов-социумов. Различие между ними заключается в механизме процессов этнического воспроизводства.

При отсутствии внешних миграций, динамика этноса-демоса в интоэтнической среде определяется соотношением скоростей двух (естественного прироста и демографической ассимиляции), а этноса-социума – трех процессов (естественного прироста, демографической и этнокультурной ассимиляции и этнической мобилизации).

По данным Д.Д. Богоявленского (2004), в 1960-е годы (1959–1969) «ассимиляционные потери» составляли около 12% естественного прироста народов Севера, в 1970-е гг. (1970–1978) – около 70% их сильно уменьшившегося естественного прироста, а в 1980-е (1979–1988) – снова около 12%. Однако в постсоветский период направление ассимиляционных процессов поменяло знак. За последний межпереписной период рост численности многих северных народов был выше темпов их естественного прироста.

На диаграмме (рис. 1), составленной по данным Д.Д. Богоявленского (2004), показано соотношение вклада демографических и социально-политических факторов в динамику северных этносов за последний межпереписной период (1989-2002 гг.). Этносы расположены в порядке уменьшения относительной величины общего прироста численности населения (в %) за межпереписной период.

С помощью этой диаграммы можно выделить следующие группы КМНС:

1. этносы с высокими (выше среднего по всем КМНС - 14,1%) темпами роста:

1.1. с преобладанием естественного прироста (ханты, ненцы, эвенки и тофалары);

1.2. с преобладанием мобилизационного прироста (ороки, манси, кеты, юкагиры, ительмены, энцы, селькупы);

2. этносы с низкими темпами роста (от 0 до 14%):

2.1. без мобилизационного прироста (эвены, долганы, чукчи, эскимосы, нанайцы),

2.2. с существенной ролью мобилизационного прироста при положительном естественном приросте (нивхи),

2.3. с существенной ролью мобилизационного прироста при отрицательном естественном приросте (саамы);

3. сокращающиеся этносы:

3.1. с положительным естественным приростом, но с высокими ассимиляционными потерями (коряки, негидальцы, ульчи, удэгейцы, алеуты, чуванцы, нганасаны);

3.2. с отрицательным естественным приростом, усугубляемым ассимиляционными потерями (орочи).

Поскольку этническая мобилизация и этнокультурная ассимиляция – противоположно направленные процессы, они могут компенсировать друг друга, что не находит отражение на диаграмме. Поэтому желательно использовать и другие критерии. Так, показателем степени этнокультурной ассимиляции может быть доля населения, владеющая родным языком.

По данным ВПН 2002 г., в сельской местности на территориях преимущественного проживания языком своего народа в наибольшей степени владели ненцы (75,1%), долгане (67,4%), ханты (53,7%), нганасаны (53,0%)[5]. В наименьшей степени (менее 5%): ительмены, орочи, ороки, негидальцы. При этом уровень владения своим языком находился в прямой зависимости от численности этноса. У этносов с численностью менее 5,0 тыс. человек доля владеющих языком своей национальности составила 17,6%, для народов с численностью от 5,0 до 15,0 тыс. человек – 36,3%, а у крупнейших этносов – 44,1%.

Показательна и разница в степени владения языком между сельским и городским населением. У большей части КМНС сельское население знает родной язык лучше, чем городское, так как в сельской местности, контакты между соплеменниками теснее и возможности общения на родном языке больше: по данным ВПН 2002 г. родным языком владели 43,7% селян и 23,9% горожан (рассчитано по Коренные малочисленные народы РФ…, 2005. С. 13–25). Однако у некоторых народов ситуация противоположная Так, по данным ВПН 2002 у 7 КМНС (чуванцев, алеутов, ительменов, энцев, удэгейцев, нивхов и негидальцев) сельские жители знали язык своей национальности в меньшей степени, чем горожане.

[5] В программе переписи 2002 г., к сожалению, отсутствовал вопрос о владении родным языком, что делает ее результаты не полностью сопоставимыми со всеми предыдущими переписями в этом отношении. За 2002 г. имеются лишь данные о владении языком своей национальности в пределах ареала преимущественного проживания КМНС.

У всех этих народов, кроме энцев, знание языка не превышало 9% у сельских и 13% у городских жителей. У энцев язык своей национальности знали 32,4% сельских и 41,7% городских жителей. Среди более крупных этносов повышенный процент знания своего языка горожанами отмечен у эвенков (17,0% у горожан против 20,4 у сельских жителей), нанайцев (соответственно – 20,0% и 29,1%), саамов (25,3% и 36,4%), долган (47,8 и 67,4%), юкагиров (22,3% и 31,2%).

Повышенный уровень владения родным языком в городе можно объяснить, например, тем, что основным носителем языка стала городская интеллектуальная элита (признак этнической мобилизации), либо интенсивной миграцией в города знающих родной язык сельских жителей (признак ускоренной ассимиляции).

Сокращение ассимиляционных потерь – один из признаков этнической мобилизации. Как отметил Д.Д. Богоявленский (2004), в период 1989–2002 гг. по сравнению с 1979–1989 гг. у большинства КМНС ассимиляция сменилась недемографическим ростом, т.е. начался переход от фазы этноса-демоса к этносу-социуму. Действительно, расчет показателей, аналогичных данным диаграммы на рис. 1, для межпереписного периода 1979–1989 гг. (расчет был выполнен С.А. Хрущевым), подтвердил, что мобилизационный прирост в этот период не был характерен для КМНС. Значительное недемографическое увеличение численности произошло лишь у долган и ительменов, причем у долган оно могло быть следствием не этнической мобилизации («восстановления национальности»), а их неполной регистрацией во время ВПН 1979 г.

В 1979–1989 гг. значительные ассимиляционные потери были только у хантов, ненцев, чукчей, селькупов, манси. В 1989–2002 гг. у хантов, селькупов и манси они сменились мобилизационным ростом, у ненцев – сильно сократились, а у чукчей наоборот увеличились.

Возросли в 1989–2002 гг. (по сравнению с 1979–1989 гг.) ассимиляционные потери также у коряков, эскимосов, ульчей, долган, нганасанов, эвенов. Таким образом, наряду с мобилизационным ростом в последний межпереписной период у целого ряда КМНС проявилась и противоположная тенденция.

Перейдем к анализу динамики региональных популяций по данным пяти ВПН с 1959 по 2002 г. Прежде всего, отметим, что случаев монотонного роста или сокращения их численности мало. Даже у крупных популяций направление тренда за рассматриваемый период хотя бы один раз менялось. Из крупных популяций практически монотонно растущими можно считать три популяции ненцев (в титульных округах) и, если сделать поправку, исправляющую путаницу с регистрацией эвенов и эвенков во время ВПН 1970 года – популяции этих народов в Якутии. Постоянно растет также численность юкагиров. Популяций, сокращавшихся в течение всех четырех межпереписных периодов, также немного. Наиболее крупные из них – популяция эвенков в Эвенкии и эвенов в Магаданской области.

По особенностям динамики региональных популяций видны различия между этносами-демосами и этносами-социумами. Исходя из того, что динамика этноса-демоса может быть описана демографическими параметрами (рождаемость, смертность, естественный прирост, механическое движение), можно априори сформулировать ряд признаков, которыми должна обладать такая этническая система, состоящая из нескольких региональных популяций, в иноэтническом окружении

1. Рост сельских популяций отстает от темпов естественного прироста в связи с миграцией в города, а также – учитывая иноэтническое окружение – в связи с ассимиляцией.

2. Темпы роста крупных сельских популяций выше, чем малочисленных, так первые меньше подвержены процессам демографической ассимиляции.

3. Темпы роста сельских популяций в этноконтактных зонах (имеются в виду зоны контактов между коренными северными этносами), где ассимиляция сильнее, ниже, чем в районах с моноэтническим населением.

4. Темпы роста сельских популяций напрямую связаны с характером расселения и традиционной хозяйственной деятельностью – так как высокие темпы естественного прироста зависят от сохранения традиционной семьи.

Для этносов-демосов возможны два варианта динамики – с высоким и с низким естественным приростом. В первом случае численность сельских популяций этноса растет, во втором, при сохранении указанных выше соотношений, прирост сельских популяций может быть нулевым или отрицательным.

Воспроизводство этноса-социума зависит не только и не столько от демографических, сколько от социально-политических процессов. Она определяется соотношением прироста за счет этнической мобилизации и ассимиляционных потерь. Поэтому динамика сельских популяций такого этноса в иноэтническом окружении должна обладать следующими признаками.

1. Темпы роста сельских популяций могут превышать естественный прирост, или, наоборот, быть значительно ниже его.

2. Темпы роста небольших популяций могут быть выше, чем крупных, так как процессы этнической мобилизации быстрее развиваются там, где при иноэтническом окружении острее ощущаются угрозы существования этнической общности.

3. В этноконтактных зонах, где много потомков от смешанных браков, для которых смена национальности более естественна, темпы мобилизационного прироста (ровно, как и ассимиляционные потери) могут быть значительнее, чем в моноэтнических районах.

4. Темпы роста сельских популяций связаны уже не с характером природопользования, а с социально-политической активностью национальной элиты.

Приведем несколько примеров.

А. Этносы с преобладанием демографической динамики (этносы-демосы).

Динамика большинства региональных популяций ненцев соответствует перечисленным выше признакам этноса-демоса. Почти везде наблюдается демографический рост. Мобилизационный рост отмечен только в небольшой ненецкой популяции в Республике Коми, за счет ее городской части (сельское население ненцев там, наоборот, сокращается). Ассимиляционные потери значительны только в маленьких популяциях на периферии ареала, например в Мурманской области.

У эвенов, так же как и у ненцев, в большинстве региональных популяций преобладает демографический рост, однако признаки этноса-демоса менее выражены. Этническая мобилизация проявляется в крупной популяции в Якутии за счет городских поселений. Среди сельского населения всех регионов, кроме Якутии (т.е. на Чукотке, в Корякии, Магаданской области и Хабаровском крае) отмечена сильная ассимиляция.

Для чукчей и коряков характерна динамика этноса-демоса при сильной ассимиляции, которая почти полностью «съедает» демографический рост. В небольших популяциях ассимиляционные потери еще сильнее. Единственное место, где отмечен мобилизационный рост – небольшая популяция чукчей в Нижне-Колымском улусе Якутии.

Б. Этносы с выраженными признаками социального типа этнического воспроизводства. В динамике их региональных популяций сочетаются черты этноса-демоса и этноса-социума. Так, у эвенков значительный мобилизационный рост крупных популяций в одних регионах (в т.ч. и среди сельского населения) сочетается с ассимиляционными потерями в других. У долган, хантов и манси в крупных сельских популяциях выражен мобилизационный рост, а в маленьких – ассимиляция. У долган ассимиляция отмечается также и в крупной таймырской популяции.

У селькупов и саамов при очень низком (а у саамов даже отрицательном) естественном приросте мобилизационный рост происходит даже в небольших сельских популяциях. У ительменов естественный прирост так же очень низок, а мобилизационный имеет место только в Камчатской области.

Результативность естественного прироста КМНС определяется в основном демографическими процессами среди сельского населения. Это связано с целым рядом причин.

Во-первых, естественный прирост у сельских жителей значительно больше, особенно у этносов с кочевым населением, так как у кочевников рождаемость выше, чем у жителей поселков (Хрущев, 2007).

Во-вторых, имеет место постоянный поток мигрантов из села в город.

В-третьих, «потери» населения КМНС, связанные с изменением этнической самоидентификацией из-за аккультурации, в городе выше, чем в сельской местности.

В-четвертых, у малочисленных этносов в пределах автохтонного ареала возможность найти брачного партнера своей национальности в сельской местности больше, чем в городе. Можно не без оснований предположить (хотя такое предположение и нуждается в специальной проверке), что естественный прирост городских «диаспор» КМНС происходит, главным образом, за счёт переезжающих в город из сельской местности уже сформировавшихся семей, или же когда в городе встречаются молодые люди, приехавшие туда из села.

По этой причине именно сельские популяции были основным предметом дальнейшего анализа, в ходе которого было проведено

сравнение коэффициентов регрессии с темпами естественного прироста КМНС[6].

В межпереписной период 1939–1959 гг. численность народов Севера в основном уменьшалась, а, начиная с 1959 г., происходилее устойчивый рост с небольшой рецессией для части КМНС в 1970–1979 гг. Для большей части народов рост этот имел характер, близкий к линейному тренду. В связи с этим в качестве основного аналитического показателя нами был выбран коэффициентлинейной регрессии, который рассчитывался по данным пяти последних всеобщих переписей, начиная с 1959 г., для 57 региональных популяций, отдельно для сельского и городского населения. Чтобы обеспечить более корректное сравнение динамики популяций различного размера, перед расчетом коэффициента данные 1970, 1979, 1989 и 2002 гг. были нормированы по отношению к 1959 г., т. е. численность населения в 1959 г. была принята за единицу.

Для этносов, расселенных сразу в нескольких регионах, было интересно выяснить, одинаково или нет изменялась численность их региональных популяций. С этой целью были проверены две альтернативные гипотезы.

Первая состояла в том, что динамика этноса определяется, главным образом, его имманентными свойствами. В этом случае значения коэффициентов регрессии популяций одного и того же этноса в разных регионах должны быть близкими. Как выяснилось, за немногими исключениями это было не так. Коэффициенты регрессии у популяций одного и того же этноса в разных регионах в большинстве случаев существенно различались.

Более вероятной в рамках этой же гипотезы нам представлялась ситуация, когда растут только крупные региональные популяции, а небольшие группы в других регионах уменьшаются за счет ассимиляции. Такое положение действительно наблюдалось у ненцев, крупные региональные популяции которых (в титульных автономных округах) росли темпами, пропорциональными численности их населения. Небольшие популяции (в Ханты-Мансийском а.о., Мурманской и Архангельской[7] областях) росли медленнее, а самая маленькая – на севере Республики Коми – сократилась. Однако у других народов, имеющих несколько крупных региональных популяций (эвенки, эвены, ханты, чукчи), отмеченной закономерности не прослеживалось. В одних регионах эти этносы увеличивали свою численность, а в других, наоборот, сокращали. У этносов, имеющих только одну крупную сельскую популяцию и несколько маленьких в других регионах, наблюдались случаи, когда крупная росла, а мелкие сокращались (нанайцы), но бывали и противоположные, например, у манси.

В итоге, оказалось, что синхронные изменения численности нескольких сельских региональных популяций одного этноса – единичный случай, отмеченный лишь для ненцев, если принять во внимание только их крупные популяции.

Альтернативная гипотеза состояла в том, что региональные различия в динамике популяций КМНС определяются, в первую очередь, условиями жизни этих народов в том или ином регионе. Если это так, можно было ожидать, что в регионах, где живут сразу несколько коренных этносов, их динамика окажется сходной. Это наблюдалось в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Чукотском а.о., и до некоторой степени в Якутии, однако, в Хабаровском крае, наоборот, изменения были разнонаправлены.

В итоге, среди регионов, имеющих несколько популяций КМНС, можно выделились следующие группы по типам этнического воспроизводства.

1. Регионы с преобладанием демографического воспроизводства коренного населения. В них крупные популяции КМНС растут темпами несколько ниже, чем скорость естественного прироста составляющих их этносов (Ямало-Ненецкий а.о. и др.).

2. Регионы, для которых характерен мобилизационный, вызванный изменением этнической самоидентификацией, рост нескольких популяций КМНС – это Республика Саха (Якутия), Камчатская и Тюменская области (без автономных округов).

3. Регионы, где сельские популяции КМНС сокращаются:

а) некоторые популяции КМНС имеют невысокие темпы роста, а другие уменьшаются –

[6] Основные результаты этого анализа были освещены в специальных работах (Клоков, Хрущев, Ступин, 2007; Хрущев, Клоков, Ступин, 2008), здесь мы более подробно остановимся только на различиях в механизме этнического воспроизводства этносов-демосов и этносов-социумов.

[7] Здесь и далее, где это не оговорено специально, территории краев и областей рассматриваются без входивших в их состав автономных округов.

Магаданская и Мурманская области и Приморский край;

b) снижается численность всех (или почти всех) популяций КМНС – Томская, Сахалинская и Читинская области, Ханты-Мансийский а.о. (в последнем – отрицательные коэффициенты регрессии у всех, кроме ненцев).

4. Хабаровский край, в котором имеются семь популяций КМНС (в том числе – пять крупных), с совершенно различной динамикой численности.

Эти выводы подтверждаются и изучением динамики популяций КМНС по данным текущего административного учета сельского населения. Такой анализ был проведен в двух модельных регионах Ямало-Ненецком а.о. и Республике Саха (Якутия). Как уже было отмечено для первого характерен демографический, а для второго – мобилизационный рост популяций КМНС.

В Ямало-Ненецком а.о. тенденции изменения численности КМНС в разных районах имели в основном общую направленность, тогда как в Якутии такой согласованности не было.

Анализ данных текущего учета сельского населения ненцев в районном разрезе (с 1957 г.) показал, что в Ямало-Ненецком а.о. наиболее высокие темпы его роста были в Ямальском, Тазовском и Приуральском районах. В Пуровском и Надымском районах темпы роста были в два раза ниже и постепенно снижались. В Ямальском и Тазовском районах рост, наоборот, ускорялся. Интересно отметить, что как раз в этих двух районах этнические контакты ненцев с другими народами минимальны (Волжанина, 2007).

По времени рост ненецких популяций в округе происходил неравномерно. Сопоставление ежегодных данных о естественном приросте ненцев с результатами переписей показывает, что 1970-е годы в округе имела места сильная ассимиляция этого этноса, которая полностью сводила на нет весь естественный прирост его населения. Однако в последующие межпереписные периоды ассимиляция уменьшилась, и популяция ненцев стала быстро расти. Эти тенденции проявлялись во всех районах сходным образом.

В Республике Саха (Якутия) анализ текущего учета населения КМНС по улусам за последний межпереписной период показал, что тенденции к росту имели место в основном по ее периферии: вдоль ее западных (в Анабарском, Оленекском, Мирнинском улусах) и восточных (в трех колымских, Момском и Оймяконском улусах) границ, а также на крайнем юге, на территории администрации Нерюнгри, и, кроме того, в Эвено-Бытантайском улусе. В остальных улусах, входящих в состав РПНС, численность популяций КМНС имела тенденцию к снижению.

Таким образом, отсутствие у северных этносов, за исключением ненцев, сходных тенденций изменений численности сельских популяций в разных регионах говорит о том, что в их динамике внутренние причины определяющей роли, как правило, не играли. Это значит, что переход этнических систем КМНС из фазы этноса-демоса в этнос-социум происходит обычно под воздействием внешних факторов – т.е. условий жизни в том или ином регионе.

Однако из этой закономерности есть, по крайней мере, одно исключение – ненцы. Все региональные популяции этого этноса (кроме двух, самых малочисленных) имеют сходный характер демографической динамики, что свидетельствует о том, что ведущую роль в этом случае играют уже не условия жизни в регионах, а какие-то эндогенные факторы.

Можно указать и на ряд других черт, отличающих ненцев от остальных КМНС. Ненцы имеют самые высокие положительные демографические тренды и показатели не только среди КМНС, но и всех автохтонных этносов РФ. За 1989–2002 гг. численность ненцев выросла на 21%, они стали самым «молодым» этносом (средний возраст – 21,6 лет), у них самая высокая доля детской когорты в популяции (38,8%), а по естественному приросту (>16‰) и суммарной рождаемости (>2,4) с ненцами конкурируют лишь чеченцы. К следующей переписи населения (2010 г.) ненцы могут из «малочисленного» превратиться в «многочисленный» народ Севера, превысив законодательный лимит «малочисленности» 50 тыс. человек.

Кроме этого, ненцы – самый кочевой из народов России. Вопреки распространенному в советский период мнению, семейное кочевание для оленеводов было важной формой хозяйственного прогресса, связанного с переходом к крупностадному оленеводству. Его позитивный эффект отмечали не только дореволюционные ученые-гуманисты (Г.И. Танфильев, А.И. Якобий, Д.Д. Иевлев, С.В. Керцелли и др.), но и научные идеологи советизации народов Севера. Видный деятель Комитета Севера П. Устюгов (1930) писал, что в устойчивость тундрового оленеводства основана

на кочевании «Если оседлость в тайге может иногда быть шагом вперед, то в тундре она, безусловно, является хозяйственным регрессом. Оседлые в тундре всегда нищие, живущие паразитами за счет кочевых» (Устюгов, 1930, с. 7).

Несмотря на «титанические» усилия советской власти по переводу кочевников на оседлость, ненцы умудрились сохранить свой традиционный образ жизни. До начала советизации у 12 северных народов кочевало более половины населения, а у пяти из них уровень кочевания был выше 90%. К началу XXI в. кочевание стало редким явлением. Оно сохранилось лишь у 9 северных народов. При этом на долю ненцев приходится 4/5 всего кочевого населения. Уровень кочевания у них достигает 42%, а у других народов он не превышает 5% (Клоков, Хрущев, 2006).

Ямальский и Тазовский районы, где численность ненцев растет быстрее всего, выделяются не только высоким уровнем кочевания, но и развитием крупностадного оленеводства. Это единственные в России районы, где в 1990–2000-е годы не произошло снижения поголовья домашних оленей, и, более того, даже наблюдался его рост (Клоков, Хрущев, 2006). В расположенных в лесотундре Пуровском и Надымском районах оленеводство также развито, но в меньшей степени, а Приуральский район занимает промежуточное положение.

Несмотря на то, что основной ареал ненецкого оленеводства совпадает с районами наиболее интенсивного промышленного освоения, в которых природной среде наносится серьезный ущерб, ненцы за последние десятилетия стали ведущим оленеводческим народом мира. Если в 1926 г. они владели менее, чем 1/3 всего поголовья северных оленей России, то в настоящее время на их долю приходится уже более половины российского и более трети мирового поголовья. А ведь оленеводство – важнейшая форма традиционного природопользования КМНС, обеспечивающая связь северных этносов с кормящим ландшафтом.

* * *

Таким образом, проведенное исследование позволило установить существование двух типов демографического воспроизводства этнических популяций малочисленных народов Севера РФ – этносы-демосы и этносы-социумы.

Динамика первого типа детерминирована эндогенными (внутрипопуляционными или демографическими) а второго – экзогенными (социальными и политическими) факторами. У этносов-демосов она определяется в основном соотношением рождаемости и смертности, а у этносов-социумов – соотношением ассимиляции и этнической мобилизации. Последняя может быть индуцирована либо культурной элитой, либо политико-административным путем. В 1920–1930-е гг. в РСФСР был испробован второй путь, в результате чего были созданы северные национальные округа. Однако они так и не стали основой формирования политической субъектности КМНС, а превратились в своеобразные «заповедники», где северные этносы сохранились в фазе демосов. Напротив, городские популяции КМНС эволюционировали в этносы-социумы. Благодаря этому в течение советского периода большая часть сельских популяций КМНС развивалась по модели этносов-демосов, но с большой ассимиляционной «нагрузкой».

В постсоветское время ассимиляционные потери у многих северных этносов сменились мобилизационным ростом. В результате на региональном уровне сформировались различные типы демографической динамики КМНС: в одних случаях с преобладанием естественного движения населения, в других – ассимиляции, либо мобилизационного недемографического роста. Каждый тип имеет определенный набор характерных признаков.

Влияние региональных условий в большей степени сказывается на популяции этносов-социумов. В связи с этим в некоторых регионах преобладает мобилизационный рост популяций КМНС, а в других идет их ускоренная ассимиляция. Для устойчивости этносов-демосов большее значение имеет размер сельских региональных популяций.

Библиографический список

1. Богоявленский Д.Д. Вымирают ли народы Севера? // Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека ИНП РАН. – 2004. – № 83. – С. 1–4.
2. Бромлей Ю.В. Опыт типологизации этнических общностей // Советская этнография. – 1972. – № 5. – С. 61–81.

3. Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX – начале XXI века. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. – Тюмень, 2007. – 22 с.
4. Денисова Г.С. Социальная субъектность этноса (концептуальный подход). – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. пед. ун-та., 1997. – 22 с.
5. Клоков К.Б. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера (географические и социально-экологические проблемы). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. географ. наук. – М.: ИГ РАН, 1998. – 48 с.
6. Клоков К.Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. – М.: ИЭА РАН, 2006. – С. 13–33.
7. Клоков К.Б., Хрущев С.А., Ступин Ю.А. Динамика региональных популяций коренных малочисленных народов Севера по данным всеобщих переписей населения Российской Федерации // Этногеографические и этноэкологические исследования. Вып. 14. – СПб: ВВМ, 2007. – С. 1–67.
8. Коренные малочисленные народы РФ. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 13. – М.: ФСГС, 2005. – 574 с.
9. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. – М., 1926. – № 73. – Ст. 575.
10. Соколова З.П. Ответ оппонентам // Этнографическое обозрение. 1992. – № 6. – С. 61-72.
11. Соколова З.П. Эндогамный ареал и этническая группа. – М.: Наука, 1990.
12. Устюгов П. Земельно-водное устройство северных окраин РСФСР // Советский Север. 1930. – № 6. – С. 5–22.
13. Хрущев С.А. Этногеографическое изучение устойчивости этноценозов коренных народов Севера / Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. геогр. наук. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 16 с.
14. Хрущев С.А., Клоков К.Б., Ступин Ю.А. Региональные особенности динамики численности и расселения коренных малочисленных народов Севера России // Известия Русского географического общества. – 2008. – Т. 140. – Вып. 3. – С. 45–50.
15. Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. 2008. – М.: ФСГС, 2008. – 262 с.

Ю.П. Ковалев
(г. Смоленск)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАСТЕРИЗАЦИИ В СФЕРЕ ТУРИЗМА[1]

Kovalev Yu.P.

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE CLUSTER FORMATION IN TOURISM

This article is devoted to the issues of the formation of tourist clusters, their structure and the nature of ties in their system organization

В последние годы достаточно часто российские специалисты в области региональной экономики и социально-экономической географии обращаются к анализу возможностей формирования региональных кластеров как конкурентноспособной формы размещения производительных сил. Об этом свидетельствует опыт многих стран как с индустриальной, так и постиндустриальной структурой экономики. Кластеры как интегрированные совокупности предприятий, фирм, организаций и учреждений, деятельность которых связана с одной и той же сферой бизнеса, являются глобальным явлением.

Нет необходимости доказывать, что проблема повышения конкурентноспособности экономики регионов России является чрезвычайно актуальной. Понятие «конкурентноспособность региона» включает в себя социальный, управленческий, экономический,

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 08-02-58203а/Ц).

научный, образовательный, культурный аспекты развития, которые представлены конкретными субъектами деятельности, такими, как органы власти, частные, муниципальные и государственные предприятия и учреждения, образовательные и научные структуры.

Учитывая это, важно оптимизировать взаимодействие между ними с целью улучшения использования имеющихся ресурсов. Вследствие научно обоснованного подбора и объединения предприятий, организаций и учреждений в соответствии с естественными и социально-экономическими условиями региона, его транспортным и экономико-географическим положением достигается существенный экономический эффект. Это предопределяет актуальность исследования экономической целесообразности взаимодействия предприятий и организаций, учреждений в форме кластеров, а также необходимость научно-методических основ разработки и внедрения кластерных логико-структурных моделей. Многие аспекты, связанные с формированием разных моделей кластеров, пока не имеют достаточного теоретического обоснования и требуют специальных научных исследований. Это в полной мере относится и с сфере туризма.

Как известно, термин «кластер» был введен американским экономистом М. Портером в 1990 году для обозначения групп конкурентоспособных смежных отраслей хозяйства страны. Кластеры как интегрированные группы предприятий, фирм, организаций и учреждений, деятельность которых находится в одной сфере бизнеса, являются глобальным явлением. В специализированной литературе формулировки понятия «кластер» имеют некоторые расхождения, но в то же время все они содержат один главный признак, указывающий на то, что это объединение отдельных элементов в единое целое для выполнения во взаимодействии определенной функции или реализации определенной цели.

С точки зрения М. Портера «кластер – это сосредоточение в географическом регионе взаимосвязанных предприятий и учреждений в границах отдельной области". Он также отмечает, что кластеры охватывают значительное количество разного рода предпринимательских структур, важных для усиления конкурентоспособности, а именно: поставщиков специального оснащения, новых технологий, услуг, инфраструктуры, сырья, дополнительных продуктов и т.п. Кроме того М. Портер упоминает, что "...много кластеров включают правительственные и прочие учреждения – такие, как университеты, центры стандартизации, торговые ассоциации, которые обеспечивают специальное обучение, образование, информацию, исследование и техническую поддержку" (М. Портер, 2001.).

М. Энрайт в результате проведенных исследований пришел к выводу о существовании региональных кластеров (Enright, 1992). Он считает, что региональный кластер – это географическая агломерация фирм, работающих в одной или нескольких родственных отраслях хозяйства.

Американский исследователь С. Розенфельд обратил внимание на то, кластеры должны быть не только географически очерчены как места концентрации независимых друг от друга фирм, региональные кластеры должны иметь также каналы связей между образующими их малыми и средними предприятиями. Он подчеркнул, что «без активных каналов связи даже критическая масса родственных фирм не является локальной производственной или социальной системой, поэтому не функционирует как кластер» (Rosenfeld S.A., 1997).

Анализ работ по кластерной тематике показывает, что в настоящее время кластерами именуются совершенно разные по своему генезису объекты. Так, британские экономико-географы Р. Мартин и П. Санли насчитывают 10 отличающихся друг от друга определений кластеров (Martin R., Sunley P., 2003).

В результате изучения опыта кластеризации во многих странах мира И. В. Пилипенко пришёл к выводу, что выделяется «два типа кластеров:

(1) внепространственный (отраслевой) – группа родственных взаимосвязанных отраслей сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг, наиболее успешно специализирующихся в международном разделении труда; к этому типу относятся промышленный и национальный кластеры;

(2) пространственный – группа географически сконцентрированных в определенном регионе компаний из смежных отраслей, производящих схожую или взаимодополняющую продукцию и характеризующихся наличием информационного обмена между фирмами – членами кластера и их сотрудниками, за счет которого повышается конкурентноспособность кластера в мировом хозяйстве; к этому типу относятся региональный, трансграничный и локальный кластеры» (Пилипенко, 2005).

Обобщая выводы различных исследований по вопросам кластеризации хозяйства, вполне можно выделить несколько главных причин необходимости стимулирования развития кластеров. Так, достаточно часто речь идет о том, что региональные (локальные) кластеры способны заметно повысить эффективность деятельности входящих в их состав фирм. Это объясняется тем, что облегчаются вопросы координации совместных действий, усиливается обмен информацией и внедрение нововведений, становится возможным совместное использование обслуживающих инфраструктурных объектов и подготовка кадров в крупных образовательных структурах. Становится возможным также реальное сравнение фирмами-конкурентами эффективности деятельности друг у друга. Кроме того, в зонах формирования региональных кластеров возможно создание оптимальных условий для создания новых фирм, связанных с наличием трудовых ресурсов соответствующей квалификации, особых режимов налогообложения и инвестиций, обслуживающих и координирующих структур.

Качественная специфика сущности кластера как системы познается через раскрытие их структуры. Структура любой системы отражает ее внутреннее строение, определяется составом имеющихся элементов и совокупностью связей между ними. Зачастую структурой называют сеть связей между элементами системы. Широкое понимание структуры позволяет иметь более конструктивное понимание всей совокупности связей в кластерах. Связи и отношения в кластерных образованиях возможно разделить на несколько типов:

- территориальные отношения;
- организационно-управленческие отношения;
- функциональные связи.

Исходя из вышесказанного, можно вести речь о наличии структур, соответствующих выделенным типам связей и отношений. Они интегрируются в единое целое в общей интегративной структуре. Организационная, территориальная и функциональная структура, которые можно назвать частичными, чаще всего и изучаются в работах по туризму и являются средством познания интегрированной структуры.

Для того, чтобы определиться с тем, какие структурные единицы будут формировать туристский кластер, необходимо вначале выяснить, что понимается под термином «туризм». Туризм – достаточно многогранное понятие, которое в зависимости от направленности научного исследования рассматривают как процесс, явление, отрасль, как часть рекреационной сферы или вообще особую сферу человеческой деятельности. Туризм может рассматриваться с хозяйственной точки зрения (производство услуг, управление), в сферах учебной деятельности (подготовка кадров) и досуга (познавательный туризм в сочетании с развлекательными и оздоровительными целями). В ряде работ, особенно за рубежом, встречается термин «гостиничный туризм», отражающий не только перемещения людей, но и характер их размещения в стационарных рекреационных учреждениях.

Если обобщить встречающиеся подходы к определению сути туризма, то наиболее правильно считать его формой проведения человеком свободного времени, связанной с перемещениями людей с целью ознакомления с объектами природного и культурного наследия. Одной из форм туризма без ночлега является экскурсия, заключающаяся в коллективном или индивидуальном изучении выбранных в соответствии с определенным маршрутом объектов наследия, хотя такая трактовка противоречит официально принятой международной дефиниции туризма. Дискуссионным представляется и вопрос о том, является ли туризм отдельной отраслью, или группой взаимосвязанных организаций, предприятий и учреждений, относящихся к различным отраслям.

Туристская отрасль как интегрированная система состоит из ряда разнокачественных элементов. Выделение первичных элементов, образующих туристский кластер – ответственный этап исследования, поскольку это определяет логическую стройность и конструктивность концепции его создания. В сфере туризма взаимодействуют точечно-ареальные и линейные элементы. Первые представлены предприятиями и учреждениями сферы обслуживания, объектами природного и культурного наследия. Линейные элементы – это различные виды транспортных и специальных коммуникаций, обеспечивающих взаимодействие точечно-ареальных элементов при выполнении ими своих функций. Изучение всей совокупности таких связей является практически неразрешимой задачей, поскольку невозможно обеспечить сбор всей необходимой информации, не разработаны соответствующие методы исследований. Поэтому и происходит отдельное рассмотрение элементов.

Сеть линейных элементов имеет вторичное значение по сравнению с точечно-ареальными элементами, хотя в ряде случаев инициирует возникновение отдельных точечных элементов. Взаимодействие точечно-ареальных элементов определяется их качественными характеристиками, что позволяет расчленить совокупность таких элементов на составные части в соответствии с выполняемыми функциями. Анализ показывает, что существуют элементы, обеспечивающие деятельность всего кластера: транспортные, проектные, строительные, выставочные компании, туроператоры, предприятия материально-технического снабжения.

Вторая группа элементов обеспечивает основные услуги. К их числу следует отнести средства размещения, предприятия общественного питания и социально-культурного сервиса.

Важную роль в функционировании туристского кластера играют элементы, обеспечивающие воспроизводство трудовых ресурсов: специализированные вузы и факультеты, средние профессиональные учебные заведения, курсы и центры повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Дополнительные услуги осуществляются предприятиями розничной торговли, бытового обслуживания, связи, финансовыми учреждениями.

Особую роль в организации и формировании условий взаимодействия между отдельными элементами туристского кластера играют организационно-управленческие структуры муниципального, областного и государственного уровня, поскольку именно их задачей является разработка законодательной основы деятельности кластера и отдельных элементов, входящих в его состав.

Связи между элементами играют определяющую роль при выделении структурных блоков регионального (локального) туристского кластера. Выделение конкретных видов связей осуществляется на основе анализа процессов специализации, кооперирования и комбинирования с учетом региональных особенностей туристского спроса и предложения. В числе основных можно выделить следующие виды связей:

– организационно-управленческие связи, направленные на создание условий для развития туристских кластеров;

– связи в процессе использования туристско-рекреационных ресурсов;

– связи по обеспечению функционирования туристской инфраструктуры и использованию туристского продукта;

– связи по использованию туристской инфраструктуры;

– связи по использованию трудовых ресурсов, прежде всего квалифицированной рабочей силы;

– связи по подготовке и повышению квалификации кадров.

Обобщая, можно сказать, что различные направления деятельности локальных кластеров включаются в одну из четырех обширных групп:

– сети и партнерство;

– характеристики рабочей силы;

– инновации и НИОКР;

– показатели хозяйственной деятельности предприятия.

Первые три группы характеризуют возможности успешной деятельности кластера, которая является результирующей. Именно на основе изменений в занятости населения, динамике количества фирм в составе кластера и их прибыльности, инвестиционной привлекательности можно судить об успехе кластерной инициативы.

Разработка и реализация мер, направленных на повышение эффективности функционирования региональных и локальных кластеров, предполагает их осуществление в определенной последовательности.

Первый шаг – идентификация потенциального локального туристского кластера. Это возможно сделать на основании анализа сведений о наличии на изучаемой территории туристских объектов и туристских ценностей и анализа местного туристского рынка. Большую роль в данном вопросе играют экспертные оценки представителей органов власти и туристского бизнеса существующего уровня взаимодействия уже функционирующих в пределах локалитета туристских объектов, которые формируют ядро будущего кластера. На этом этапе важно правильно разработать анкету, которая должна отражать как общие особенности, свойственные всем локальным кластерам, так и учитывать специфические черты конкретного кластера. Крайне необходимо выяснить особенности проявления таких факторов, как конкуренция в отрасли, доступность и качество туристских ценностей (ресурсов), качество трудовых ресурсов и обеспеченность ими, необходимость профессионального обучения, взаимодействие с обслуживающими фирмами и возможности оказания дополнительных туристских услуг. В качестве конкретных показателей важно выяс-

нить сроки существования туристских предприятий, осуществляемыеими виды деятельности, квалифицированность персонала и укомплектованность им, конкурентные преимущества, введенные в практику инновации. Среди других аспектов деятельности важно выявить интенсивность конкурентной борьбы, районы формирования обслуживаемого турпотока, характеристики кооперации туристских предприятий, взаимоотношения с властными структурами Важно также определить путем опроса отношение потребителей туристских услуг к качеству предоставляемого турпродукта и получить субъективную оценку имеющихся на изучаемой территории туристских ценностей.

Следующим шагом будет формирование массива данных для последующей статистической обработки и экономико-статистический анализ собранного материала. В результате проведенной работы возможно произвести оценку эффективности функционирования локального туристского кластера и установить главные факторы, обеспечивающие повышение его конкурентноспособности, а также выявить особенности проявления сдерживающих факторов. Сделанные выводы позволяют обосновать целесообразность кластерной организации туристской отрасли, получить сведения о механизме функционирования кластера.

В ближайшие годы пространственная структура туристской сферы в России может заметно измениться, что будет определяться формированием целого ряда региональных и локальных кластеров. Конечно, такое развитие возможно только в случае проведения целенаправленной политики по повышению конкурентоспособности российского туризма через стимулирование новых форм пространственной организации сферы услуг, координирования действий государственных органов власти, малого и среднего бизнеса, образовательных и научных учреждений с целью повышения уровня жизни населения регионов России. В Федеральный закон № 116 «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (2005 г.) внесены поправки, направленные на возможность создания туристско-рекреационных особых экономических зон. Внедрение дополнительного типа ОЭЗ направлено на формирование более благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата в сфере туризма и отдыха в традиционных российских центрах рекреации с целью увеличения их возможностей по оказанию данного вида услуг. Речь идет о создании структур, которые вполне можно считать региональными туристскими кластерами.

Еще один вариант формирования туристских кластеров, которые можно назвать локальными, связан с инициативами местных властей. Например, в Санкт-Петербурге Северо-Западным региональным отделением Российского Союза туриндустрии был предложен пакет проектных разработок по созданию приоритетных туристско-рекреационных территорий с режимом наибольшего экономического благоприятствования и особыми условиями хозяйственной деятельности для организаций, обеспечивающих обслуживание туризма и рекреации.

Этот проект нашел свое отражение в законопроекте «О создании туристско-рекреационных зон экономического развития», которые образуются городским правительством и в обязательном порядке учитываются при разработке градостроительных планов и схем землеустройства. Отобраны приоритетные туристско-рекреационные территории, которые охватывают исторический центр города, дворцовые пригороды и дачные предместья. В туристской зоне формируется туристский продукт высокого качества, включающий такие элементы, как осмотр достопримечательностей, посещение музеев, театров, фестивалей, отдых (в том числе активный), посещение магазинов, художественных салонов и галерей, питание, размещение, услуги гидов. Система локальных кластеров формирует региональную кластерную структуру Подобный подход предусматривает также «Программа развития туризма в Москве», принятая в 2000 году.

На уровне субъектов Российской Федерации пространственная модель кластерной организации сферы туризма должна строиться на основании определения территорий, обладающих уникальным природно-рекреационным и историко-культурным потенциалом, которые могут рассматриваться как места для реализации кластерных туристских инициатив и формирования локальных туристских кластеров. Система локальных туристских кластеров субъекта РФ при условии координации их деятельности и с учетом возможности создания совместного турпродукта будет образовывать региональный туристский кластер, отличающийся большей сложностью состава и выполняемых функций (централизованная система

подготовкитуристскихкадров, стандартизация услуг, создание и продвижениеединого туристского бренда, на который будут работать все участники, проектированиетуристскихобъектов и коммуникаций, разработка экологической туристскойполитики и стандартов и др.).

Для решения проблем повышения конкурентноспособности России в сфере туризма, необходима разработка государственнойстратегии в данном направлении, предусматривающей комплекс мер, осуществляемых на федеральном, региональном и муниципальномуровнях. Частью такой политики может стать государственная поддержка кластерных инициатив. Такая кластерная политика может быть связана с определениемнаиболее перспективныхтуристских центров, способных оказать стимулирующее влияние на развитие хозяйства страны и созданием законодательнойбазы, направленной на поддержкукластерных инициатив.

Библиографический список

1. Портер М. Конкуренция. Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2001.
2. Пилипенко И.В. Конкурентноспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Смоленск: Ойкумена, 2005.
3. Enright M.J.Why Clusters are the Wey to Win the Game? // World link, No: 5, July/August, 1992. – P. 24–25.
4. Rosenfeld S.A. Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development // European Planning Studies, Nr. 5, 1997. – pp. 3–23.
5. Martin R., Sunley P. Deconstructing Clusters: Chaotic Concept or Policy Panacea? // Journal of Economic Geography, Vol. 3, 2003. – pp. 5–35.

РОССИЯ
И ЗАРУБЕЖНЫЙ МИР

М.В. Свиридова
(г. Москва)

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1990–2000-Х ГГ.

Sviridova M.V.

TRANSFORMATION PROCESSES IN RUSSIA AND IN THE STATES OF CENTRAL-EASTERN EUROPE IN 1990–2000.

The article deals with the differences among the ex-communist European countries before the transitional period and with the specifics of institutional and market change in Central-Eastern Europe under reforms and their economic results. The inner space of the macro-region is analyzed in terms of inflation, investments, and changes of various economic sectors, trade and social consequences of reforming, compared with the Russia's indicators

В 1990–2000-х гг. на постсоциалистическом европейскомпространстве произошли глубокие системные изменения: переходот тоталитарного политическогоустройства к демократическому и от плановой экономики к рыночной. В статье рассматриваются трансформационные процессы в бывших социалистическихстранах, внутреннееустройстворегионаЦентрально-ВосточнойЕвропы (ЦВЕ), экономическаяполитика разных стран, дифференциация её социальных последствий и отличие от России. Исследуютсяшестнадцать стран, десять из которых стали членами ЕвропейскогоСоюза (Венгрия, Польша, Чехия, Словакия, Словения, Латвия, Литва, Эстония, Болгария, Румыния), а также Македония, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория и Албания.

«Стартовыеусловия» стран перед началом переходногопериода

Специфика переходногопериода в каждой стране – его длительность, глубинаспада производства, последовательность реформ определяется рядом причин. Одна из них – стартовые позиции стран.

Почти во всех странах ЦВЕ с 1970-х годов началась постепенная эрозия социалистической системы – замедлился экономический рост, нарастало отставание от Запада. Страны ЦВЕ отставали от Западной Европы по производительности труда, эффективности производства и его конкурентоспособности, по уровню реальной оплаты труда. Например, зарплата в ГДР, Чехословакии, Венгрии в 1980-х годах составляла 38–43% от уровня соседней Австрии, в Польше – 30–40%, в России – 33% (Кудров, 2006).

Это было вызвано исчерпанием резервов экстенсивногороста в рамках плановой системы. На пороге реформ Восточная Европа в целом отставала от Западной на 30–50 лет, или на один кондратьевскийцикл: главными секторами экономикив этих странах были промышленность и сельское хозяйство, тогда как страны Западной Европы на тот момент уже вступили в постиндустриальнуюстадию, и главным сектором была сфера услуг (Нефёдова, Трейвиш, 1994). Поэтому переходк рынку предполагал не только системные преобразования, связанные с внедрением рыночных механизмов, но и структурные

Несмотря на общие для всего региона социалистические принципы устройства общества, страны ЦВЕ отличались друг от друга,

Таблица 1

Удельный вес социалистического сектора в некоторых странах ЦВЕ и в СССР в 1987 г.

Страны	Промышленность		Сельское хозяйство	Розничный товарооборот
	государственная	кооперативная		
Болгария	96,4	3,5	99	100
Венгрия	91,5	6,9	99	98
Польша	83,8	12,8	22	97
Румыния	95,2	4,3	н/д	н/д
Чехословакия	95,8	4,2	96	100
СССР	97,8	2,2	100	100

Статистический ежегодник…, 1988, сс. 65, 98.

а вся группа стран – от России степенью подготовленностик радикальным преобразованиям. В двух странах – Польше и Венгрии рыночные преобразования готовились задолго до начала переходного периода. Внутриполитический кризис в Польше в 1980-е годы вызвал рост мощного политического движения «Солидарность», под влиянием которогов стране начались экономическиеизменения, и готовилась почва для более радикальных реформ. С 1982 г. предприятия стали получать всё большую самостоятельность, а государственный план утрачивал обязательный характер. Наравне с административными ценами появилиськатегории регулируемыхи свободных цен, был принят закон о совместных с иностранным капиталом предприятиях. В 1987 г. разные формы собственности, включая частную, получили юридическое равноправие. В сельском хозяйстве Польши в советский период не были утрачены традиции частного товарногохозяйства, в центральной и восточной частях страны преобладали индивидуальныехозяйства.

В авангарде движения к экономическим реформам в регионе стояла Венгрия. В ней формирование ростков рынка наблюдалось с 1968 г., когда начался процесс первичной реструктуризации государственных предприятий, перевода их на хозрасчёт. В 1980-е годы появились частные предприятия, на государственных предприятиях введена система самоуправления, началось формирование рынка ценных бумаг, проведены реформы банковской и налоговой системы. В 1990 г. принят закон об иностранных инвестициях. К этому времени примерно 90% всех цен формировалось рыночным путём (Кудров, 2006).

В отличие от Польши и Венгрии, в Чехословакии, Румынии и Болгарии в социалистический период не было создано базы для будущих перемен. Политическая система в Румынии отличалась большей степенью тоталитарности и жёсткости, даже по сравнению с СССР. В Чехословакиипосле устранения последствий политических реформ, предпринятых во время «Пражской весны» 1968 г., установилсярежим, законсервировавший классические черты социалистическойсистемы.

Особое место среди стран ЦВЕ занимала Югославия, которая с 1948 г. реализовывала свою собственную модель социалистического общества, предполагавшую более демократическую трактовку социалистической собственности, сочетание государственного управления с децентрализацией. Наряду с Венгрией и Польшей республикиЮгославии имели рыночный сегмент в экономике, но рыночные трудности, в частности инфляция, здесь начались гораздо раньше, чем в других соцстранах – в 1970–1980-е годы. А реформы 1990-х годов сопровождалисьраспадом страны и вооружёнными конфликтами, осложнившими переходные процессы.

Албания была самой отсталой страной не толькоЦВЕ, но и всей Европы. В 1990 г. на промышленность приходилось30,1% всех занятых в экономике, а на сельскоехозяйство– 47% (База данных Отдела статистики ЕЭК ООН). Тоталитарный коммунистическийрежим в Албании наследовал черты сталинской репрессивной системы. Тем не менее, архаичность экономики и неразвитость социалистическойпромышленности обусловилиболее быстрый переход к дикому рынку (базару).

Россия (СССР) из всех стран с переходной экономикойимела самые прочные и давние корни тоталитаризма и традиции плановой экономики. Для неё были характерны максимальные

диспропорции в структуре экономики: «избыточное» развитие промышленности (как в Чехословакии и ГДР), «недоразвитость» сферы услуг; чрезмерная концентрация, монополизация и милитаризация производства. Поскольку военно-ориентированная экономика наихудшим образом приспособлена к рыночным условиям, на начальном этапе реформ в ходе структурной перестройки возникла острая необходимость конверсии ВПК. От стран ЦВЕ Россию также отличало обширное, ассиметрично освоенное пространство, ресурсная самодостаточность и дешевизна ресурсов, стимулирующая развитие громоздких сырьевых отраслей. Всё это объективно затрудняло перестройку российской экономики.

Кроме этого, начало рыночных реформ в России происходило на фоне распада СССР, в котором Россия фактически имела меньше государственности, чем другие союзные республики. Поэтому перед Россией, как и перед любым новым государством, стояла задача национально-государственного строительства. В похожей ситуации оказались страны Балтии и образовавшиеся в результате распада федераций Чехия, Словакия, республики бывшей Югославии. Весь этот комплекс особенностей обозначил в целом гораздо менее выгодное положение России при переходе к рынку по сравнению со странами ЦВЕ и повлиял в дальнейшем на сложность трансформационных процессов и длительность переходного периода в нашей стране.

Новый конституционализм в странах ЦВЕ

В регионе можно выделить несколько типов переходных процессов, происходящих с радикальным изменением правовых и политических параметров. Тип бескровного переворота, вариант «бархатной революции», проявился в Польше и Чехословакии: одновременное изменение правовой системы (принятие новых конституций) и последовательное проведение социальных и политических преобразований, направленных на демократизацию режима. Второй тип представлен Венгрией, где старая конституция была сохранена в силе, а принятые к ней поправки привели к радикальным политическим изменениям («конституционная реформа»). Третий тип, представленый в Румынии, характеризуется разрывом правовой преемственности («конституционная революция») при частичном изменении политического содержания. Несмотря на государственный переворот, создание нового революционного правительства и принятие новой конституции, старая элита сохранилась у власти, что существенно затормозило процесс политических преобразований (Медушевский, 2007). Откладывание реальных структурных преобразований характерно и для Болгарии, где была принята новая конституция, но политическая неопределённость, частая смена правительств и неготовность власти принять на себя ответственность за проведение непопулярной политики привело к легитимации старой элиты в новых условиях.

Наихудший сценарий перехода осуществился в республиках бывшей Югославии, в которых выход из состава федерации сопровождался войной за независимость, наиболее длительной (1992–1995 гг.) на территории Боснии и Герцеговины и завершившейся благодаря усилиям мирового сообщества и подписанию Дейтонских соглашений. Ныне на территории Боснии и Герцеговины, Македонии, Косово и Славонии (район Хорватии) размещены военные контингенты НАТО. В Албанию также были введены вооружённые силы НАТО (1997 г.) после массовых волнений, вызванных чередованием введения и ограничения демократических прав и свобод, неготовностью лидеров преодолеть тяжёлый экономический кризис, усугублённый финансовыми афёрами, жертвами которых стала значительная часть населения. Новая конституция была принята лишь в 1998 г.

Таким образом, по типу правовых и политических реформ конца XX века на пространстве ЦВЕ можно выделить 3 ареала: наиболее спокойный и радикальный северный (Польша, Чехословакия, Венгрия, к нему же можно отнести и ГДР), растянутый юго-восточный (Румыния, Болгария) и политически и/или военно нестабильный южный (республики бывшей Югославии, отчасти Албания). На этом фоне распад СССР, противостояние президента и парламента, апогеем которого стал конституционный кризис 1993 г., окончившийся победой пропрезидентских сил и принятием новой конституции Российской Федерации, можно считать некоторым переходным вариантом.

Специфика и результаты трансформационных процессов. Экономические реформы.

Весь процесс системной трансформации и построения рыночной экономики можно разделить на три этапа (Кудров, 2006). Первый этап –

Таблица 2

Индексы потребительских цен (в % к предыдущему году)

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	2000	2005	2006
Албания	...	35,5	226	85	22,6	7,8	0	2,4	2,4
Болгария	23,8	419	91,3	72,9	96,1	62	10,3	5	7,3
Босния и Герцеговина	594	116,2	64218,3	38825,1	553,4	-12,1	1,7	2,5	6,5
Венгрия	29	34,2	23	22,4	18,9	28,6	9,8	3,6	3,9
Латвия	10,9	172,2	951,2	90,9	35,9	25	2,6	6,8	6,5
Литва	9,1	216,4	1020,8	410,2	72,2	39,7	1	2,7	3,8
Македония	596,6	110,8	1511	352	126,6	16,4	6,6	-0,7	3,3
Польша	585,4	76,7	45,3	36,9	33,2	28,1	10,1	2,1	1,1
Румыния	5,1	170,2	211,2	255,2	136,8	32,2	45,7	9	6,6
Сербия	...	...	...	...	...	82,7	71,1	16,1	11,7
Словакия	10,4	61,2	10	23,2	13,4	9,9	12	2,7	4,5
Словения	551,6	115	207,3	32,9	21	13,4	8,9	2,5	2,5
Хорватия	594,2	124,2	6673,6	1909,9	107,2	4	4,6	3,3	3,2
Черногория	...	...	...	...	...	..	..	2,6	3
Чехия	9,9	56,7	11,1	20,8	9,9	9,5	3,9	1,8	2,5
Эстония	18	202	1076	89,8	47,6	28,8	4	4,1	4,4
Россия	5,2	160	2510	874,6	307,6	197,5	20,8	12,7	9,7

Источники: Обзор экономическогоположения Европы. ЕЭК ООН. №2, 2005 г., Женева; База данных Отдела статистики ЕЭК ООН (http://w3.unece.org/pxweb/Dialog)

первичная реструктуризация перевод предприятий на хозрасчёт, возникновение кооперативов, коммерческих банков, расширение частного сектора в розничной торговле, легализация мелкого бизнеса в промышленности, носившего ранее теневой характер и т.д. Второй этап – приватизация, формирование слоя частных собственников, создание рынков капитала, рабочей силы, земли, товаров, услуг и т.д. На третьем этапе укрепляется новая банковская система, создаётся новая система социального обеспечения, новые механизмы функционирования науки, образования, здравоохранения и культуры

На первом этапе во всех странах процесс спонтанной приватизации сопровождался либерализацией цен, их освобождением от государственного формирования и ориентированием на реальный спрос. В Польше рост цен начался с 1987 г., самый большой скачок был в 1989 и 1990 гг. (соответственно в 2,6 и в 5,8 раз). В Венгрии инфляция усилилась с 1988 г. и была не так велика: 15–29% (Кудров, 2006). В других странах ЦВЕ либерализация цен и их повышение произошли позднее (см. табл. 2)

В Венгрии, Чехии и Словакии максимальный рост цен наблюдался в 1991 г. (34%, 57% и 61% соответственно). В странах, входивших в СССР и Югославию, пик роста цен пришёлся на 1992 г. (в Хорватии индекс потребительских цен вырос в 66 раз, в Македонии – в 15 раз, в Боснии и Герцеговине – в 642 раза – максимальный показатель для региона), в России за 1992 г. цены выросли в 25 раз, в странах Балтии – примерно в 10 раз. В Румынии годом максимального роста цен стал 1993.

Таким образом, юг и восток региона гораздо сильнее пострадали от либерализации цен. Всплеск инфляции уничтожил сбережения населения, не находившие себе реального товарного покрытия. Тем не менее, либерализация цен была в то время важнейшим компонентом системной трансформации, позволившая уйти от ложных, волюнтаристски определяемых цен, характерных для социалистической экономики, и тем самым продвинуться к формированию условий для эффективного хозяйствования (Кудров, 2006).

Второй этап трансформации – масштабная приватизация – явилась главным направлением преобразования государственной экономики в рыночную. Если на первом этапе спонтанная приватизация шла снизу, то на втором эти процессы стали регулироваться и стимулироваться сверху. Были приняты соответствующие законы и программы, созданы государственные органы, ответственные за приватизацию. Приватизация началась в Польше, Венгрии и Югославии в 1989 г., в Чехословакии – в 1990 г., в Болгарии и Румынии – в 1991–1992 гг., в России –

в 1992 г. Различия в экономической политике определили многообразие форм приватизации: прямая продажа государственных объектов, акционирование, передача по льготным ценам или бесплатно в собственность менеджерам или всем работникам предприятий, ваучеризация (Кудров, 2006). Более постепенные и избирательные схемы приватизации, выбранные Венгрией, оказались эффективнее ваучерных, реализуемых в России и в Чехии (Минервин, 2001). К специфике стран ЦВЕ по сравнению с Россией следует отнести широкую реституцию – возврат собственности (в т.ч. земли, недвижимости) её бывшим владельцам или их наследникам.

В России начавшаяся в 1992 г. форсированная приватизация государственной собственности во многих случаях не была подкреплена необходимыми правовыми актами. В приватизированных отраслях был реализован вариант, ничего не давший обладателям ваучеров, но передавший бюрократии – прямо или через олигархов – контроль над приватизированной собственностью. Неизбежными спутниками бюрократических реформ стали коррупция и криминализация (Попов, 2006). Приватизация, в результате которой новыми собственниками оказались бывшие администраторы госпредприятий, обусловила появление частных монополий с соответствующим монополистическим поведением и стремлением новых собственников к получению личных краткосрочных выгод даже за счёт ликвидации активов. Приватизация должна была создать многочисленный класс частных собственников, а вместо этого появились «богатейшие монстры», образовавшие союз с номенклатурой – т. е. концентрация собственности, обычная для процесса массовой приватизации, приняла в России особо крупные размеры (Минервин, 2001).

На третьем этапе завершилось начавшееся ещё до проведения массовой приватизации создание двухуровневой финансовой системы (система уже включала в себя помимо государственного Центробанка большое количество частных коммерческих банков). Серьёзному реформированию подверглась налоговая система. Новая система налогообложения доходов населения и предприятий, инструменты налоговых кредитов и льгот создавались по примеру стран Евросоюза, но в странах ЦВЕ налоговая нагрузка на ВВП оказалась ниже, чем в ЕС. Наиболее сложной и ещё не до конца решённой задачей оказалось создание новой системы социального обеспечения. Странам ЦВЕ нужно было частично отделить её от бюджета и увязать с бизнесом и системой страхования. Это особенно касалось пенсионной системы, здравоохранения и защиты от безработицы (Кудров, 2006).

Переход к рынку стран ЦВЕ проходил при поддержке международных финансовых организаций (МВФ, ВБ, ЕБРР, ЕС, ОЭСР), которые с 1990 г. начали оказывать этим странам финансовую помощь. При этом наибольшей поддержкой пользовались страны, раньше вставшие на путь реформ: в 1990 г. 40% выделенных средств приходилось на Польшу, 25% – на Венгрию (Кудров, 2006). Важным инструментом, стимулирующим обновление и рост производства, стали прямые иностранные инвестиции (ПИИ), объёмы которых в течение переходного периода росли (см. табл. 3).

Привлекательность стран ЦВЕ для иностранных инвесторов была обусловлена, с одной стороны, их достаточно ёмким потребительским рынком при слабом развитии ряда секторов экономики, а с другой – и это главное – меньшими, чем в западных странах, производственными затратами за счёт более низкой стоимости рабочей силы при достаточно высоком уровне её квалификации. Западные страны, перемещая в страны ЦВЕ свои активы, прежде всего сборочные производства, получали возможность снизить себестоимость и повысить конкурентоспособность продукции. В свою очередь, страны ЦВЕ, активно привлекавшие иностранные инвестиции, получили от этого ощутимую выгоду: увеличилась доля отраслей с более высоким уровнем развития технологий, улучшились показатели эффективности экономики, т.к. предприятия с иностранным капиталом во всём регионе как минимум вдвое превосходят местные фирмы по производительности труда (Куликова, Фейт, 2007).

В первые годы после открытия региона для международных потоков капитала ПИИ шли преимущественно в обрабатывающую промышленность, где приватизация началась раньше, чем в других отраслях. Во второй половине 1990-х годов почти во всех странах региона на первое место по темпам роста притока ПИИ и их объёмам вышел сектор услуг – телекоммуникационные системы, финансовые институты перешли в собственность

Таблица 3

Прямые иностранные инвестиции

	Общий объем инвестиций в млн долл. США					Инвестиции на душу населения, долл. США				
	1990	1995	2000	2003	2006	1990	1995	2000	2003	2006
Албания	0	70	143	178	325	0	21,2	42,1	57,4	101,6
Болгария	4	94	1026	1421	5 475	0,5	11,2	125,1	182,2	711
Босния и Герцеговина	..	0	146	382	..	...	0	38,4	...	...
Венгрия	..	4 494	2 764	2 117	20 730	...	436,3	271	209,6	2 052,5
Латвия	..	341	415	308	1680	...	136,4	172,9	133,9	730,4
Литва	..	72	380	181	1817	...	20	108,6	51,7	534,4
Македония	..	9	175	96	351	...	4,5	87,5	48	175,5
Польша	89	3 659	9 343	4 589	19 198	2,3	94,8	242,7	120,1	503,9
Румыния	0	420	1058	1 837	11 366	0	19	48,3	84,6	526,2
Сербия	..	..	50	1 510	..	...	...	6,7	201,3	...
Словакия	..	237	2058	594	4154	...	43,9	381,1	110	769,3
Словения	4	153	136	305	644	2	76,5	68	152,5	322
Хорватия	..	108	1110	2049	3392	...	23	252,3	465,7	770,9
Черногория	..	..	..	..	..	...	...	...	...	...
Чехия	..	2 556	4 980	2 119	5 972	...	248,2	483,5	207,7	579,8
Эстония	..	201	392	929	1 684	...	143,6	280	663,6	1295,4
Россия	..	2 065	2 714	7 958	30 827	...	14	18,6	55,4	216,3

Источники: Обзор экономического положения Европы. ЕЭК ООН. №2, 2005 г., Женева; База данных Отдела статистики ЕЭК ООН (http://w3.unece.org/pxweb/Dialog)

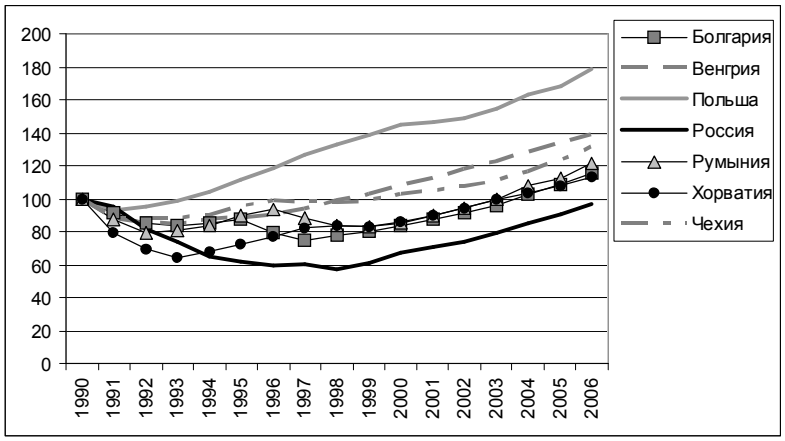
иностранных компаний. Иностранные инвесторы качественно изменили этот сектор, ранее слабо развитый (Куликова, Фейт, 2007). Иностранный капитал занимает ведущие позиции в банковских системах большинства стран ЦВЕ: в 2002–2003 гг. в Чехии свыше 90% банковского капитала принадлежало иностранцам, в Словакии – 85%, в Венгрии – около 80%, в Польше – 65% (Кудров, 2006).

Лидирующие места по привлечению ПИИ в регионе в течение перехода периода поочерёдно занимали Венгрия, Польша и Чехия, в 2004 г. и 2006 г. на третье место выходила Румыния. В 2002–2003 гг. приток ПИИ в Венгрию, Польшу, Чехию, Словакию, Латвию, Литву уменьшился, но с 2004 резко возрос в связи с вступлением этих стран в Евросоюз. Приток ПИИ в Россию до 2001 г. был заметно ниже, чем в Чехию, Польшу и Венгрию, но с ростом российской экономики и выходом её на стабильный путь развития он стал расти, особенно быстро в последние годы, и сейчас приток инвестиций больше, чем в любую из стран ЦВЕ (см. табл. 3). Однако по показателю ПИИ в расчёте на душу населения Россия опережает лишь Албанию и Македонию, а от Венгрии её показатель отличается на порядок: около 200 долларов в России и около 2 тыс. долларов в Венгрии.

Приток ПИИ в целом способствовал повышению занятости населения. По числу созданных иностранными инвесторами рабочих мест в 2005 г. Польша заняла первое место в мире (37745), Чехия – четвёртое (16438), Румыния – пятое (12395). Обнаружились и неблагоприятные последствия масштабного привлечения иностранного капитала и связанные с ним риски.

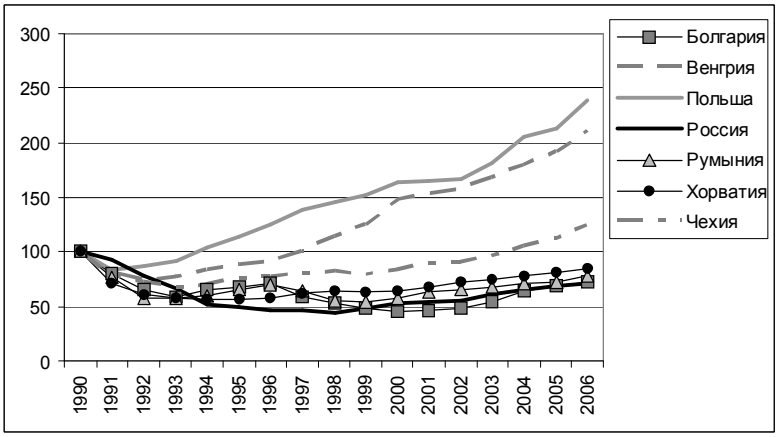
После 2000 г. в связи с изменением мировой конъюнктуры и старением инвестиционных проектов иностранные инвесторы закрыли в странах ЦВЕ часть ранее созданных производств. Особенно это ощутила Венгрия, в которую транснациональные корпорации (ТНК) перевели наименее рентабельные массовые производства электронной промышленности. В начале текущего десятилетия, когда отрасль охватил глобальный кризис, ТНК стали сворачивать эти производства или переводить их в страны с более дешёвой рабочей силой, например IBM в 2003 г. закрыла завод в г. Секешфехервар, на котором было занято 3,7 тыс. работников (Куликова, Фейт, 2007).

Рыночные реформы сопровождались значительным спадом производства, вызванным неспособностью экономики справиться с перемещением ресурсов из одних отраслей и регионов в другие. С введением либерализации



Источники: Обзор экономическогоположения Европы. ЕЭК ООН. №2, 2005 г., Женева; База данных Отдела статистики ЕЭК ООН (http://w3.unece.org/pxweb/Dialog)

Рис. 1. Динамика ВВП в некоторых странах ЦВЕ в % к 1990 г.



Источники: Обзор экономическогоположения Европы. ЕЭК ООН. №2, 2005 г., Женева; База данных Отдела статистики ЕЭК ООН (http://w3.unece.org/pxweb/Dialog)

Рис. 2. Индексы промышленного производства в % к 1990 г.

цен неконкурентоспособные сектора становятся нерентабельными, и производство сокращается. Поскольку инвестирование и рост происходят только в конкурентоспособном секторе, для достижения уровня производства, имевшего место до спада, требуется много лет (Попов, 2007). За период с 1989 по 1993 г. ВВП стран ЦВЕ сократился на 21%, в т.ч. в Югославии на 59%, в Болгарии – на 24%, в Венгрии – на 18%, в Румынии – на 23%, в Словакии – на 25%, а в Польше и Чехии – лишь на 12–13% соответственно (Кудров, 2006).

Анализ темпов экономического роста (по динамике ВВП и индексам промышленного производства) показывает, что наиболее успешно преодолеть спад переходного периода удалось Польше и Венгрии (см. рис. 1 и 2). Рост и последующая стабилизация по обоим показателям в Польше наблюдается с 1992 г., в Венгрии, Чехии, Словакии, Румынии и Болгарии рост начался с 1993–1994 гг. Падение темпов роста в конце 1990-х годов объясняется влиянием мирового финансового кризиса 1997–1998 гг. В Боснии и Герцеговине, а также

в Македонии рост начался позже – с 1995–1996 гг., причём Босния демонстрировала самые высокие в регионе темпы экономического роста, что связано с восстановлением хозяйства после войны. В Эстонии, Латвии и Литве ВВП стал расти с 1995–1996 гг. В России стабильный экономический рост начался позже всех стран ЦВЕ – с 1999 г. (небольшой рост был в 1997 г., но в 1998 г. из-за дефолта он вновь сменился спадом). Из представленных на графиках стран, по ВВП все кроме России в 2006 г. превысили уровень 1990 г. (в России в 2006 г. ВВП составил 97% от уровня 1990 г.), а по промышленному производству – только Польша, Венгрия и Чехия.

К 2005 г. в регионе была в основном преодолена инфляция. В большинстве стран цены снижались уже с 1991–1993 гг. Наименьшие индексы потребительских цен имели в 2006 г. Польша, Чехия и Словения, наибольшие – Сербия, Болгария, Румыния, Босния и Герцеговина (см. табл. 2). Низкие показатели имела также аграрная Албания не столько по причине выхода из кризиса, сколько из-за натурализации экономики. В России в 1990-е годы снижения уровня инфляции удалось добиться большей частью за счёт невыплаты заработной платы (Минервин, 2001). В настоящее время Россия по уровню инфляции (9,7% в 2006 г.) опережает все страны рассматриваемого региона, кроме Сербии.

Структура экономики к концу переходного периода в странах ЦВЕ приблизилась к постиндустриальным странам: ведущим стал сектор услуг за счёт уменьшения в ВВП долей промышленности и сельского хозяйства (см. табл. 4).

Деиндустриализация прошла во всех странах региона (лишь в Литве доля промышленности в ВВП незначительно возросла). В наибольшей степени удельный вес промышленного сектора снизился в Албании (более чем в 2 раза), в Латвии, Словакии, Болгарии, Македонии, Польше, Эстонии (в 1,5 – 2 раза). Причины различны: в Албании и Македонии развал промышленности означал переход к дикому рынку – базару, о чём упоминалось выше. Словакия к началу реформ была гипериндустриальной страной – на промышленность приходилось две трети ВВП, рыночные реформы сгладили эти диспропорции. Уменьшение доли в ВВП сельского хозяйства характерно для всех стран региона, кроме Македонии. Но если в Чехии, Словакии, Венгрии сокращение объёмов производства явилось результатом модернизации сельского хозяйства при росте производительности труда, то в Болгарии, Румынии, Хорватии, Албании оно сопровождалось рассредоточением производства по фермерским и индивидуальным хозяйствам (Нефёдова, Пэллот, 2006). Очень сильно сократилась доля сельского хозяйства в странах Балтии (в 4–5 раз). По-прежнему самой аграрной страной региона остаётся Албания (на сельское хозяйство приходится четверть ВВП).

Радикальные изменения претерпела география внешнеэкономических связей стран ЦВЕ. Основная часть внешней торговли была переориентирована на развитые страны, в первую очередь члены Евросоюза, а роль России и стран СНГ как торговых партнёров резко уменьшилась (см. табл. 5).

Та же тенденция характерна и для России – роль Восточной Европы во внешней торговле сократилась, развитых стран – увеличилась.

Для стран ЦВЕ доля развитых стран во внешней торговле больше по сравнению с Россией (71% в экспорте, 65% в импорте против 57% российских показателей).

Итак, в результате переходного периода в странах ЦВЕ удалось создать базовые элементы рыночной экономики: провести либерализацию хозяйственной деятельности, приватизировать большую часть государственных предприятий, осуществить структурные реформы в отраслях экономики, привлечь значительные объёмы иностранных инвестиций, преодолеть трансформационный спад производства и инфляцию. Но все эти процессы не могли пройти безболезненно.

«Социальная цена» реформ

Сокращение производства привело к росту безработицы (см. табл. 6), а инфляция – к снижению уровня жизни населения.

После десятилетий гарантированной занятости и отсутствия у людей навыков активного поиска новой работы безработица стала реальной травмой для общества. Отсутствие безработицы считалось важнейшим завоеванием социалистического строя. На самом деле, полная занятость при социализме обеспечивалась за счёт низкой производительности труда и низких, слабо дифференцированных заработков.

Самый высокий уровень безработицы на протяжении переходного периода был в Боснии и Герцеговине (47,7% в 2006 г.) и Македонии

Таблица 4

Соотношение секторов экономики (% от ВВП)

	Сельское хозяйство		Промышленность		Сфера услуг	
	1990	2004	1990	2004	1990	2004
Албания	36	25	48	19	16	56
Болгария	17	11	49	31	34	58
Босния и Герцеговина	...	12	...	28	...	61
Венгрия	15	3	39	31	49	66
Латвия	22	4	46	23	32	73
Литва	27	6	31	34	42	60
Македония	9	13	45	28	47	59
Польша	8	3	50	33	42	64
Румыния	24	14	50	37	26	49
Сербия и Черногория	...	19	...	36	...	45
Словакия	7	4	59	30	34	67
Словения	6	3	42	37	52	61
Хорватия	10	8	34	30	56	62
Чехия	6	3	49	38	45	59
Эстония	17	4	50	29	34	67
Россия	17	5	48	35	35	60

Источник: Всемирный банк (http://devdata.worldbank.org/wdi2006/contents/TOC.htm)

Таблица 5

Географическая структура товарной торговли стран Восточной Европы и России (доля в общем объёме торговли в %)

	1980	1990	1995	2000	2004
Восточная Европа					
Экспорт					
Все страны мира	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
СНГ	27,1	22,3	9,8	4,1	4,7
Восточная Европа	21,4	15,8	18,7	16,6	18,5
Развитые страны с рыночной экономикой	35,7	49,5	62,6	73,1	71,0
Развивающиеся страны	15,8	12,4	8,8	6,2	5,8
Импорт					
Все страны мира	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
СНГ	26,8	18,3	13,0	11,4	9,7
Восточная Европа	18,8	14,3	12,9	12,2	14,6
Развитые страны с рыночной экономикой	38,7	53,3	65,6	66,7	64,8
Развивающиеся страны	19,3	20,1	8,5	9,7	10,9
СССР / Россия					
Экспорт					
Все страны мира	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Восточная Европа	34,5	21,8	16,8	20,0	15,6
Развитые страны с рыночной экономикой	42,2	49,5	60,6	55,6	56,7
Развивающиеся страны	23,3	28,7	22,6	24,4	27,7
Импорт					
Все страны мира	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Восточная Европа	31,5	24,7	15,5	10,9	10,6
Развитые страны с рыночной экономикой	46,4	52,9	69,5	69,3	57,1
Развивающиеся страны	22,1	22,4	15,0	19,8	32,3

Примечание: данные за 1980–1990 гг. относятся к восточноевропейским странам-членам СЭВ (Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше Румынии и Чехословакии) и к бывшему СССР. С 1995 г. в группу «Восточная Европа» включены Албания, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония, с 1996 г. к ним добавлены Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория.

Источник: Обзор экономического положения Европы. ЕЭК ООН. №2, 2005 г., Женева.

Таблица 6

Уровень безработицы (в % от численности рабочей силы)

	1990	1993	1995	2000	2002	2004	2006
Албания	9,5	22	13,1	16,8	15,8	14,4	13,8
Болгария	..	21,4	16,5	16,4	18,1	12	9
Босния и Герцеговина	..	..	..	39,4	42,7	44,9	47,7
Венгрия	5,5	6,8	5,6	6,4	5,8	6,1	7,5
Латвия	..	..	..	13,7	12,2	10,4	6,8
Литва	..	..	..	16,4	13,5	11,4	5,6
Македония	..	..	..	32,2	31,9	37,2	36
Польша	..	16,3	15,4	16,1	19,9	19	13,8
Румыния	..	..	..	7,2	8,4	8,1	7,3
Сербия	..	..	..	12,1	13,3	18,5	20,9
Словакия	..	..	13,1	18,8	18,7	18,2	13,4
Словения	..	..	..	6,7	6,3	6,3	6
Хорватия	..	..	..	16,1	14,8	13,8	11,1
Черногория	..	..	..	..	..	27,7	..
Чехия	..	4,4	4,1	8,7	7,3	8,3	7,1
Эстония	..	..	..	12,8	10,3	9,7	5,9
Россия	..	6,1	9,5	10,6	7,9	7,9	7,2

Источник: База данных Отдела статистики ЕЭК ООН (http://w3.unece.org/pxweb/Dialog)

(свыше 30%). Довольно высокие показатели имели Польша и Словакия (максимальные 19–20% в 2001–2002 гг., в 2006 г. они составили 13–14%). В Венгрии в переходный период уровень безработицы был невысоким (около 6%), но в последние годы он растёт (7,5% в 2006 г.), что, вероятно, связано с закрытием иностранными инвесторами ряда предприятий. В большинстве стран безработица постепенно уменьшается. В России пик безработицы пришёлся на 1998 г. (13,2%), в 2006 г. её уровень составил 7,2%.

Выросло социальное неравенство, о чём свидетельствует коэффициент Джини. В случае полного равенства доходов населения (все получают одинаково) он равен 0, а в случае абсолютного неравенства (все доходы концентрируются в одном домохозяйстве), он равен 100. Россия по этому показателю опережает все страны региона. Из стран ЦВЕ наибольшая степень неравенства в распределении доходов характерна для Македонии и стран Балтии (см. табл. 7).

В России сохраняется и один из самых высоких в регионе показателей уровня бедности – 12,1%, с которым «конкурируют» лишь Румыния и Албания. В Венгрии, Польше, Чехии, Словении, Словакии, Македонии и Хорватии доля бедных в населении менее 2–3%. Проблема бедности в этих странах преодолена.

Опросы общественного мнения в странах ЦВЕ показывают, что в целом, для населения стран ЦВЕ характерна гораздо меньшая степень удовлетворённости жизнью и доверие парламенту, чем в развитых странах Европы (Я. Корнаи, 2006). Это объясняется рядом причин. Прочные и предсказуемые условия материального достатка при социализме (постоянная зарплата и потребительские цены, гарантированное жильё) сменились незащищённостью людей перед новыми реалиями – закрытием предприятий, ростом цен, безработицей, необходимостью покупки жилья по рыночным ценам и др. Сказались трудности переходного периода (образовавший вакуум государственности отсутствие регулирования, приведшее к бурному росту коррупции и криминальной сферы, социальная поляризация общества, номенклатурная приватизация, спекуляция, взяточничество). Многие увидели в многопартийной системе лишь источник разнузданной борьбы за власть, обмана, лживых обещаний. Появились и системные проблемы, характерные для капитализма (меркантильная система ценностей, навязчивая реклама в СМИ, массовая культура). Неудовлетворённость вызывали также ошибочные решения правительств.

Завершился ли переходный период?

Оценка завершённости переходного периода в экономике включает количественный и институциональный подходы, которые допол-

Таблица 7

Распределение доходов (коэффициент Джини) и уровень бедности

	Год	Коэффициент Джини	Удельный вес населения, живущего менее чем на 2$ в день, %
Албания	2002	28,2	11,8
Болгария	2003	29,2	6,1
Босния и Герцеговина	2001	26,2	..
Венгрия	2002	26,9	<2
Латвия	2003	37,7	4,7
Литва	2003	36,0	7,8
Македония	2003	39,0	<2
Польша	2002	34,5	<2
Румыния	2003	31,0	12,9
Сербия	..	..	..
Словакия	1996	25,8	2,9
Словения	1998–1999	28,4	<2
Хорватия	2001	29,0	<2
Черногория	..	..	..
Чехия	1996	25,4	<2
Эстония	2003	35,8	7,5
Россия	2002	39,9	12,1

Источник: Всемирный банк (http://devdata.worldbank.org/wdi2006/contents/TOC.htm)

няют друг друга. Нас в наибольшей степени интересует её региональное воплощение. В качестве количественных могут использоваться показатели восстановления дореформенных объёмов производства и достижения дореформенного уровня ВВП. С точки зрения динамики ВВП продолжительность переходного периода довольно существенно различается в странах ЦВЕ. За начало отсчёта переходного периода принимался год либерализации цен (в Польше и Венгрии – 1989, в Румынии – 1990, в Болгарии и Македонии – 1991, в остальных странах региона и в России – 1992). Анализ цепных индексов роста ВВП в разных странах показывает, что, согласно количественным критериям, наименьшую продолжительность переходный период имел в Чехии и Словакии – 2 года (в 1994 г. уровень ВВП 1992 г. был достигнут), а также в Албании. 3 года переходный период продлился в Словении, 6 лет – в Хорватии, 8 – в Польше, 9 – в Эстонии, 11 – в Венгрии, 13 – в Литве. В остальных странах региона он продлился более 13 лет (Николаеви др., 2005). В России, по мнению тех же авторов, длительность переходного периода составила 15 лет (до 2006 г.). Если же в качестве индикатора брать не ВВП, а динамику реальных секторов (промышленность, сельское хозяйство, торговля и услуги), то тут длительность восстановительного периода будет иной, и во многих странах он ещё не закончен. Например, промышленное производство в России сможет восстановиться лишь к 2010–2011 гг. (Николаеви др., 2005). Но структурные сдвиги экономики большинства стран часто не предполагают восстановление дореформенного уровня промышленности. Индикаторами успеха реформ может быть также динамика жизненного уровня основной массы населения, увеличение численности среднего класса (Минервин, 2001), однако здесь также трудно найти сопоставимые показатели.

Статистические критерии мало что говорят о внутреннем содержании процесса системной трансформации. Ведь если хорошие количественные показатели не явились результатом глубоких институциональных преобразований, то велика вероятность того, что рыночная саморазвивающаяся экономика в стране так и не была создана. Институциональный подход предполагает анализ развитости и успешности институтов экономики, при этом под институтами понимаются общие «правила игры» (как формальные, так и неформальные), которые структурируют пространство социальных и экономических

взаимодействий; инстанции и процедуры, обеспечивающие соблюдение (в т.ч. принудительное) этих правил (Капелюшников, 2001).

Примером институционального подхода к оценке динамики переходных экономик является практика Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). Специалистами ЕБРР отобрана совокупность показателей, которая иллюстрирует состояние четырёх основных составляющих рыночной экономики: рынки и внешняя торговля, предприятия, финансовые организации и инфраструктура. По каждому из показателей давались балльные оценки с применением разработанных критериев. Оценочные индексы специалистами ЕБРР не суммировались. На основе подхода ЕБРР были определены рубежное значение индекса по каждому показателю (не ниже 3) и суммарный рубежный индекс для страны, построившей рыночную экономику – 27 (Николаев и др., 2005). На 2004 г. все страны ЦВЕ кроме Албании, Македонии, Боснии и Герцеговины и Сербии с Черногорией преодолели пороговое значение 27 баллов, но по отдельным показателям рубеж преодолели не все. Например, страны Балтии «недотягивают» по антимонопольной политике, Словакия и Словения – по реформированию внебанковских финансовых организаций. И только Венгрию, Польшу и Чехию по всем показателям можно отнести к странам, завершим построение рыночной экономики. Суммарный показатель России составил в 2004 г. 26,65 балла, т. е. с позиций институционального подхода переходный период в российской экономике был тогда не завершён, но близок к завершению. Наиболее успешно реформирование прошло в области высвобождения цен, либерализации торгово-валютных операций и приватизации. Наибольшие трудности вызывает банковская реформа и либерализация процентных ставок. Россия близка к странам бывшей Югославии по количественному показателю и немного опережает их по институциональным, т.к. из-за участия в вооружённых конфликтах показатели этих стран самые низкие в регионе.

Особенностью, отличающей Россию от стран ЦВЕ, является то, что на протяжении всего переходного периода институциональная структура России характеризовалась значительной долей «неформальных», «теневых» отношений. Причём если в начале переходного периода эти отношения возникли взамен разрушенной структуры, то с возникновением новых институтов они «вросли» в новую структуру в очень многих отраслях, в то время как в ряде других переходных стран теневой сектор практически прекратил своё существование (Николаев и др., 2005).

Своеобразным критерием завершения переходного периода является вступление десяти стран ЦВЕ в Евросоюз. Если на начальном этапе системной трансформации экономические реформы в каждой из стран имели свои особенности, то в начале нынешнего десятилетия различия всё больше стираются. Определяющее влияние на экономику стал оказывать фактор создания необходимых для вступления в Евросоюз нормативных условий. Стремление в ЕС заставило форсировать реформы и сосредоточиться на тех направлениях, которые были определены требованиями Брюсселя (Шаншиева, 2007).

Евросоюз дал серьёзную фору странам ЦВЕ, приняв их в свой состав, ведь размер ВВП в расчёте на душу населения этих стран практически вдвое (в Болгарии и Румынии втрое) ниже, чем у ранее принятых стран (ЕС-15). Став полноправными членами ЕС, эти страны получили новые стимулы развития и финансовые вливания.

Но есть и негативные оценки последствий этого шага, как для самого ЕС, так и для стран ЦВЕ. Сможет ли ЕС «переварить» десять новых членов, уровень развития которых более низок? Образ польского сантехника со страниц европейской прессы, который согласен работать за низкую плату, пугал «старожилов» ЕС засильем трудовых мигрантов с востока Европы. Однако опасения, что массовая миграция из стран ЦВЕ окажет негативное воздействие на рынки труда стран Евросоюза, оказались необоснованными. По данным Всемирного банка, возможности принять поток мигрантов у Великобритании, Ирландии и Германии, открывших свои рынки труда, оказались далеко не исчерпаны. Поток иностранных рабочих скорее дополнил трудовые ресурсы этих стран, а не заменил их, и снижения уровня оплаты труда не произошло (Бальцерович, 2007).

Болгарии и Румынии, вступившим в ЕС в 2007 г., было прямо указано на то, что членство в Евросоюзе дано им авансом, и поэтому они не получили равных прав не только со старыми членами ЕС, но даже с такими новичками, как страны Балтии.

Перед вступлением в ЕС ряда стран в 2004 г. правительства этих стран вынуждены были проводить непопулярные экономические меры по сокращению бюджетного дефицита за счёт социальных программ, что вызвало рост нестабильности, поляризацию политических сил. Сразу после вступления в ЕС в отставку подали премьер-министры Польши, Чехии и Венгрии (Медушевский, 2007). В странах ЦВЕ велись противоречивые споры о том, насколько можно реализовать национальные интересы внутри ЕС, сохранить национальный суверенитет, национальную культуру и достоинство в отношениях с Западной Европой. Президент Чехии Вацлав Клаус сказал перед вступлением в ЕС: «Хочу, чтобы моя страна не растворилась при вступлении в Евросоюз, как кусок сахара в чае». После вступления стран ЦВЕ в Евросоюз доля населения Польши и Словакии, положительно оценивающего членство в ЕС, постоянно возрастала. Например, в Польше через 2 года после интеграции 54% респондентов считали, что членство в ЕС принесло стране больше выгод, чем потерь. Это на 15 процентных пунктов выше, чем через три месяца после интеграции (Бальцерович, 2007). Ныне эту точку зрения разделяют 77% респондентов (Евробарометр, 2008). По данным последнего опроса Евробарометра 57% респондентов в Словакии относится к членству в ЕС положительно, что на 5 процентных пунктов выше среднего показателя по странам ЕС (2008 г.). А в Венгрии, напротив, энтузиазм в отношении ЕС сменился скептицизмом. В 2004 г. 50% респондентов положительно оценивали членство в Евросоюзе, а весной 2008 – лишь одна треть. Из стран ЦВЕ, респонденты которых считают, что вступление в Евросоюз принесло их странам больше потерь, чем выгод – Латвия, Болгария, Хорватия и Венгрия.

Градиенты между центром и периферией Европы при этом не сглаживаются, а могут лишь усилиться. Некоторые радикальные восточноевропейские политологи говорят, что правительства практически «сдали» их страны Брюсселю: Восточную Европу принимали в Евросоюз, чтобы удобно встроить её в свою систему в качестве периферии. То есть оставить там то производство, которое нужно центру, а всё остальное свернуть. Одновременно активные и квалифицированные трудовые ресурсы перекачиваются в центр. Восточноевропейские страны постепенно должны превратиться в придаточные экономические зоны, уровень жизни в которых будет на несколько ступеней ниже, чем в бурлящем центре (Власова, 2007). Следующий шаг – вступление новых членов ЕС в зону евро также вызывает опасения в этих странах.

Несмотря на различия в стартовых условиях, формах, темпах и последовательности реформ, институциональная эволюция России и стран ЦВЕ подчинялась общей логике. Страны ЦВЕ, вступившие в Евросоюз, преодолев большие экономические и социальные трудности переходного периода, в целом осуществили постсоциалистическую трансформацию быстрее и с меньшим ущербом для себя, чем Россия. Сказались иные исторические традиции, национальный менталитет, более развитый гражданственный настрой населения, национальный консенсус относительно ориентации на европейские стандарты и др. По глубине и продолжительности переходного кризиса Россия намного превзошла большинство стран ЦВЕ.

Внутри региона ЦВЕ чётко выделяются северная (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия) группа стран, где политические и экономические реформы проходили быстро и успешно, и южная (республики бывшей Югославии), перешедшая к новому политическому устройству путём военных потрясений, и поэтому имевшая самые высокие в регионе темпы инфляции и уровень безработицы. Ряд стран южной группы в 2004 г. ещё не достигли суммарного индекса, характерного для стран, построивших рыночную экономику. Промежуточное положение между двумя группами занимают Болгария и Румыния. Приняв эти стран в Евросоюз, европейское сообщество тем самым признало переходный период в них в основном завершённым, и можно прогнозировать, что Болгария и Румыния будут «догонять» северную группу стран.

Библиографический список

1. База данных Отдела статистики ЕЭК ООН, http://w3.unece.org/pxweb/Dialog
2. Бальцерович Е. Экономика Польши после вступления в ЕС // Beyond Transition. – 2007. – № 13. – С. 11–12.

3. Власова О. На задворках Евросоюза // Заграница. – 2006. – № 45 (http://www.zagran.kiev.ua)
4. Капелюшников Р.И. «Где начало того перехода?» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. – 2001. – № 1. – С. 138–156.
5. Корнаи Я. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успех и разочарование // Россия и современный мир. – 2006. – № 2. – С. 7–47.
6. Куликова Н., Фейт Н. Прямые иностранные инвестиции в странах Центральной и Восточной Европы // Мир перемен. – 2007. – № 1. – С. 24–41.
7. Медушевский А.Н. Переход в демократии и новый конституционализм в странах Центральной и Восточной Европы // Россия и современный мир. – 2007. – № 2. – С. 32–51.
8. Минервин И.Г. Зарубежные исследователи о путях трансформации российской экономики: многообразие подходов, сходство выводов (обзор) // Россия и современный мир. – 2001. – № 4.
9. Нефёдова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство или Зачем нужна корова? – М.: Новое издательство, 2006.
10. Нефёдова Т., Трейвиш А. Районы России и других европейских стран с переходной экономикой в начале 90-х годов. – М., 1994.
11. Николаев И., Калинин А., Точилкина О. Рыночная трансформация экономики: итоги пройденного этапа // Общество и экономика. – 2005. – № 9. – С. 48–81.
12. Попов В. Шоковая терапия против градуализма: 15 лет спустя // Вопросы экономики. – 2007. – № 5.
13. Попов Г. Проблемы выхода из социализма // Вопросы экономики. – 2006. – № 4. – С. 117–118.
14. Статистический ежегодник стран-членов СЭВ. – М.: Финансы и статистика, 1988.
15. Шаншиева Л.Н. Россия и Восточная Европа как предмет региональных исследований // Россия и современный мир. – 2007. – № 2. – С. 184–195.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

В.И. Часовский
(г. Санкт-Петербург)

ИНДУСТРИЯ СТРАН СНГ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Chasovsky V.I.

THE INDUSTRY OF THE COUNTRIES CIS IN CONDITIONS TRANSFORMATIONAL ECONOMY

In the article transitional features of transformational economy are examined. The analysis of the factors influencing changes of gross national product, branch structure of the industry and release of an industrial output is given. It is paid attention to the non-uniform structural ratio of industrial sectors finding the expression in the ratio of military and civil complexes, obtaining and a manufacturing industry. Preconditions for steady economic and industrial growth in the countries CIS are analyzed.

Переходпостсоветских стран от плановой социалистической экономики к рыночной капиталистическойобъективноориентированна завершение индустриальногоэтапа развития в масштабах их национальных экономик, а переходк постиндустриальномуэтапу возможенв процессе осуществленияглобальной реструктуризации макроэкономической структуры, унаследованнойот прошлого. Переходот индустриальногок постиндустриальномуразвитию станет прочной материальной основой формирования современной модели рыночной экономикив странах Содружества

В союзных республикахСССР к моменту краха социалистической системы индустриальный этап развития в большей или меньшей мере был пройден, но далеко не завершен, а потому нет оснований говорить о переходестран СНГ к постиндустриальному развитию. Так, в гражданском промышленном комплексесоветской экономикиещё весьма высокой оставалась доля ручного труда, что свидетельствовало о незавершённости индустриальногоразвития, выступающегоматериальной основой становления капитализма эпохи свободной конкуренции А унаследованный от социализма научно-производственный потенциал характеризовалсякрайней технико-технологической гетерогенностью, где наряду с суперсовременным технологическим укладом в ВПК существовалтехнологическиотсталый гражданский промышленный комплекс.

К тому же советская индустрия в качестве не только плановой, но и управляемой из единого экономическогоцентра подверглась крайней монополизации, что создавало предпосылки для появления акционерной формы собственности в процессе рыночного преобразования советских монополий, представленных отраслевыми министерствами, ПО и НПО. Оба эти обстоятельства и явились основой формированиясмешанной модели рыночной экономики Пока что невозможнооднозначно сказать, какая модель возобладает в постсоветских странах СНГ в процессе преодоления хозяйственноймногоукладности Последняя, будучи свойственной всякой трансформационной экономике, создаёт ложную видимость уже смешанной экономики в качестве органической целостности различных форм собственности. Тем не менее, вполне отчетливо просматривается создание различных форм индивидуальной и ассоциированной совместной собственности. Однако насколькоустойчиво это формообразование и как сложится

окончательная картина, не вполне ясно вследствие незавершённости данного процесса.

Трансформационная (переходная) экономика – уже не плановая, но ещё и не рыночная. На стыке старой и новой экономических систем и находится переходная эпоха, характеризующаяся преобразованием всей системы общественных отношений, включая, прежде всего, отношения собственности в качестве экономических. Средства производства как объекты присвоения, сосредоточенные в реальном секторе экономики, приобретают новых собственников, призванных обеспечить дальнейший прогресс общества путём повышения производительности общественного труда на базе реализации качественно нового этапа в развитии техники и технологии. Полное овладение новой системой экономических отношений, реальным сектором экономики и выступает критерием завершённости трансформационной эпохи [17].

Переходный период – длительный исторический процесс, в течение которого коренным образом преобразуется вся система общественных отношений, все стороны жизнедеятельности общества. Между различными типами хозяйства, между различными экономическими системами лежит длительная полоса переходного периода, который по определению не способен обеспечить немедленный экономический подъём вследствие коренного преобразования всей системы экономических и прочих отношений.

Не составляет исключения и переходный период от плановой к рыночной экономике, от социализма к капитализму, повлекший за собой трансформационный экономический спад.

Не менее значимы и обстоятельства, порождённые самим переходным периодом, способствовавшие трансформационному спаду. Среди них отметим наиболее существенные:

– дезинтеграционный кризис, которым сопровождалась гибель социализма, распад мировой социалистической системы, Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), и даже ряда стран (СССР, ЧССР, СФРЮ);

– длительность процесса формирования нового класса собственников как субъектов инвестирования;

– отсутствие денежного капитала, накопление которого в переходный период удлиняло образование промышленного капитала;

– массовый отток накопленного в странах денежного капитала за рубеж;

– повсеместная криминализация экономической деятельности [18]. Проанализируем некоторые из этих обстоятельств более детально.

Дезинтеграционный кризис выразился в распаде мировой социалистической системы и СЭВ, а вместе с тем – и традиционных экономических связей, сложившихся в течение десятилетий внутри этих образований, что не могло не стать фактором не просто снижения темпов роста, но и экономического спада во входивших в них странах. Наиболее разрушительным по своим последствиям был распад СССР, а вместе с ним и распад единого народнохозяйственного комплекса, сформировавшегося за три четверти XX века. Так, по экспертным оценкам, на долю этого обстоятельства приходится одна треть спада в российской экономике, в других странах СНГ этот фактор определял до 50% спада экономики [17].

Трансформационного спада не удалось избежать ни одной из постсоветских стран, хотя масштабы спада производства были разными. Так, общее падение ВВП по отношению к 1989 г. в год высшей точки кризиса (указан автором в скобках) составил (в %): в среднем по странам СНГ – 46,1 (1998 г.), при этом в России – 39,8 (1998 г.), в Беларуси – 36,6 (1995 г.), в Украине – 54,0 (1999 г.), в Молдове – 61,7 (1999 г.), в Армении – 50,1 (1993 г.), в Азербайджане – 63,0 (1995 г.), в Грузии – 76,0 (1994 г.), в Казахстане – 39,2 (1995 г.), в Кыргызстане – 46,9 (1995 г.), в Таджикистане – 64,2 (1996 г.), в Туркмении – 35,8 (1997 г.), в Узбекистане – 19,5 (1995 г.) [3, 6, 7, 14, 15, 16].

В современной экономической науке трансформационный спад нередко и не вполне корректно отождествляется с периодически повторяющимся экономическим кризисом. На основании такого отождествления делаются далеко идущие выводы. В поисках путей преодоления трансформационного спада взор невольно обращается к западной экономической науке, наработавшей множество способов и методов преодоления экономических кризисов, сглаживания экономического развития в пределах промышленного цикла, что в свою очередь явилось теоретической основой многолетней практики антикризисного регулирования. Как известно, промышленный цикл выступает всеобщей формой движения общественного воспроизводства в условиях машинизации производительных сил, не претерпевающей принципиальных изменений в процессе эволюции экономических отношений

при переходе от индустриального к постиндустриальному этапу [4].

Основой отождествления трансформационного спада и экономического кризиса является то обстоятельство, что спад по своей природе также является кризисом, но особого происхождения. Он порожден трансформацией социализма в капитализм, между тем как экономический кризис – это одна из фаз промышленного цикла, данный цикл завершающая. Коль скоро в обоих случаях речь идет о кризисе, то формы его проявления едины: абсолютное снижение макроэкономических показателей, рост безработицы, появление инфляции, нарастание социальной напряженности и т.п. Единство внешних форм отражает единство функции, которую каждый из них выполняет. Вследствие такой материализации их разрешение неизбежно сопровождается её частичным разрушением, что и находит выражение в отрицательных темпах экономического роста.

И все же – при весьма существенном единстве – экономический кризис и трансформационный спад имеют немалые различия. Каждый из них осуществляет свои функции в принципиально разных исторических условиях. А потому, вполне естественно, что и способы их преодоления не могут быть одинаковыми. Оба они выполняют функцию механизма разрешения накопленных в предшествующий период противоречий, неизменно сопровождающегося разрушительными последствиями, прежде всего потому, что эти противоречия нашли воплощение в сформированной макроэкономической структуре. Но этот предшествующий период оказывается разным не только по продолжительности, но и по существу.

В рыночной экономике этот период измеряется продолжительностью промышленного цикла, завершающегося кризисом, знаменующим исчерпание потенциала развития на материальной основе данного поколения техники и технологии, кризисом тем более глубоким и продолжительным, чем радикальнее смена технологических укладов. Частичным разрушением макроэкономической структуры расчищается экономическое пространство для массового технико-технологического обновления реального сектора экономики, и снимаются присущие данному промышленному циклу технико-технологические границы повышения эффективности национальной экономики, открываются новые перспективы экономического роста в пределах очередного цикла. Макроэкономическое равновесие устанавливается на основе более совершенной техники и технологии, что открывает новые перспективы эффективного функционирования реального сектора экономики и соответственно обеспечивает более высокий уровень удовлетворения общественных потребностей. Тем самым преодолеваются социально-экономические противоречия, накопленные в течение предшествующего цикла. При этом система экономических отношений не только сохраняется, но сменой промышленных циклов, как определенных этапов в реализации НТП, обеспечивается её дальнейшее поступательное развитие.

Сохраняется и критерий сбалансированности подлежащей корректировке макроэкономической структуры в её отраслевом, территориальном, секторальном и прочих аспектах. Так продолжается до тех пор, пока не будет исчерпан качественно определенный этап в развитии производительных сил (индустриальный, постиндустриальный). Переход к очередному этапу неизменно сопровождается сменой системы экономических отношений, а сама эта смена – трансформационным спадом [18].

Иная картина складывается в трансформационной экономике. Трансформационным спадом разрешаются социально-экономические противоречия, накопленные предшествующей экономической системой, материализовавшиеся в сформированной по её критериям, а потому не могущей в пределах данной системы быть иной структурой экономики. На определенном этапе развития ситуация оказывается тупиковой, исключающей дальнейший экономический рост.

Преодоление этих противоречий осуществляется переходом к принципиально иной экономической системе, а вместе с ней – к иному типу хозяйствования с иными критериями макроэкономической сбалансированности. Масштабы разрушения здесь принципиально иные, несопоставимые с аналогичными процессами в пределах промышленного цикла, так как частичному разрушению подлежит структура народного хозяйства, в том числе и промышленная, сформированная за несколько десятилетий социализма. Число противоречий разное для каждой из стран СНГ, что являлось одним из существенных факторов, воздействовавших на глубину и продолжительность экономического спада в них.

В силу этих обстоятельств, способы и методы преодоления разрушительных процессов

принципиально разные. В рыночной экономике они реализуются при том же рыночном механизме хозяйствования, с той или иной долей государственного регулирования. В трансформационной – при ином механизме, т.к. плановый механизм рухнул ещё до официального провозглашения рыночных преобразований, а регулирующая роль государства принципиально менялась, сохраняясь в жёстких формах преимущественно в сфере ВПК.

В масштабах же национальных экономик стран СНГ возобладали имманентно присущие переходному периоду стихийные процессы, в ходе которых происходило массовое банкротство убыточных предприятий, сопровождавшееся слиянием и поглощением и, напротив, разукрупнением, перепрофилированием на выпуск продукции, пользующейся спросом в целях выживания в экстремальных условиях. Менялся и критерий оптимальности макроэкономической структуры – таким критерием становилось повышение эффективности производства, измеряемое динамикой массы и нормы прибыли, получаемой хозяйствующими субъектами[18].

Смена экономических отношений, а вместе с ними и механизма хозяйствования сопровождается – что представляется важным обстоятельством для понимания трансформационного спада – временным исчезновением подлинного собственника в реальном секторе экономики, как главного действующего лица воспроизводственного процесса во всякой экономической системе. В ожесточенной конкурентной борьбе за ранее созданные объекты государственной собственности формируется новый класс собственников, функцией которого становится преодоление трансформационного спада как предпосылки последующего экономического роста путем развертывания инвестиционной деятельности. Последняя направлена на формирование макроструктуры, соответствующей рыночным критериям, оптимальной в пределах каждого промышленного цикла по мере становления волнообразного циклического развития. При этом инвестиционная деятельность ориентирована на внедрение НТП, так как в конкурентной борьбе, в конечном счёте, побеждает новатор в области его освоения.

С завершением переходного периода и становлением рыночной экономики, где критерием завершённости является полное овладение промышленным капиталом реальным сектором экономики, вступает в свои права циклическая форма движения воспроизводственного процесса в качестве всеобщей, в рамках которой кризис выступает циклообразующей фазой. В связи с чем антикризисное регулирование становится важнейшей функцией государства в соответствии с рецептами, прописываемыми экономике учеными западной экономической науки. Назначение такого регулирования состоит в том, чтобы сгладить циклические колебания, смягчить остроту структурно-технологических преобразований, в целях предотвращения социальных потрясений, вызванных ломкой сложившейся в течение предшествующего цикла структуры народного хозяйства и соответственно структуры занятости, неизбежно сопровождающейся временной потерей рабочих мест [8].

Итак, исторические предпосылки рыночной трансформации индустрии стран СНГ, масштабы и глубина накопленных ранее противоречий, а также специфические обстоятельства переходного периода как такового породили глубокий и продолжительный трансформационный спад. В течение этого спада происходило частичное разрушение макроэкономической структуры, а тем самым снимались материализованные в ней противоречия предшествующего социально-экономического развития.

Устранение макроэкономической разбалансированности требует глобальной реструктуризации, направленной на преодоление унаследованных от советского прошлого дисбалансов.

Между тем, структурный дисбаланс оказался многоликим: это дисбаланс между военным и гражданским промышленными комплексами, между добывающими и обрабатывающими отраслями, между тяжёлой и лёгкой промышленностью, между основным и вспомогательным производством, между промышленным и аграрным секторами экономики.

Так, в полной мере выявилось наличие избыточных, с точки зрения новой системы экономических отношений, производственных мощностей в отраслях тяжёлой промышленности. В связи с завершением в 1980-е гг. «холодной войны» и окончанием глобального противостояния двух мировых систем произошло сокращение производства в отраслях ВПК постсоветских стран, что сопровождалось глубокими разрушительными процессами в их народном хозяйстве в целом. Например, в России, где обслуживанием ВПК занималось девять отраслевых министерств, на него едва ли

не исключительно работала фундаментальная и прикладная наука, в нём была занята треть высококвалифицированной рабочей силы, около 60% машиностроительной продукции имело военное назначение, расходы на оборону составляли 15–20 % ВВП (в то время как в США – всего около 6 %), только за 1992–1996 гг. военное производство сократилось в 6 раз [19].

Устранение избыточных мощностей достигалось различными путями, в том числе конверсией отраслей ВПК, перепрофилированием, реструктуризацией и даже банкротством убыточных предприятий первого подразделения. Неизбежным следствием этих процессов явился экономический спад, сопровождавшийся к тому же деиндустриализацией унаследованного научно-производственного потенциала. Это произошло вследствие технологического дисбаланса. Сокращению подлежали избыточные производственные мощности, сосредоточенные, прежде всего, в отраслях ВПК (именно здесь сосредоточилось высокотехнологичное наукоёмкое производство), являвшегося бесспорным технологическим лидером в советской экономике.

Но и судьба гражданского промышленного комплекса, при всей ограниченности имеющихся здесь мощностей, с точки зрения масштабов потребительского спроса, оказалась не лучшей. Его отрасли в наибольшей мере подверглись разорению вследствие их технологической отсталости, в полной мере выявленной либерализацией внешнеэкономической деятельности, поставившей их в отношения гибельной для них конкуренции с капиталистическим производством. Обвал этих отраслей в условиях внешней открытости национальных экономик был неизбежным, если учесть, что только 20% сосредоточенного в них производственного оборудования оказалось на уровне мировых стандартов.

Если в ВПК реструктуризация шла по линии сокращения избыточных производственных мощностей путем их перепрофилирования в пределах возможного, переориентации его развития на превращение в оборонный промышленный комплекс (ОПК), то в гражданском комплексе предстояло проведение по существу полной технико-технологической модернизации.

В результате во всех странах СНГ произошел общий спад промышленного производства. В целом по Содружеству его уровень в 2000 году составил 60% от уровня 1991 года (для сравнения, спад ВВП – 67,2%). Выпуск промышленной продукции сильнее всего сократился в Грузии, составив в 2000 году всего 24% от уровня 1991 года, в Азербайджане – 35%, Молдавии – 38%, Таджикистане – 42%, Киргизии – 51%, Армении – 56%. В России, Украине и Казахстане снижение объёмов промышленного производства было на уровне среднего значения по Содружеству [10,15]. Наиболее устойчивой к потрясениям оказалась промышленность Беларуси и Узбекистана, т.е. тех стран, где государство сохраняло контроль над значительной частью крупных промышленных предприятий. В 2000 г. уровень промышленного производства в них превысил уровень 1991 года на 2% и 23% соответственно [3, 6].

Изменения в отраслевой структуре производства в наименьшей мере коснулись отраслей ТЭК и некоторых отраслей нижних переделов, продукция которых на протяжении последних десятилетий остаётся неизменно востребованной на внешних рынках, чем поддерживается высокий уровень мировых цен на неё. Все эти обстоятельства привели к возрастанию удельного веса добывающих отраслей, хотя и не столь значительному, если учесть более высокий спад в обрабатывающих отраслях. Например, в России за 1991–2001 гг. производство в добывающей промышленности снизилось на 29%, а в обрабатывающей – на 50% [2].

Тем не менее, можно говорить о деградации макроэкономической структуры, если подходить к ней с точки зрения современных стандартов соотношения отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности, демонстрируемых развитыми странами. К настоящему времени в странах СНГ сделаны лишь первые шаги в преобразовании унаследованной структуры народного хозяйства, позволившие приступить к устранению наиболее очевидных дисбалансов. Но и это имеет важное значение для обеспечения условий экономического роста.

Фактором, весьма затрудняющим процесс реструктуризации индустрии стран СНГ, остается не вполне преодолённый дефицит инвестиционных средств, питаемый следующими обстоятельствами:

– тяжелое финансовое положение большинства предприятий, сложившееся к началу рыночной трансформации и усугубленное обесцениванием основных фондов и оборотных средств под воздействием гиперинфляции начала 1990-х гг.;

– слабость институтов рыночной инфраструктуры и прежде всего – фондовых бирж, что во многом предопределено не завершившимся переделом объектов реального сектора и формированием нового класса собственников и банковской системы, и не набравшей экономической мощи для выполнения присущих ей функций во взаимоотношениях с реальным сектором;

– незначительный по сравнению с внутренними потребностями приток иностранных инвестиций;

– невозможность введения системы ускоренной амортизации ввиду низкого платежеспособного спроса населения;

– нецелевое использование амортизационного фонда в условиях дефицита оборотных средств;

– резкое сокращение инвестиционной деятельности государства[18].

Между тем, потребность национальных экономик стран СНГ в инвестициях огромна. Коренная реструктуризация предполагает преодоление структурных и технологических дисбалансов, выход всем массивом индустрии на уровень современных технологических укладов, соответствующих постиндустриальному развитию, а следовательно, создание принципиально новых видов производств, сбалансированных по критериям рыночной экономики. По существу речь идет о диверсификации экономик, направленной, в том числе, и на преодоление сырьевой ориентации их развития.

Разрушенное индустриальное пространство СССР, сложившееся за десятилетия советской власти, в 1990-е годы, не подлежало восстановлению на прежних условиях. Новое индустриальное пространство СНГ пришлось создавать путем восстановления нарушенных производственных связей на межстрановом уровне в рамках Содружества, то есть уже по ценам мирового рынка. Либо, затратив немало времени, инвестиционных средств и усилий, собственными усилиями создавать в национальной промышленности недостающие звенья производства.

Завершившийся в национальных экономиках СНГ к исходу 1990-х годов трансформационный спад свидетельствовал о начавшемся преодолении унаследованных дисбалансов в процессе превращения ВПК в ОПК, банкротства экономически несостоятельных предприятий, прямого разрушения наименее жизнеспособных из них под воздействием конкурентной борьбы, стремительного развития сферы услуг. Иными словами, правомерно говорить о том, что на пространстве СНГ к началу XXI века трансформационным спадом было высвобождено пространство для становления принципиально иной, рыночной структуры промышленности в индустриальной экономике с помощью, прежде всего, крупного капитала в облике сформировавшихся под воздействием конкурентной борьбы мощных интегрированных бизнес-групп на базе бывших советских монополий. Их усилиями, в совокупности с малым и средним бизнесом, обеспечивается экономический рост не только экспортной ориентации, но и постепенной переориентации на безграничный по ёмкости внутренний рынок Содружества. При этом была неизбежна переориентация на интенсивный экономический рост в границах всех национальных экономик, в целях преодоления технико-технологической гетерогенности унаследованного научно-производственного потенциала, технико-технологической отсталости постсоветской промышленности по сравнению с развитыми странами. Чему в немалой степени способствовала финансовая стабильность в большинстве стран СНГ.

Доминирующей моделью экономического поведения национальных предприятий стран СНГ на протяжении всех 1990-х гг., сохранившейся в полной мере и поныне, явилась ориентация на выживание. Такая модель поведения была порождена, прежде всего, тяжелым финансовым положением большинства из них. Напомним, что около четверти советских предприятий были планово убыточными, а за 1990-е гг. их число возросло до 40%. Основными мотивами такого поведения, его целевой установкой оказались следующие: сохранение профиля и масштабов производства, соответственно традиционных поставщиков и потребителей, сохранение управленческих функций в руках инсайдеров, то есть бывших «красных директоров», путем сосредоточения у них контрольного пакета акций. В разных сферах экономической деятельности стратегия на выживание достигалась разными способами [5].

Так, в институциональной сфере выживание обеспечивалось стремлением не допустить аутсайдеров к управлению предприятием, войти в вертикально интегрированные структуры, складывавшиеся в процессе реорганизации отраслевых министерств и ведомств. Во взаимоотношениях с властными структурами преобладала стратегия лоббирования в целях получе-

ния финансовой помощи, прямых и косвенных субсидий, нефинансовой поддержки и пр. [1].

В области снабжения и сбыта выживанию способствовала ориентация на ранее сложившиеся хозяйственные связи, на поиски новых рынков сбыта, на реструктуризацию ассортимента и сдерживание цен на готовую продукцию, на использование дилерской сети, на налаживание собственной системы сбыта путем создания сети фирменных магазинов, маркетинговых центров.

В сфере занятости в годы формирования контрольного пакета акций преобладало стремление к сохранению трудового коллектива, а по мере завершения данного процесса – постепенное выдавливание лишних работников, главным образом неквалифицированных и преимущественно на добровольной основе, в целях формирования оптимального, с точки зрения потребностей производства, трудового коллектива

Адаптация к финансовым ограничениям осуществлялась путем углубленного внимания к анализу факторов, определяющих соотношение доходов и расходов; путем переориентации на производство рентабельной продукции и сохранение нерентабельной лишь при наличии гарантированного спроса; путем рентоориентированного поведения, то есть поиска субсидий, привилегий, а также регулирования местного рынка с помощью региональных и муниципальных властей; путем уходаиз контролируемогооборота к расчетам наличными, прежде всего по отношению к новым и разовым покупателям, а также широкое использования бартерных сделок, в целях преодоления дефицита оборотных средств и ограниченности платёжеспособного спроса [1].

Между тем, связь финансовой стабилизации и экономического роста не столь проста и однозначна в трансформационной экономике. Важно понять, что финансовая система в 1990-е гг. способствовала «вымыванию» неэффективного производства, ускоряла накопление денежного капитала, а тем самым закладывала предпосылки для последующего экономического роста. И в этом смысле экономический подъем начался отнюдь не случайно и далеко не только за счет конъюнктурных факторов.

Выживанию в инвестиционной сфере способствовала ориентация на реструктуризацию производства и активную инвестиционную политику, что достигалось составлением бизнес-планов и инвестиционных проектов, поиском потенциальных инвесторов под их реализацию, привлечением информационных и консалтинговых фирм, активным налаживанием контактов с отраслевыми и региональными властными структурами и т.д.

Успешному развёртыванию инвестиционной деятельности препятствовали такие факторы, как низкое качество бизнес-планов и инвестиционных проектов, дефицит собственных инвестиционных средств, непривлекательность большинства предприятий для внешних инвесторов, установка на закрытость компании, инвестиционные и прочие риски. Последние весьма многообразны. Прежде всего, это риски, связанные с самим объектом приватизации, на региональном уровне дополняемые рисками, порождаемыми противодействием региональных властей рыночным преобразованиям, в так называемых «красных поясах», экологическими (степень загрязнённости окружающей среды, удорожающая инвестиционные проекты), социальными (наличие беженцев, уровень безработицы, уровень реальных доходов и пр.) рисками, обусловленными слабой адаптацией местного населения к рыночным условиям.

В процессе первичного капиталообразования формировался в постсоветских странах и класс собственников. При этом исторически и логически исходной формой капитала выступала денежная. Но денежный капитал не только по определению не мог появиться в советский период, но и сбережения населения, исчислявшиеся накануне рыночной трансформации в сотни миллиардов рублей, не успели принять форму денежного капитала. Это произошло вследствие их полного обесценивания в условиях гиперинфляции, явившейся следствием экономического кризиса. Так как же происходило зарождение нового класса собственников в постсоветский период?

В 1990-е гг. в связи с провозглашением официального курса на рыночную трансформацию преобразование государственных предприятий в рыночные фирмы приобрело почти массовый характер. Такое преобразование осуществлялось в процессе ваучерной и денежной приватизации государственного имущества. В зависимости от размеров предприятий предусматривались различные способы её проведения, чем и предопределялись вновь складывавшиеся формы собственности на объекты реального сектора, а соответственно и типы предприятий. Вновь возникшие формы

совместной собственности были представлены акционерными обществами закрытого и открытоготипа, кооперативами, товариществами. Мелкие предприятия, приобретённые на аукционах, оказались в индивидуальной собственности, основанной на собственном или наёмном труде [12].

Между тем, процесс преобразования отношений государственной собственности в национальных экономикахстран Содружестване завершён и по прошествии пятнадцати лет приватизации, вследствие чего наряду с частными предприятиями сохраняются государственные, региональные и муниципальные, далёкие от требований рыночной экономики. К настоящему времени, например в России, в федеральной собственности остаётся более 9700 предприятий, а более чем на 4000 предприятий государствовладеет пакетом акций. Отметим, что к настоящему времени в российской экономике преобладают предприятия и организации, находящиесяв частной собственности. В 2007 г. их удельный вес в общей численности составлял 80,7 %. Однако, при этом в негосударственной собственности было сосредоточенолишь 58 % стоимости основных фондов [2, 13].

Особое место, к примеру, среди российских промышленных структур занимают естественные монополии, к числу которых относятся РАОГазпром, РАОЕЭС, МПС и близкие к ним Транснефть, Минатом и др. Естественные монополии подлежат реструктуризации путем выделения из их состава конкурентного сектора или генерирующих компаний. Целью такой реструктуризацииявляется повышение эффективности их деятельности на основе их частичной демонополизации, укрепление конкурентной среды, упорядочение цен на продукцию этих монополий. По мере преобразования постсоветских предприятий в рыночные структуры весьма актуально регулированиегосударствомэтого процесса, коль скоро именно оно выступает в качестве макроэкономического субъекта, призванного учитывать общенациональные интересы, придать социальную направленность экономическомуросту в процессе становления макроэкономической структуры. В тесном взаимодействии с властными структурами заинтересован и национальный капитал стран СНГ, так как, с одной стороны, слишком сложные проблемы стоят перед ним внутри страны, с другой – в условиях глобализации ему в одиночку не выстоять в конкурентной борьбе с давно сложившимися мощными ТНК, являющимися лидерами мировой экономики [5].

Исторически сложилось так, что наиболее быстро становление промышленного капитала в странах СНГ началось в экспортоориентированных отраслях, где в первую очередь и сформировались очаги рыночной экономики, сложились суперсовременные рыночные структуры. Вследствие роста мировых цен на энергоносители, продукцию металлургии, химической промышленности данные комплексы избежали сокрушительного экономического обвала, аналогичного другим отраслям гражданского промышленного комплекса даже в условиях резкого сокращения внутреннего рынка.

На фоне массового разорения предприятий обрабатывающей промышленности резко возрос удельныйвес отраслей ТЭК, что означало деградацию структуры народного хозяйства в целом. Такое возрастание произошло под действием рыночной среды: именно этот комплекс оказался наиболее конкурентоспособным в условиях внешней открытости благодаря высоким ценам на мировом рынке на энергоресурсы, равно как и на продукцию отраслей первого передела. Тем не менее, производственноеоборудованиеустарело и в экспортоориентированныхотраслях. К тому же данный комплекси поныне не утратил своей особой значимости в национальных переходныхэкономикахнекоторыхстран СНГ (Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан) в качестве донора для их обрабатывающей промышленности, для решения сложных социальных проблем, для оздоровления финансового положения.

Благоприятно сложившаяся для отраслей ТЭК России, Казахстана, Азербайджана, Узбекистана и Туркменистана экономическая ситуация накануне рыночных преобразований способствовала превращению этого комплекса в «клондайк», подвергшийся приватизации ещё до официальногоеё провозглашения – путем простого преобразования отраслевых министерств и ведомств в рыночные структуры, что позволило превратить объекты данного комплекса в промышленный капитал, минуя столь затяжную предварительнуюстадию формирования денежного капитала. Присвоение наиболее экономически привлекательных объектов было успешно продолжено и в годы рыночного реформирования.

Хотя сокращение производства имело место и в добывающих отраслях, но оно было несопоставимым с сокращением в обрабатывающей промышленности, вследствие чего доля добывающей промышленности почти сравнялась с обрабатывающей в общем объёме промышленной продукции. Однако альтернативы такому сценарию развития по существу не было – разорение предприятий гражданского промышленного комплекса было предопределено их технико-технологической отсталостью. Исключением явились отрасли вполне конкурентоспособного ВПК, ныне весьма успешно восстанавливающего свои позиции на мировых рынках.

Всё это однако не означает, что такая ситуация должна быть законсервирована. Ведь финансовые предпосылки для структурных и технологических преобразований не во всех странах СНГ были созданы ВПК и ТЭК. Ныне обрабатывающая промышленность многих стран Содружества уже самостоятельно – медленно, но верно – накапливает для своего возрождения собственные инвестиционные источники и начинает выходить из экономического кризиса (Россия, Беларусь, Украина, Армения, Узбекистан, Туркменистан).

Только за период 2001–2005 гг. промышленное производство в среднем по СНГ увеличилось почти в 1,4 раза. Выше, чем в среднем по странам Содружества, возросло производство в Молдове и Таджикистане (в 1,7 раза), Азербайджане, Казахстане и Украине (рост в 1,6 раза), Армении, Беларуси, Грузии и Узбекистане (в 1,5 раза). В Кыргызстане, в результате снижения производства в 2002 году (на 11%) и в 2005 году (на 12%), прирост производства в промышленности за последующие пять лет по сравнению с 2000 годом составил лишь 1% [15].

Реструктуризация индустрии СНГ предполагает преодоление технологических дисбалансов с ориентацией на современный технологический уклад, на повсеместный переход к постиндустриальному этапу развития производительных сил. Решение данной проблемы чрезвычайно сложно в условиях технологической отсталости гражданского промышленного комплекса, характеризующегося высоким удельным весом физически устаревшего производственного оборудования, вследствие завышенного в советский период среднего срока его службы, превышавшего уровень 20 лет. Для сравнения, в развитых странах он не превышал, для индустриального этапа, 9–11 лет. Степень износа оборудования в промышленности стран СНГ оказалась на уровне 50%, а в отдельных отраслях – свыше 70% [13].

И в настоящее время продолжается активный процесс преобразования бывших советских монополий в облике отраслевых министерств, ПО и НПО в суперсовременные рыночные структуры (корпорации, холдинги, ассоциации, альянсы и прочие) в процессе раздела и передела объектов собственности и становления корпоративного управления. Вновь формирующимися интегрированными корпоративными структурами обеспечивается экономический рост, сопровождающийся структурной перестройкой народного хозяйства в отраслевом, секторальном и региональном аспектах. Набирая экономическую мощь, они действуют всё более энергично, в соответствии с законодательством, позволяющим в полной мере развернуть самостоятельную частнопредпринимательскую деятельность, руководствуясь при этом сугубо рыночными критериями эффективности функционирования промышленного капитала.

Важным фактором экономического роста становится также растущий профессионализм менеджмента национальных компаний стран СНГ, агрессивность отечественного бизнеса в борьбе с импортом за внутренний рынок, успешное продвижение конкурентоспособных национальных товаров на внешний, при всё растущей ориентации на внутренний, рынок, прежде всего – потребительский. Однако лидерами экономического роста, по-прежнему, являются экспортоориентированные отрасли, на долю которых приходится наибольший прирост инвестиций [10].

Начавшийся в конце 1990-х – начале 2000 гг. в странах СНГ экономический рост принято было, особенно на первых порах, объяснять едва ли не исключительно действием конъюнктурных факторов, имея в виду рост мировых цен на сырьевые и энергоресурсы и протекционистский эффект девальвации национальных валют. Они действительно являются временными – такова их природа, из которой следует исходить при определении приоритетности в рамках национальной экономики тех или иных отраслей и их места в формирующейся, едва ли не заново, макроструктуре. Однако они дали положительный и отнюдь не временный эффект, не говоря уже о том, что сырьевые отрасли, а также отрасли первого передела весьма успешно справлялись со своей функцией

донора для обрабатывающей промышленности на протяжении всех 1990-х гг., а это отнюдь не краткосрочный, а тем более – не разовый эффект. Получив инерцию экономического развития, отрасли-реципиенты показывают явные признаки своего выздоровления.

К числу конъюнктурных факторов отнесена и девальвация национальной валюты, обладавшая мощным протекционистским эффектом. Под её воздействием хотя и временно, но резко сократился импорт иностранных товаров, что позволило вернуться на внутренний рынок стран СНГ национальному производителю. Благоприятные стартовые условия способствовали укреплению позиций национальных предприятий, набравших инерцию развития, способность противостоять конкурентам извне.

Иными словами, даже конъюнктурные факторы оказались не столь краткосрочными по своему воздействию на национальную индустрию стран СНГ. Инерция экономического развития сохранилась на многих предприятиях и в периоды ухудшения ситуации на мировых рынках. Вновь сформировавшийся класс собственников и при иных, менее благоприятных обстоятельствах учился отыскивать факторы экономического роста по той простой причине, что без накопления капитала с таким трудом приобретенный статус собственника сохранить невозможно.

В силу всех этих обстоятельств, произошедшие за годы рыночных преобразований институциональные изменения в реальном секторе экономики представляются необратимыми, равно как и непрерывно продолжающийся в начале XXI века экономический рост – отнюдь не иллюзорное явление в странах СНГ, где за прошедшее десятилетие сотни тысяч предприятий реального сектора обрели дееспособного собственника.

Немаловажное значение имеет и фактор политической стабилизации в странах Содружества, готовности и способность новых властных структур действовать в интересах крупного, малого и среднего бизнеса, проводить реформы, направленные на оздоровление инвестиционного климата, успешно бороться с криминалом и, прежде всего, в области экономической деятельности. Понимать значимость и необходимость разработки долгосрочных программ, поддерживать постоянный деловой контакт с крупным капиталом, гарантировать защиту его интересов, успешно и последовательно проводить социальную политику по мере оздоровления государственных финансов и активизации частнопредпринимательской деятельности в этой области.

Всё это образует необходимые предпосылки для устойчивого экономического роста. Можно даже предположить, что неизбежное в будущем снижение цен на сырьевые ресурсы на мировом рынке явится фактором переориентации сырьевых отраслей и отраслей первого передела на потребности национальной индустрии и капитала, на развитие национальных обрабатывающих отраслей, с увеличением доли продукции которых в структуре ВВП связывается преодоление унаследованных дисбалансов в макроструктуре народного хозяйства стран Содружества.

Известно, что экономический рост обеспечивается промышленным капиталом, функционирующим в реальном секторе национальной экономики. В зависимости от сферы приложения он выступает в облике малого, среднего или крупного бизнеса, основой каждого из которых являются соответствующие формы собственности – как индивидуальной, так и совместного присвоения объектов этого сектора.

Миссия национального промышленного капитала стран СНГ не менее сложна, чем осуществление индустриализации заново, как это было на этапе становления рыночной экономики в ныне развитых странах. Она состоит в завершении индустриализации и повсеместном переходе на постиндустриальный этап развития национальных экономик. Этот процесс идёт по законам капиталистической рыночной экономики, реализующимся в ходе конкурентной борьбы стихийно или под воздействием регулирующей деятельности институтов рыночной инфраструктуры и государства, как макроэкономического субъекта, обладающего широким арсеналом средств влияния на частнопредпринимательскую деятельность.

Вследствие масштабов проблемы, её исторической значимости, долгосрочного характера осуществления, актуализируется проблема разработки национальной экономической наукой концепций глобальной реструктуризации национальной индустрии как теоретической основы долгосрочных программ преобразований. Такие программы могли бы послужить своеобразным компасом в инвестиционной деятельности предпринимателей, ориентирующим их на наиболее перспективные сферы приложения капитала, с точки зрения экономических интересов, как частного капитала,

так и нации в целом. Потребность в таких программах особенно велика в условиях, когда государство не набрало достаточного опыта хозяйствования в рыночной среде, тем более – для решения столь ответственной и сложной проблемы без широкого привлечения научного потенциала [9].

Идеологи государственной экономической политики отдельных стран СНГ считают возможным полагаться не только на «невидимую руку рынка», но и на возможность «искусственно выращивать» кластеры. Например, в России над созданием концепции кластерной политики, помимо учёных, трудились специалисты Минэкономразвития, а в территориальном измерении – специалисты Минрегионразвития. Отдельные составляющие этой концепции разрабатывались в Академии народного хозяйства и в консалтинговой компании Bauman Innovation.

Окончательный вариант «Концепции развития территориальных производственных кластеров» был передан в правительство, но пока он не принят к исполнению. Очевидно, работа над концепцией будет продолжена силами рабочей группы Госсовета по комплексному социально-экономическому планированию развития регионов.

В Казахстане запущен проект диверсификации экономики через создание кластеров. Подобные явления имеют место и в Украине, Беларуси, Кыргызстане, Узбекистане и Туркменистане.

При таких предпосылках механизм конкурентной борьбы, регулирующий деятельность нового класса собственников, вкладывающих свой капитал в реальный сектор экономики, играет по существу решающую роль. И, как показывает опыт последних лет реформирования, промышленный капитал успешно справляется со своей функцией: экономический рост распространяется на всё более перспективные, с точки зрения НТП, отрасли национальной индустрии стран СНГ, захватывая всё большее число регионов. Важно и то, что по мере исчерпания потенциала восстановительного роста инвестиционная деятельность приобретает инновационный характер, тем самым восстанавливается свойственное циклическому развитию воспроизводственного процесса сочетание экстенсивного и интенсивного экономического роста.

И всё же, главным препятствием индустриального возрождения промышленности стран СНГ остаётся дефицит инвестиционных средств, неоднозначность политики государства в отношении крупного бизнеса, всё ещё низкий, хотя и стремительно растущий платёжеспособный спрос населения, выступающий важнейшим фактором экономического роста. Так, доля фонда заработной платы в российском ВВП даже с учётом теневой экономики в начале 2000-х гг. составляла не более 25%, в то время как в США этот же показатель был равен 60–62% [12]. Таков эталон современной социально ориентированной рыночной экономики постиндустриального развития, осваивать который странам СНГ ещё предстоит

Отметим также, что рост реальных доходов населения выступает фактором консервации экспортной ориентации национальных экономик в условиях, когда значительная, и к тому же растущая часть потребностей в потребительских товарах и, прежде всего, в товарах длительного пользования, удовлетворяется преимущественно за счет их импорта.

Возвращаясь к роли государства в условиях формирования рыночной экономики отметим, что значимость государственного механизма регулирования в становящихся рыночными национальных индустриях не упраздняется. Она усиливается и тем, что в высокомонополизированных отраслях промышленности стран СНГ унаследовано, и далеко не преодолено поныне, крайне неравномерное соотношение производственных секторов, с точки зрения их структуры Это находит выражение в соотношении военного и гражданского комплексов, добывающей и обрабатывающей, тяжёлой и лёгкой промышленности, в соотношении отраслей внутри комплексов (ВПК, ТЭК, АПК и пр.) [5].

В заключение отметим, что в экономиках стран Содружества только закладываются основы разграничения функций рыночного и государственного механизмов, где рыночным механизмом решаются проблемы устойчивого экономического роста, а государственное регулирование имеет решающее значение для реструктуризации народного хозяйства, гармонизации в процессе её осуществления интересов частного бизнеса и национальной экономики в целом. По мере сокращения государственного долга стран СНГ активизируется инвестиционная деятельность и самого государства как макроэкономического субъекта. Последнее обстоятельство порождает особые направления его деятельности: формиро-

вание облика макроэкономической структуры индустрии в её отраслевом, секторальном, региональном аспектах, выравнивание технико-технологической оснащенности отраслей национальной экономики и конкурентоспособности их продукции на мировом рынке.

Библиографический список

1. Алпатов А.А. Управление реструктуризацией предприятий / А.А. Алпатов. – М., 2000.
2. Беларусь и Россия. 2002. Статистический сборник. – Минск, 2002.
3. Гафарлы М.С. Узбекская модель развития: мир и стабильность – основа прогресса / М.С. Гафарлы, А.Ч. Касаев. – М.: Дрофа, 2000.
4. Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. – М.: Наука, 1990.
5. Государственное регулирование национальной экономики: учебное пособие / Е.В. Самофалова, Э.Н. Кузьбожев, Ю.В. Вертакова; под ред. д-ра экон. наук, проф. Э.Н. Кузьбожева. – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2006. – С. 185–214.
6. Дмитракович Ф.А. Международная конкурентоспособность Республики Беларусь. «Белорусская экономика: анализ, прогноз, регулирование (экономический бюллетень)» ГНУ «НИЭИ Министерства экономики РБ». – 2003. – № 5.
7. Душенко В.В. Система развития Республики Молдова и её участие в международных экономических отношениях: Автореф. Дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2002 (ДА МИД РФ).
8. Кочетов Э. Г. Освоение мирового экономического пространства: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2006. – С. 261–263.
9. Национальная экономика: учебник / Под ред. П.В. Савченко. – М.: Экономист, 2006. – 813 с.
10. Проблемы постсоветских стран. ИМЭПИ РАН. – М., 2000, 2001, 2002, 2003. Вып. 1–4.
11. Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. – М.: Экономика, 1999. Гл. 17.
12. Региональная экономика: Учебник / Под ред. В. И. Видяпина и М. В. Степанова. – М.: ИНФРАМ, 2007. – 666 с.
13. Россия в цифрах. 2007: Крат. стат. сб. / Росстат–М., 2007. – 495 с.
14. Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнёрство / Под ред. Р. Авакова, А. Лисова. – М., 2000.
15. Содружество Независимых Государств в 2005 г. Краткий справочник / Статкомитет СНГ. – М., 2006. – 440 с.
16. Социально-экономическое положение Туркменистана за 2000 год / Национальный институт государственной статистики и информации Туркменистна. – Ашгабат, 2001.
17. Трансформационная экономика России: Учеб. Пособие / Под ред. А.В. Бузгалина. – М.: Финансы и статистика, 2006. – С. 63–89.
18. Экономика переходного периода: учеб. пособие для студентов, обучающихся по направлению «Экономика» и др. экон. специальностям / Е.В. Красникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Омега-Л, 2006. – 341 с.
19. Экономика России и других постсоветских стран: учеб. Пособие / под ред. А. С. Булатова. – М.: Экономистъ, 205. – С. 209–379.

Е.А. Машурова
(г. Смоленск)

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ БЕЛАРУСИ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО[1]

Mashurova E.A.

NATIONAL INTERESTS OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND ITS REGIONAL COOPERATION

The article provides the analysis of the national interests of The Republic of Belarus, special attention is given to the regional cooperation as a means of the realization of the national interests.

Республика Беларусь расположена в Центральной и Восточной Европе на пересечении интересов ЕС и России, причем как новые члены ЕС (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Латвия, Литва, Эстония), так и Россия имеют с ней прочные экономические и культурные связи. Белоруссия также имеет тесные взаимоотношения со странами Черноморского бассейна, прежде всего Украиной и Молдовой, бывшими республиками СССР, которые стремятся эффективно интегрироваться в европейское пространство. Транзитное положение налагает значительную «региональную ответственность», а исторический опыт белорусского народа основан на понимании бессмысленности и пагубности конфликта между Востоком и Западом [12].

После распада СССР в Республике Беларусь предпринимаются попытки сформулировать национальные интересы, очертить место и роль страны в международной системе координат, выработать принципы, цели, задачи внешней политики, внешнеэкономические и внешнеполитические приоритеты. Развитие концептуальных основ белорусской внешней политики интересовало российских и белорусских исследователей: Г. Василевича, В. Мельника, С. Решетникова, А. Слуки, Я. Яскевича. За рубежом данную проблему активно изучали А. Зам, А. Лоренц, Р. Линднер, Х. Тимерманн, Ю. Гетте, Х.-Л. Фёрстер, А. Рар. При разработке внешнеполитических приоритетов принимались во внимание особенности современной системы международных отношений, модели внешнеполитического самоопределения других постсоветских государств, опыт государственного строительства Республики Беларусь начиная с 1991 г. [11].

Структура национально-государственного интереса включает сохранение территориальной целостности, защиту конституционного строя, сохранение системы ценностей, военную, энергетическую, экологическую, цивилизационную безопасность, суверенитет в принятии решений по вопросам внутренней и внешней политики, экономическое развитие и благосостояние населения, а также благоприятное международное окружение. Реализация национально-государственных интересов невозможна без активного взаимодействия с другими субъектами международных отношений. Геополитическое положение, исторический опыт, культурные традиции, научно-технический, экономический и интеллектуальный потенциал Беларуси создают благоприятные предпосылки для ее успешной интеграции в мировое сообщество. К основным внешнеполитическим приоритетам Беларуси относят внешнеэкономическую деятельность и международное экономическое сотрудничество, международное военное сотрудничество, международную безопасность, гуманитарное сотрудничество и права человека; трансграничное сотрудничество. Среди основных вызовов безопасности Беларуси – ограничение доступа к ресурсам, внешнеполитическая и внешнеэкономическая изоляция страны, потеря конкурентоспособности на внешних рынках, борьба с организованной преступностью, угроза культурной ассимиляции.

[1] Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Восприятие и оценка российско-белорусских отношений населением российско-белорусского приграничья». 08-03-03203 е/р.

Согласно Концепции национальной безопасности, в силу независимой внешней и внутренней политики Республика Беларусь является объектом политического и иного давления со стороны США и других государств– членов НАТО[7]. Важнейшим фактором внешней безопасности Беларуси является ее союз с Российской Федерацией.

Интеграционный процесс России и Беларуси имеет значительную нормативно-правовую базу, основой которой служит Договор о создании Союзного государства Подписанию этого договора предшествовало образование в 1996 г. Сообщества России и Беларуси, а в 1997 г. – Союза Беларуси и России. Договор о создании Союзного государства направлен на развитие демократии, создание единого экономического пространства, соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина, проведение согласованной внешней политики и политики в области обороны, формирование единой правовой системы демократического государства, проведение согласованной социальной политики, обеспечение безопасности Союзного государства и борьбу с преступностью, укрепление мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества в Европе и во всем мире, развитие Содружества Независимых Государств[6].

Союзное государство (СГ) выполняет ряд важных функций на постсоветском пространстве: во-первых, эта модель сотрудничества является альтернативой СНГ; во-вторых, оно способствует повышению статуса России в условиях расширения НАТО и разрыву «санитарного кордона» вокруг нее; в-третьих, практический пример реализации идеи «славянского союза» как носителя уникальной культуры; в-четвертых, Россия укрепляет свои позиции в диалоге с Польшей; в-пятых, улучшается ситуация вокруг Калининградской области.

Интеграционная политика в регионе пользуется значительной поддержкой населения обеих стран. Так, по данным проведенного исследования, 62% опрошенных россиян и 58% белорусов считают, что у России и Белоруссии общая историческая судьба; 55% интервьюируемых россиян и 51% белорусов находятся в курсе текущих событий в соседней стране. В основе интеграции респонденты выделили ряд факторов экономического, социокультурного характера, а также обеспечение безопасности: экономическую целесообразность подчеркнули 35% опрошенных россиян и 40% белорусов; обеспечение безопасности выделили 21% россиян и 25% белорусов; принадлежность к единой цивилизации указали 17% россиян и 14% белорусов. Высокая заинтересованность населения в развитии экономических связей служит хорошей основой для укрепления российско-белорусской интеграции. Интерес к обеспечению безопасности отражает озабоченность населения последними внешнеполитическими событиями (конфликт в Грузии, размещение элементов ПРО в Польше, решение России разместить комплексы «Искандер» в Калининградской области). Укрепление российской государственности, успехи социально-экономического развития, уважение позиции России на международной арене, ее активная внешняя политика, направленная на защиту своих национально-государственных интересов, создание нового российского имиджа «сильного» государства являются дополнительными привлекательными факторами интеграции для населения обеих стран.

Для Беларуси СГ означает успешное экономическое развитие и политическую стабильность. Интеграционные процессы в рамках СГ способствуют проведению рыночных и демократических реформ, улучшению условий ведения бизнеса; противодействию незаконной миграции, контрабанде наркотиков, терроризму и пр. Признавая разный потенциал развития государств, Республика Беларусь выдвинула принципиальное условие сохранения государственного суверенитета и независимости, территориальной целостности, статуса полноправного субъекта международного права. Белорусская сторона настаивает на том, что белорусско-российский союз должен представлять собой не «поглощение» одним государством другого, а добровольное объединение равноправных субъектов международных отношений[4]. Сотрудничество в рамках Союзного государства подкреплено значительной нормативно-правовой базой, однако не все правовые акты полностью реализуются на практике. Это связано с такими причинами, как бюрократические проволочки, столкновение интересов политических элит, экономические трудности и т.д.

Исследователей интересует вероятное развитие российско-белорусских отношений, так, О.В. Бахлова рассматривает четыре основных варианта. Согласно первому, углубление интеграции и создание Союзного государства произойдет в отдаленной перспективе (либо в рамках двусубъектной федерации, либо в форме

«поглощения» Белоруссии Россией). Во-вторых, существует вероятность конфедеративного характера российско-белорусского объединения. В-третьих, под давлением внешних факторов таких, как давление со стороны других государств, успех иного интеграционного объединения, или под влиянием внутренних причин (смена правящей элиты) может произойти ухудшение межгосударственных отношений. Логичным следствием в такой ситуации будет переориентация Белоруссии на другой интеграционный центр – ЕС [1; 78]. Развитие событий будет зависеть от ряда причин: соблюдения равноправия, перевода отношений на прагматичную рыночную основу, успехов экономической интеграции; расширения круга интеграционных агентов. Помимо этого, необходимо совершенствовать законодательную базу Союзного государства (за это высказались 25% опрошенных россиян и 23% белорусов); развивать договорные отношения (поддержали 30% россиян и 37% белорусов); продолжать работу в области унификации и оптимизации системы налогообложения (14% россиян и 38% белорусов), бороться с коррупцией (25% россиян и 20% белорусов). Для оптимизации интеграционных процессов нужно параллельно с созданием Союза, в рамках двусторонних отношений, координировать усилия «по встраиванию государств в мировую и общеевропейскую структуру» [13].

Другим важным направлением белорусского внешнеполитического сотрудничества является сотрудничество с ЕС. Законодательной основой этого сотрудничества является Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (1995 г.). До вступления в силу СПС между ЕС и Белоруссией регулирование торгово-экономических осуществлялось на основе Временного соглашения о торговле (1996 г.). В результате введения Евросоюзом ограничений на сотрудничество с Беларусью (1997 г.), вызванные референдумом 1996 г. о внесении изменений в Конституцию Белоруссии, процесс развития и укрепления отношений был приостановлен.

Тем не менее, ЕС является вторым после Российской Федерации торговым партнером Беларуси, на долю которого приходится более 17% общего объема товарооборота Беларуси и 45% со странами вне СНГ [2]. Ценность Беларуси, как экономического партнера ЕС, во многом определяется возможностями использования белорусского экономического пространства для проникновения на российский рынок товаров и услуг. В этой связи разрушение зоны свободной торговли Беларуси и России в настоящее время противоречит интересам ЕС [9; 94]. Очевидно, что нынешний белорусский режим является главной причиной торможения эффективного полномасштабного сотрудничества между ЕС и Белоруссией и изоляции страны. По этой причине «Минск так и не стал региональным лидером – центром притяжения экономических, транзитных, культурных, а также политических коммуникаций, уступив эту роль вступившему в ЕС Вильнюсу» [10]. К тому же ЕС, выстраивая свою стратегию в отношении Белоруссии, не может не принимать во внимание стремление России и Белоруссии развивать Союзное государство. Европейские исследователи полагают, что нынешний политический режим в Белоруссии опирается на российскую поддержку, для которой выгодно отсутствие диверсифицированной внешней политики Белоруссии.

Последнее расширение ЕС усложнило развитие трансграничного сотрудничества между Белоруссией, Польшей, Литвой. Белоруссия заинтересована в упрощении визового режима, что необходимо для нормального развития связей и контактов между странами [8]. В 2007 г. введен «новый инструмент политики соседства», направленный на интенсификацию трансграничного и регионального сотрудничества, как в решении внешнеполитических задач, так и для усиления экономических и социальных взаимоотношений. ЕС заинтересован в развитии и совершенствовании пограничной инфраструктуры, усилении борьбы с незаконной миграцией, наркотрафиком, в совершенствовании транзитной инфраструктуры.

Экономический фактор вызвал потепление в отношения между ЕС и Белоруссией, которое произошло в 2003 г. в связи с открытием в республике офиса ОБСЕ и восстановлением полномочий Национального собрания Республики Беларусь в Парламентской Ассамблее ОБСЕ. В 2003 г. Европейская комиссия начала реализацию Европейской политики соседства (ЕПС), однако эта политика осуществляется в отношении Белоруссии не в полном объеме. В рамках ЕПС политики Беларусь приглашена к участию в трех программах – «Балтийское море», «Латвия – Литва – Беларусь» и «Польша – Украина – Беларусь». Беларусь допущена и к преимуществам, предусмотренным программой «Европейский инструмент партнерства и добрососедства» – ЕИПД (European Neighbourhood

and Partnership Instrument – ENPI), которая является важнейшим средством реализации ЕПС и с 2007 г. заменяет программу ТАСИС [14]. Плюсы же политики соседства являются преимущественно декларативными: признание особого статуса отношений ЕС с Беларусью как страной-соседом; использование регионального подхода в налаживании сотрудничества с западными странами СНГ путем подключения России, для которой политика соседства является лишь малой частью стратегического партнерства с ЕС. Однако для Беларуси это означает возможность через Россию и региональное сотрудничество улучшить, по крайней мере, экономические отношения с расширенным ЕС [5].

Пытаясь минимизировать негативные последствия в политической сфере, и пользуясь своим геополитическим и географическим положением, Белоруссия стремится развивать региональное сотрудничество со своими соседями, делая основной акцент на трансграничном сотрудничестве как одной из форм межгосударственной интеграции. В основе трансграничного сотрудничества лежат интеграционные процессы в пограничье, проявляющиеся через кооперацию труда. Одним из лидеров этого сотрудничества является Польша. Так, по результатам внешней торговли в январе-ноябре 2007 года, Польша входит в тройку основных торговых партнеров Беларуси вне стран СНГ – после Нидерландов и Германии [2]. Страны делают основной акцент на развитие трансграничного сотрудничества, в рамках которого функционирует Еврорегион «Буг» (создан в 1995 г.). В него входят Брестская область (Беларусь), Люблинское воеводство (Польша), Волынская область (Украина). А также на правах ассоциированных членов – два района Львовской области (Украина). С июня 1996 года Еврорегион «Буг» является членом Ассоциации европейских приграничных регионов. Сотрудничество охватывает все виды деятельности: экономическую, социокультурную, политическую, и т.д.

Активно развивается трансграничное сотрудничество между Россией и Беларусью. Так, Смоленская область, для которой Беларусь занимает первое место по объему экспорта, импорта и внешнеторгового оборота, имеет соглашения о сотрудничестве с Брестской, Минской, Гродненской, Витебской, Могилевской, которые охватывают сферы торговли и услуг, промышленности, сельского хозяйства, межрегиональной хозяйственной кооперации между предприятиями, охраны природы и окружающей среды, образования, науки и культуры, туризма и спорта.

Особенно активно развивается сотрудничество в области образования: действует Ассоциация приграничных вузов Беларуси и России, создан Российско-белорусский университет, развиваются двусторонние связи между вузами приграничных регионов (ВГУ им. Машерова имеет договор о сотрудничестве со Смоленским гуманитарным университетом, в стадии обсуждения находится договор со Смоленским госуниверситетом) [3]. В основе образовательного сотрудничества лежит межправительственное соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях (1996 г.), межправительственное соглашение о сотрудничестве в области культуры, образования и науки (1995 г.), а также Концепция развития системы образования, подготовки и переподготовки кадров. Актуальность тесного образовательного и научно-технического сотрудничества обусловлена необходимостью создания прочных и взаимовыгодных связей для сохранения и развития научного потенциала двух стран, улучшения качества, предоставляемых образовательных услуг.

В заключении необходимо отметить, что реализация национально-государственных интересов любого государства возможна только лишь при взаимодействии с другими государствами. Политическая изолированность современного белорусского государства мешает реализовывать национально-государственные интересы в полном объеме, однако, выходом из сложившейся ситуации может служить дальнейшее развитие интеграционных процессов в рамках СГ и активное региональное сотрудничество с ЕС.

Библиографический список

1. Бахлова О.В. Политические механизмы и технологии российско-белорусской интеграции: дис. ... док. пол. наук 23.00.02 – Москва, 2007. – С. 78.
2. Внешняя торговля товарами Республики Беларусь в 2007 г. http://www.mfa.gov.by

3. Голесник С. Диплом с видом на жительство / С. Голесник // Российская газета – 27 марта 2008. – №352 //http://www.
4. Григорьев В.В. Внешнеполитические и внешнеэкономические приоритеты Республики Беларусь в контексте строительства Союзного государства / Григорьев В.В. – М., 22 мая 2003 года //http://www.materik.ru
5. Вороттцкая В. Политика соседства Европейского союза: проблемы для Республики Беларусь // Белорусский журнал международного права и международных отношений 2004 – № 2 http://evolutio.info/
6. Договор о создании Союзного государства Белоруссии и России.//Российская газета, 8 декабря 1999// http://www.rg.ru/oficial
7. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь от 17 июля 2001 г. – № 390 http://pravo.by
8. Лойша Д. Республика Беларусь после расширения Европейского союза: Шенгенский процесс и концепция соседства /Д. Лойша // Белорусский журнал международного права и международных отношений – Минск, 2004 — № 2// http://evolutio.info/
9. Россия – Евросоюз – страны СНГ: экономические и политические отношения на пространстве общего соседства/ Глинкина С.П. Вардомский Л.Б. Косикова Л.С. – Москва, 2007. – С. 94.
10. Суздальцев А. Транзитный статус / А. Суздальцев // Wider Europe 2005–2006: Избранные публикации международного Интернет-портала. Выпуск 2. – Wider Europe Publishers, 2006. – С. 46.
11. Улахович В. Становление и развитие концептуальных основ внешней политики Республики Беларусь: источники и историография// Журнал международного права и международных отношений 2007 — № 2 http://evolutio.info/
12. Челядинский А.А. Теория международных отношений: курс лекций для студентов гуманитар. специальностей БГУ. – Минск: БГУ, 2004.
13. Шарапо А. Беларусь и Россия в XXI веке /А. Шарапо // Журнал международного права и международных отношений – Минск. – 2007 — № 2// http://evolutio.info/
14. Wider Europe-Neighbourhood: Documents http://europa.eu.int

Мажар Л.Ю., Щербакова С.А.
(г. Смоленск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

Mazhar L.Yu., Shcherbakova S.A.

REGIONAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF TOURISM

ПО ИТОГАМ V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТУРИЗМ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ» (Смоленск, 9–10 октября 2008 г.)

Влияние туризма на развитие регионов стало центральной темой конференций регулярно, один раз в два года, проводимых в Смоленске. 9–10 октября 2008 г. на базе Смоленского гуманитарного университета состоялась V Международная научно-практическая конференция «Туризм и региональное развитие». Учредителями данной конференции являются международные и национальные организации, учебные заведения: Европейская ассоциация образовательных учреждений в сфере туризма (ATLAS, Нидерланды), Международная туристская академия, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Непосредственные организаторы конференции – Администрация Смоленской области, Администрация города Смоленска и Смоленский гуманитарный университет.

Необходимо отметить, что очередная (пятая) международная конференция «Туризм и региональное развитие» – это своеобразный юбилей, так как завершился десятилетний цикл сотрудничества в рамках данной конференции и значительная часть постоянных участников конференции продолжает творческое и научное общение, формируя сообщество специалистов, заинтересованных в решении проблем развития туризма как в нашей стране, так и за рубежом.

Научный комитет по традиции возглавляет один из основоположников рекреационной географии и туризма, доктор географических наук, профессор, директор Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева Веденин Юрий Александрович. В составе Научного комитета конференции были видные отечественные и зарубежные ученые. Организационный комитет конференции, куда вошли представители Администрации Смоленской области, Администрации города Смоленска и Смоленского гуманитарного университета, работал под председательством заместителя губернатора Смоленской области Окунева Ольги Владимировны. Такое внимание к научному мероприятию со стороны региональных администраций было связано с тем, что Международная научно-практическая конференция «Туризм и региональное развитие» является одним из ключевых мероприятий Программ развития туризма в Смоленской области и городе Смоленске.

К началу работы конференции при финансовой поддержке Администрации Смоленской области и Администрации города Смоленска был издан сборник научных статей «Туризм и региональное развитие» (Выпуск V) (Смоленск: Изд-во «Универсум», 2008. – 616 с.), в который вошли материалы на русском и английском языках, представленные нашими соотечественниками и зарубежными авторами.

Решение научных и прикладных проблем регионального развития возможно лишь в тесном сотрудничестве ученых и практиков, работников учебных заведений и представителей органов власти. Пятая международная научно-практическая конференция «Туризм и региональное развитие» показала, насколько велик интерес к поставленной проблеме. Непосредственное участие в работе конференции приняли ученые и специалисты-практики из различных регионов России и зарубежных стран (Болгарии, Польши, Эстонии, Монголии, Казахстана, Украины и Беларуси). На пленарном заседании были представлены доклады ведущих ученых по наиболее актуальным проблемам развития туризма: «Основные закономерности развития культурного ландшафта как объекта наследия» (профессор Веденин Ю.А., г. Москва); «Участие Союзного государства в развитии сферы туризма Беларуси и России» (начальник отдела социальной политики Постоянного Комитета Союзного государства И.И Янович., г. Москва); «Пространственная организация мирового туристского рынка» (профессор Александрова А.Ю., г. Москва); «Проблемы научного обеспечения туристского процесса в Российской Федерации» (вице-президент Международной туристской академии Путрик Ю.С., г. Москва); «Проблемы развития регионального туризма» (член Международной туристской академии Караневский П.И., г. Москва); «Инновационные процессы в туризме» (член Международной туристской академии Новиков В.С., г. Москва) и другие.

Работа конференции была продолжена в рамках трех секций: «Теоретические и методические аспекты развития туризма», «Региональные проблемы развития рекреации и туризма» и «Социально-экономические и экологические аспекты развития туризма». По итогам работы конференции была организована работа круглого стола на тему: «Актуальные проблемы развития туризма», на котором состоялось активное обсуждение проекта рекомендаций конференции.

Одной из традиций проводимых в Смоленске конференций является организация выездных заседаний и ознакомительных туров по Смоленской области. В рамках последней конференции была организовано выездное заседание в Вяземский район Смоленской области. На базе музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» состоялось тематическое заседание конференции: «Природное и историко-культурное наследие как фактор развития туризма».

Участники конференции ознакомились с достопримечательностями Смоленска и Смоленской области, оценили состояние туристской инфраструктуры и непосредственно убедились в наличии проблем развития туризма в регионе и возможностях их решения.

Смоленская область, обладая выгодным туристско-географическим положением у западных границ государства, значительным туристско-рекреационным потенциалом и сложившейся системой подготовки профессиональных кадров, в перспективе может стать одним из ведущих туристских регионов России. В связи с этим большое внимание на конференции уделялось прикладным аспектам развития туризма на Смоленщине. В числе приоритетных программ развития международного туризма рассматривались российско-белорусские проекты, а также разработка социально-экономического обоснования туристских маршрутов «Старая Смоленская дорога» и «Золотое кольцо Смоленщины».

Плодотворное общение представителей науки и туриндустрии разных стран и регионов позволило определить общие подходы и наметить стратегию развития туризма в регионах, что нашло отражение в принятых рекомендациях конференции для федеральных и региональных органов власти, способствующие развитию туризма в регионах.

РЕКОМЕНДАЦИИ V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТУРИЗМ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ» (Смоленск, 9–10 октября 2008 г.)

Международная научно-практическая конференция «Туризм и региональное развитие», учредителями которой являются Европейская ассоциация образовательных учреждений в сфере туризма (ATLAS, Нидерланды), Международная Туристская Академия, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

(г. Москва), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова и непосредственные организаторы – Администрация Смоленской области, Администрация города Смоленска, Смоленский гуманитарный университет, рассмотрела ряд актуальных проблем туристской деятельности в странах и регионах. Основные направления работы конференции определил Научный комитет, который по традиции возглавил доктор географических наук, профессор, директор Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева Веденин Ю.А.

Конференция прошла под патронатом Постоянного Комитета Союзного государства «Беларусь–Россия».

Организационный комитет конференции возглавила заместитель губернатора Смоленской области Окунева О.В. В работе конференции приняли активное участие ведущие ученые Москвы, Санкт-Петербурга, регионов России, представители Германии, Беларуси, Украины, Польши, Латвии, Эстонии. К открытию конференции издан сборник научных статей «Туризм и региональное развитие» (Выпуск 5) в составе более ста работ отечественных и зарубежных авторов на русском и английском языках.

На пленарных и секционных заседаниях освещены теоретические и прикладные проблемы: организация туристской деятельности на мировом и национальном уровнях, участие Союзного государства в развитии туризма России и Беларуси, сохранение и использование объектов природного и культурного наследия, инновационные процессы в туризме, формирование имиджа страны и региона, использование туристско-рекреационного потенциала стран и регионов, экологические аспекты туристской деятельности, подготовка кадров и др. Обсудив эти проблемы, участники конференции выработали ряд рекомендаций:

1. Федеральным и региональным органам власти и управления в сфере туризма:

1. Принимать нормативно-правовые документы в сфере туристской деятельности только после их научной и общественной экспертизы.

2. Совершенствовать методику формирования статистических данных о развитии туризма и освещать их в средствах массовой информации.

3. Принять и использовать единый формуляр кадастрового паспорта регионов с показом структуры землепользования, объектов природного и культурного наследия, туристской инфраструктуры, участков потенциального инвестирования (с указанием кадастровой цены земельных участков), что позволит разрабатывать программы развития туризма и конкретные проекты на научной основе и обеспечивать их сопоставимость по основным показателям.

4. Оказывать эффективную государственную поддержку в сохранении культурного и природного наследия как фактора формирования национального самосознания.

5. Усилить работу по формированию позитивного имиджа России и её регионов, более активно продвигать национальный и региональный турпродукт на мировой рынок.

6. Оказывать эффективную государственную поддержку «точкам роста» туриндустрии (национальным паркам, музеям-заповедникам и др.), привлекая частные инвестиции и реализуя концепцию частно-государственного партнёрства.

7. Проявить внимание к формированию туристской инфраструктуры в регионах, с привлечением частных, государственных и иностранных инвестиций, включая гостиницы, объекты питания, оздоровительные объекты, дороги и др.

8. Рассмотреть возможность создания национального Музея туризма как научно-методического и культурно-просветительского центра для широких слоев населения.

9. Активизировать сотрудничество в сфере туризма в рамках Союзного государства, поддержать инициативу по созданию постоянно действующего Российско-Белорусского научно-практического семинара, оказать содействие в разработке и осуществлении трансграничных туристских маршрутов, усилить координацию в подготовке кадров и повышении квалификации работников сферы туризма.

10. Провести консультации между западными приграничными регионами по вопросу обращения к ЮНЕСКО о включении отдельных объектов древнего пути «из варяг – в греки» в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

11. Рассмотреть вопрос о создании Туристско-рекреационной особой экономической зоны на территории Смоленской области как одного из наиболее перспективных западных регионов Российской Федерации для развития въездного туризма.

2. Научно-исследовательским учреждениям и организациям:

1. Организовать при поддержке Международной Туристской Академии (МТА) сайт для формирования электронной версии двуязычного (англо-русского) словаря терминов, рекомендуемых к использованию при подготовке законопроектов и иных документов федерального и регионального уровней.

2. Принять участие в составлении единого кадастра туристско-рекреационных ресурсов с последующим их внесением в кадастровые паспорта регионов.

3. Осуществлять мониторинг рынка туристских услуг на региональном, национальном, международном уровнях с целью корректировки развития отрасли.

4. Осуществить комплексные исследования, позволяющие аргументировать инициативу Российской Федерации о включении древнего пути «из варяг – в греки» в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

5. Способствовать внедрению инноваций в туристско-рекреационную сферу с учетом необходимости и целесообразности развития в регионах России сельского, экологического, культурно-познавательного, делового и иных перспективных видов и форм туризма, обеспечивая высокое качество, надежность и безопасность туристского процесса, используя имеющиеся возможности в области стандартизации и сертификации туристских услуг и услуг гостиниц, в т.ч. путем разработки региональных стандартов.

3. Образовательным учреждениям:

1. Повысить качество подготовки специалистов для сферы туризма с учетом реальных потребностей региональных рынков труда, устанавливать более тесные связи с предприятиями туриндустрии в целях повышения качества подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для сферы туризма.

2. Предусмотреть в учебных планах подготовки специалистов изучение предметов, направленных на формирование важнейших умений и навыков для работы в сфере туризма (коммуникативные навыки, знание иностранных языков, страноведческая подготовка, компьютерная грамотность и др.).

3. Совершенствовать систему практик и стажировок преподавателей и студентов в ведущих вузах и учреждениях туристского бизнеса в России и за рубежом Считать целесообразным международные обмены студентами и преподавателями между вузами, специализирующимися на подготовке кадров для сферы туризма.

4. При формировании региональных систем подготовки кадров предусмотреть необходимость создания Центров переподготовки кадров и повышения квалификации работников сферы туризма в регионах.

4. Предприятиям туристско-гостиничного сервиса:

1. Содействовать подготовке кадров и повышению квалификации работников туристских предприятий через систему среднего и высшего профессионального образования, дополнительного профессионального образования с целью улучшения качества обслуживания туристов в регионах.

2. Шире использовать инновационные технологии для улучшения качества туристского продукта на уровне международных стандартов.

3. Целенаправленно развивать внутренний и въездной туризм как приоритетное направление с активным использованием туристско-рекреационных ресурсов регионов при соблюдении экологических требований и бережном отношении к историко-культурному наследию.

4. Способствовать улучшению туристской инфраструктуры в регионе, направляя усилия на создание частных малых гостиниц, современных туристско-гостиничных комплексов, объектов общественного питания и других объектов туристской индустрии

5. Усилить взаимодействие предприятий туристско-гостиничного сервиса в рамках региональных и национальных туристских организаций с целью консолидации усилий в решении актуальных проблем развития отрасли.

5. Организационному комитету конференции:

1. Обеспечить освещение итогов конференции в средствах массовой информации и специальной литературе.

2. Организовать в г. Смоленске VI Международную научно-практическую конференцию «Туризм и региональное развитие» в октябре 2011 года.

3. Приступить к формированию сборника научных статей (на русском и английском языках) «Туризм и региональное развитие» (Выпуск 6).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковалев Юрий Павлович – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и туризма Смоленского гуманитарного университета
E-mail: yury_kovalev@shu.ru

Клоков Константин Борисович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник факультета географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: konstantinklokov@inbox.ru

Мажар Лариса Юрьевна – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и туризма, проректор по учебной и воспитательной работе Смоленского гуманитарного университета
E-mail: lmazhar@shu.ru

Машурова Екатерина Анатольевна – старший преподаватель кафедры английского языка и перевода Смоленского гуманитарного университета, аспирантка кафедры геополитики Орловской региональной академии государственной службы
E-mail: katya@shu.ru

Нефедова, Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН
E-mail: trene12@yandex.ru

Свиридова Мария Викторовна – аспирантка Института географии РАН
E-mail: m-vitis@yandex.ru

Скалон Александр Васильевич – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и туризма Смоленского гуманитарного университета
E-mail: avskalon@rambler.ru

Трейвиш Андрей Ильич – главный научный сотрудник Института географии РАН, доктор географических наук
E-mail: trene12@yandex.ru

Щербакова Светлана Александровна – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и туризма, начальник отдела международных связей Смоленского гуманитарного университета

Хрущев Сергей Андреевич – кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: shr60@mail.ru

Часовский Владимир Иванович – кандидат географических наук, доцент, докторант кафедры экономической географии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена
E-mail: chasovsky@rambler.ru